Лиллиан — плохой человек, но Кирстен Кинг — ВЕЛИКОЛЕПНАЯ писательница.

Сара Харман, автор романа «Все матери меня ненавидят»

Кирстен Кинг

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

18+

Хороший человек
Кирстен Кинг

Аннотация
Кирстен Кинг. Хороший человек
Пролог
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая

Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Благодарности

Аннотация

Жизнь Лиллиан – полный отстой. Ей почти тридцать, а похвастаться она может разве что гордым званием офисного планктона, проблемами с алкоголем и отсутствием нормального парня. Но над последним Лиллиан хотя бы работает. Она уверена: чтобы заполучить мужчину мечты, нужно просто стать лучшей версией себя. Ради Генри она готова на все – готова быть идеальной. Еще немного, и этот эгоистичный болван официально предложит Лиллиан стать его девушкой. Но когда Генри внезапно дает ей от ворот поворот, разбитое сердце требует проверенного годами лекарства – выпивки. И толики черной магии… Вместе с единственной подругой Лиллиан проводит ритуал и проклинает бывшего. В шутку, само собой. Вот только наутро Генри находят мертвым, а Лиллиан внезапно становится главной подозреваемой в его убийстве.

Впервые на русском – блестящий коктейль из психологического триллера и едкой социальной сатиры. «Через историю Лиллиан

– самовлюбленной фантазерки, которая просто хочет быть любимой, – Кинг беспощадно высмеивает все: от современного дейтинга до культа тру-крайма» (Glamour).

Экранизация романа готовится одной из крупнейших британских киностудий Working Title Films («Реальная любовь», «Дневник Бриджит Джонс», «Искупление»). Продюсером картины выступит Дейзи Эдгар-Джонс, звезда сериала «Нормальные люди».

Кирстен Кинг
Хороший человек

Девочкам, которые собрали из крошек пирог
Кто не спрашивал себя хоть раз: я чудовище или это и есть то, что значит быть человеком?

Клариси Лиспектор

Kirsten King
A GOOD PERSON

Copyright © 2026 by Kirsten King

© В. Л. Капустина, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Пролог

В десять лет я чуть не столкнула девочку в вольер с гориллами в зоопарке Франклина в Бостоне, штат Массачусетс. Ее звали Мелани Фрэнк. Она была вечно окружена недалекими приспешницами и всегда верховодила в играх на перемене. Мелани не была ни особенно хорошенькой, ни стильно одетой, а место на вершине школьной иерархии занимала лишь потому, что умела заставить детей вроде меня чувствовать себя жвачкой, прилипшей к подметке.

В автобусе, который вез наш класс на экскурсию в зоопарк, Мелани сидела рядом со своей подругой Маккензи: эта парочка называла себя «Эм-энд-Эм». Они шептались и время от времени прыскали от смеха. Я сидела одна позади них. Вдруг Мелани покрутила носом и стала принюхиваться, как ищейка.

— Чем это воняет? — громко спросила она Маккензи.

Я тоже принюхалась и ничего, кроме запаха пластика от сиденья передо мной, не учуяла.

— Да вроде ничем, а что? — отозвалась Мак-

кензи.

— Кажется, Лиллиан пукнула, — хихикнула Мелани, оглянувшись на меня.

По автобусу прокатилась волна смеха, и все посмотрели в мою сторону. Навонять считалось смертным грехом в начальной школе — наличие ануса у девочек вообще не приветствовалось. Я заерзала, раздумывая, стоит ли защищаться от ложных заявлений Эм-энд-Эм или лучше промолчать. Решила промолчать и просто сидела вся красная, уставившись в окно. Через мгновение я ощутила резкий запах — как будто кто-то достал тухлое яйцо. Я поняла, что Мелани прикрыла мною собственные грязные делишки.

Всю экскурсию я держалась на несколько шагов позади Мелани и прожигала воображаемую дыру в ее светло-русом затылке. Когда мы подошли к вольеру с гориллами, Мелани перегнулась через ограждение, загородив нам всем обзор. Конечно, она ведь полагала, что больше заслуживает внимания, чем горилла из Конго. Я тянула шею, чтобы лучше разглядеть обезьяну, а видела только розовые капри Мелани и краешек ее трусиков с «Хеллоу Китти». Ее маленькая попа покачивалась перед моим лицом. Я бросила взгляд на табличку — на ней было четко написано: «НЕ

ОБЛОКАЧИВАТЬСЯ НА ПЕРИЛА».

Значит, она считает, что правила зоопарка ей не писаны?

Нет, я не подумала о последствиях, прежде чем толкнуть ее. Это был порыв, с которым я не могла справиться — так Человек-паук выпускает паутину, — с той лишь разницей, что я не пыталась спасти Мэри Джейн, а жаждала увидеть ее падение. В общем-то, это была шутка, хотя, когда Мелани потеряла равновесие и чуть не рухнула в вольер к огромной обезьяне, я поняла, что другие могут воспринять это иначе.

Наша учительница мисс Майерс в последний момент поймала Мелани за руку и вернула ее обмякшее, словно тряпичная кукла, тело в безопасное место. Мисс Майерс уже говорила нам, что занимается кроссфитом, и теперь я убедилась, что она не врала. При виде сильных рук учительницы, опускающих на землю перепуганную Мелани, низ живота у меня свело спазмом. Как только ноги Мелани коснулись асфальта, одноклассники уставились на меня так, будто только сейчас по-настоящему меня разглядели и результат им не понравился. Позже я узнала, что на днях в лондонском зоопарке львы растерзали ребенка. Наверное, это была больная тема — вро-

де 11 сентября, только про зоопарк.

Мать забрала меня прямо с экскурсии. Она была вся на нервах и беспрестанно извинялась, то собирая волосы в хвост, то снова распуская их, — это у нее такой тик, я регулярно его наблюдала, когда мы с ней приходили в банк. Мать рассыпалась в извинениях перед мисс Майерс, а потом и перед мамочкой Мелани, которая, прибыв на место событий, сжимала дочь в объятиях, будто та только что вернулась с войны. Мелани наслаждалась каждой секундой этого представления. После тридцатого маминого извинения мисс Майерс сказала, что будет лучше, если она заберет меня домой.

Мы с матерью сели в ее машину. Мои одноклассники стояли на парковке в ожидании автобуса. Видимо, экскурсия закончилась для всех.

— Лил, зачем ты это сделала? — спросила мама, глядя на меня в зеркало заднего вида. — Ты же могла ее убить.

— Я не хотела, — угрюмо ответила я. — И вообще, она ужасный человек.

Это была правда. Мелани, пожалуй, была худшим человеком в школе, но я вовсе не хотела, чтобы с ней случилось что-то страшное. Я всего лишь хотела преподать ей урок: чтобы та не пе-

регибалась через ограждение и не наговаривала на людей, будто они пердят. Но если бы я лишила ее жизни, пусть и случайно, то еще больше отдалилась бы от одноклассников. Меня и без того считали странной из-за присущего мне чувства юмора и траченной молью одежды. Я и так была изгоем. Не хватало только убить самую популярную девочку в классе.

— Так делать нельзя, — пожурила меня мама и принялась чесать шею, как будто ее мучила крапивница.

— Знаю. — Я сглотнула. — Мне что-то нехорошо.

Мама потянулась к заднему сиденью и положила руку мне на лоб:

— Гм. Ты горячая.

В детстве я обожала болеть или притворяться больной; я делала это так часто, что эти два состояния стали для меня почти неотличимы. Мне нравилось кутаться в одеяло и смотреть телевизор до тех пор, пока глаза не начинало щипать, словно в них насыпали толченого стекла. Каждый раз, когда мы с мамой проезжали мимо билбордов Бостонской детской больницы, я завидовала тамошним пациентам: как же повезло этим детям, сколько внимания им уделяют! Ино-

гда я думала, что славно было бы действительно заболеть и умереть молодой. Помнить меня будут вечно, и делать ничего для этого не надо. Но в тот раз мне просто хотелось прогулять школу на следующий день.

Я смотрела, как одноклассники забираются в желтый автобус, а Мелани и Маккензи, взявшись за руки, бегут к машине матери Мелани. По-видимому, пострадавшая вполне оправилась от события, которое так ее травмировало всего несколько минут назад. Мы с матерью ждали на парковке, когда все разъедутся, словно поехать вслед за Мелани по той же самой дороге значило пересечь еще одну красную линию. У меня внутри все сжалось от внезапной острой тоски. Больше всего на свете мне хотелось быть в этом автобусе, даже больше, чем чтобы Ник Джонас сжимал меня в объятиях, пока я не лопну. Неужели я разрушила свою жизнь одной дурацкой ошибкой? Передо мной возникло мое мрачное будущее. У меня никогда не будет лучшей подруги, с которой мы бы стали настолько неразлучны, что наши имена образовали бы общее прозвище. Мне никогда не быть лидером и даже в свите лидера не бывать. Никто никогда не станет держать для меня место в автобусе.

Я навсегда останусь за стеклом, снаружи, и смогу разве что заглядывать внутрь.

Глава первая

Я сразу заметила, что мое имя на торте было написано с ошибкой. Вместо «С днем рождения, Лиллиан!» там было «С днем рождения, Лилиан!». Мне это показалось дурным предзнаменованием — все пойдет насмарку из-за отсутствия этой буквы Л. Я смотрела на магазинный торт пастельных тонов, а коллеги фальшиво исполняли «С днем рождения тебя». Громче всех пела Джессика — и с таким энтузиазмом, как будто ее со скрипом взяли в хор и теперь она изо всех сил старалась выделиться и добиться признания. Джессика была самым свежим приобретением компании и то и дело приглашала всех выпить кофе и «поделиться опытом». Никто ведь не догадается, что за этим фальшивым «поделиться опытом» скрывается стремление выудить побольше информации. Она только что окончила колледж, и ее организм содержал больше коллагена и оптимизма, чем у меня когда-либо было в жизни. Я ее ненавидела.

У меня на работе почти не было друзей. Мне случалось обменяться с кем-нибудь гифками в корпоративном мессенджере, но вот найти

общий язык с коллегами не получалось. Все они занимались пилатесом на реформерах, пили матчу и каждые вторые выходные ходили на чьи-то свадьбы. Откуда у них столько знакомых брачного возраста, для меня оставалось загадкой. Кроме того, все они виртуозно изображали трепетную любовь к родной компании, небольшой маркетинговой фирме под названием «Физзл», которая позиционировала себя как очень прогрессивную. Как будто тот факт, что наш генеральный директор белая женщина, означал, что мы играем в капитализм иначе, чем остальные.

Рядом с Джессикой стояла моя начальница Кэндис, заместитель генерального директора. Кэндис была вся в красном, на ногах вишневые кроксы. Кажется, у нее имелись кроксы на каждый сезон, даже утепленные — для суровых бостонских зим. Другие девушки часто хвалили ее стиль, но лично мне она казалась похожей на эмоционально недоразвитого клоуна.

— С днем рождения тебя-а-а-а! — выводила Кэндис.

В общем и целом она была неплохой начальницей. Из чувства вины, свойственного миллениалам, она щедро предоставляла подчиненным выходные, а однажды разрешила коллеге остать-

ся дома, потому что у той было «эмоциональное похмелье» после просмотра «Игры в кальмара». Сначала я думала, что ее яркие наряды и доброта со временем полиняют, но за три года моей работы в компании Кэндис не утратила своей жизнерадостности. Мне бы хотелось хорошо к ней относиться, но в ее присутствии я чувствовала себя темной тучей, готовой пролиться на нежный чайный гриб корпоративной культуры.

— Задуй свечи! — сказала Кэндис и сунула торт прямо мне под нос.

Я изо всех сил растянула губы в улыбке, а потом задула свечи. Настоящее желание на бракованном торте я решила не загадывать. Вряд ли стоило рисковать: вдруг из-за каких-нибудь космических накладок все, чего хотела я, Лиллиан с двумя Л, сбудется для Лилиан с одной Л.

На самом деле мне нравится, когда проявляют внимание, но сегодняшний день рождения был исключением. Против моей воли мне исполнилось двадцать девять. По идее, в этом возрасте мне уже пора было иметь такой комплекс ухода за кожей, чтобы не вскакивали прыщи. А также работу с шестизначной суммой заработка, где меня бы не перебивали на совещаниях. А еще достаточно нижнего белья, чтобы прожить месяц,

не залезая в ящик с трусами времен колледжа. Да что там, мне пора было выбросить нижнее белье, оставшееся с колледжа. И найти преданного и любящего партнера.

По крайней мере, над последним пунктом я работала.

— Кто хочет кусочек? — бодро спросила Кэндис, начиная резать торт.

Посыпались стандартные фразы:

— Разве что совсем чуть-чуть.

— Очень маленький кусочек.

— Я, как назло, плотно пообедала.

— Первый кусок имениннице! — провозгласила Кэндис и протянула такой большой кусок, что это показалось мне издевательством.

— Спасибо, — безжизненно ответила я.

Коллеги еще раз поздравили меня с днем рождения и разошлись по своим рабочим местам с тонкими, как бумага, кусочками торта на тарелках. Интересно, не позовет ли меня кто-нибудь выпить после работы? Так сказать, отметить. Но предложений не последовало.

Ритуал празднования дня рождения был выполнен.

Я проверила, не написал ли мне Генри, парень, с которым я встречалась аж четыре месяца, но

обнаружила только шесть сообщений от мамы:

С днем рождения!! Позвони мне.

Ты слышала о вспышке кишечной палочки?

Не покупай сельдерей.

От него уже умер один человек. ☹

Тебе пришло письмо.

Макулатура какая-то.

Общаться с моей матерью все равно что открыть входную дверь во время снежной бури: всякий уют будет мгновенно разрушен порывом ледяного ветра. Мама всегда вела себя очень театрально. Свою жизнь она воспринимала как телесериал: взвизгивала, если ее подрезали на дороге или если обнаруживала, что забыла свой термос с кофе дома. Каждый раз, отвечая на телефонный звонок подруги, она делала такой глубокий и резкий вдох, что я готовилась услышать о смерти бабушки, или самой этой подруги, или Дэвида Швиммера (мама очень любила Дэвида Швиммера). Обычно такая реакция означала всего лишь, что кто-то неудачно подстригся или выиграл четыре доллара в лотерею. Сегодня у меня не было сил на общение в таком стиле.

Вернувшись к своему столу, я в режиме инког-

нито открыла профиль Генри в «Линкедине». На фотографии каштановые волосы были зачесаны назад и смазаны гелем. А такие очки в роговой оправе обычно покупают в аптеке в надежде обновить имидж. Генри работал риск-аналитиком в банке «Стейт-стрит». Он как минимум двенадцать раз объяснял мне суть своей деятельности, но я так и не смогла до конца понять, чем, собственно, он занимается. Когда Генри говорил о работе, я поднимала брови и старалась в нужные моменты выдавать адекватную реакцию, но на самом деле не имела ни малейшего понятия, что он делает у себя в офисе. «Линкедин» был единственной социальной сетью, которой пользовался Генри, и нашим единственным виртуальным каналом связи. Я как-то нашла его приватный аккаунт в «Инстаграме», но он сказал, что давно деактивировал этот профиль. Генри утверждал, что такие платформы, как «Инстаграм» и «Фейсбук»[1], создают опасный политический раскол между людьми, которые в основном являются единомышленниками. И потому он, как честный

---

[1] Примечания: 1

Социальные сети Instagram («Инстаграм») и Facebook («Фейсбук»). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram — запрещена на территории Российской Федерации. — *Примеч. ред.*

человек, не может общаться в социальных сетях. Теоретически я была с ним согласна, но менять свои привычки не собиралась. И потом, мне так нравилось наблюдать, как мои бывшие одноклассники с годами становятся все уродливее.

Мы с Генри познакомились в пабе неподалеку от Фенуэй-парка: я там была с коллегами. На корпоративах полагалось выпивать не больше двух коктейлей и стараться убедить коллег, что ты нормальная. Но поскольку мои коллеги совершенно невыносимы, то, когда я заметила Генри, на моем счету уже было три коктейля. Он сидел за барной стойкой со своим ноутбуком и потягивал виски с содовой. Красив, но не настолько, чтобы казаться недосягаемым. Немного похож на Билла Хейдера, с которым я всегда мечтала переспать. Я подошла к нему, заказав четвертый бокал.

— Кто же приходит в бар с ноутбуком? — поддразнила я, поставив локоть на стойку.

Мой локоть тут же с нее соскользнул, но я сделала вид, что так и было задумано.

Генри сначала опешил, но, поняв, что я шучу, улыбнулся:

— Надо было кое-что доделать, — объяснил он.

Бармен поставил передо мной бокал.

— Не хотите угостить меня? — Я кивнула на

бокал.

Генри удивился, но быстро овладел собой:

— Э-э… Да, разумеется.

Я сгребла свой бокал и чокнулась со стаканом Генри с такой силой, что тот чуть не опрокинулся. Генри успел его придержать, а то бы виски с содовой пролилось на его электронику.

— Будем здоровы! — сказала я.

Я вернулась к коллегам; они как раз обсуждали модный сериал, и все сошлись на том, что тот действительно «нечто». Я взглянула на Генри — он все еще склонялся над «Макбуком Про». Вечер шел своим чередом, коллеги один за другим расходились, а Генри оставался. Когда все ушли, я на негнущихся ногах приковыляла к нему и плюхнулась рядом. Мобильный Генри лежал на стойке. Я взяла его, и Генри, как робот, выполняющий свою программу, взмахнул рукой, чтобы помешать мне.

— Успокойтесь, — ухмыльнулась я. — Просто забиваю свой номер. — Генри открыл было рот, но возражать не стал. — Если, конечно, вы не против. — Я приподняла бровь, словно бросая ему вызов.

Он не ответил, и я записала свой номер.

— Вы всегда такая дерзкая? — спросил Генри.

— Нет, — солгала я.

Мужчинам очень льстит, если ты нарушаешь свои строгие правила, чтобы добиться их. Типа ты шлюха с ним, но девственница со всеми остальными. Поэтому, ложась в постель на первом свидании, я всегда говорила: «Обычно на первом свидании я себе такого не позволяю». Это для мужчины все равно что ехать на новенькой, с пробегом в несколько миль, машине. Это ретроградное мышление, я понимаю, но такова реальность, и я приняла ее.

— Вот. Звоните. — Я улыбнулась, возвращая ему телефон.

— О-о, хорошо. Спасибо, — ответил Генри.

Я вышла из бара, стараясь не шататься и представляя себя героиней Джулии Робертс из фильма девяностых: сексуальной, непосредственной, с блестящими, не поврежденными окрашиванием волосами, развевающимися на ветру за спиной. Я представила, как Генри провожает меня взглядом и качает головой, не веря своей удаче. На следующий день я поняла, что забыла заплатить по счету в баре. Тогда я взяла и заблокировала кредитную карту. Через несколько дней Генри написал:

Ты дерзкая. Это пугает, но и интригует.

С той судьбоносной встречи мы постоянно общались, хотя эмоциональный контакт налаживался медленнее, чем мне бы хотелось. Секс у нас был еженедельный, но Генри так много работал, что на ужины или на что-то большее у него времени не оставалось. По выходным он тоже обычно был занят в офисе или волонтерской деятельностью. Но после четырех месяцев отношений я чувствовала себя с Генри комфортно. Мне нравилось проводить с ним вечера, курить травку, смотреть плохие сериалы на «Нетфликсе» и делать вид, что слушаю, когда он рассказывал мне про свой день. Приятно было расслабиться.

Мои размышления прервал скрип кроксов. К столу подошла Кэндис. Я быстро переключилась со страницы Генри на корпоративную почту и, прищурившись, уставилась на экран, будто я вся в работе.

— Слушай, подруга, — сказала Кэндис, нависая над моим столом. — Какие планы на вечер дня рождения? Знаешь, у нас сегодня йога со щенками… Если, конечно, ты свободна.

Кэндис часто устраивала всякие призванные сплотить коллектив мероприятия, которые на

самом деле были завуалированными поводами для фотосессии. В первом ряду она аккуратно размещала нескольких цветных. На фотографиях, которыми она делилась в «Инстаграме», мы выглядели как реклама университетского кампуса, где нет толстых. Будучи белой и не слишком сексуальной в общепринятом смысле слова, я обычно оказывалась в последнем ряду, поэтому избегала подобных сборищ, особенно тех, где хотя бы не наливали бесплатно. И я уж точно не собиралась идти на такое в день рождения.

— У меня планы с друзьями, — солгала я.

— О, разумеется! — сказала Кэндис. — Нам будет недоставать тебя!

— И мне вас, — ответила я, изобразив на лице улыбку; хоть бы она выглядела искренней.

— Вообще-то, я хотела обсудить с тобой еще кое-что, если есть минутка.

Кэндис присела на корточки, так что ее глаза оказались на уровне поверхности стола. У меня что, проблемы? Я так часто смотрела порно на своем рабочем ноутбуке, что на прошлой неделе подхватила вирус, который пришлось устранять IT-специалистам. Я очень надеялась, что они не смогли определить источник заражения. Неужели Кэндис собралась отчитать меня за это?

И именно в мой день рождения? Пусть только попробует. Тогда я заявлю, что она занимается сексшеймингом; обвинения с использованием модных словечек обычно действуют на таких, как Кэндис.

— Ты знаешь, что на следующей неделе приезжает Ведьма Велнесс?

Я выдохнула: она просто хочет поговорить о работе. Ведьма Велнесс — это клиентка, которую наша компания пыталась заполучить уже несколько месяцев. Эта антипрививочница убеждала людей, что они могут улучшить свою жизнь с помощью любительского колдовства. Она обучала заклинаниям, варила зелья и болтала в «ТикТоке» о материализации мыслей. Она даже какое-то время торговала пищевыми добавками, соками и плацентой, пока не вмешалось Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств. У Ведьмы Велнесс были миллионы подписчиков. Рекламные агентства Бостона дрались за право представлять ее интересы при заключении спонсорских сделок. Лично меня от нее тошнило, но знак доллара был у нее на лбу написан, так что мое мнение не имело никакого значения.

Я натянуто улыбнулась:

— Да. Вот бы нам заполучить ее!

— Я тут подумала… Ты могла бы подготовить презентацию и провести встречу вместе со мной. Ты уже давно у нас, и я бы очень хотела поспособствовать твоему карьерному росту.

Кэндис прямо сияла.

— Провести встречу вместе? — переспросила я.

— Нет, ну говорить в основном буду я — этим я не стану тебя грузить. Но, может быть, ты могла бы все организовать?

Итак, она предоставляет мне «шанс проявить себя» — классическая уловка начальника, когда нужно взвалить на подчиненного дополнительную работу, а повысить ему зарплату нет ни возможности, ни желания. В случае успеха мне не светили ни комиссионные, ни признание заслуг, но, если бы я не справилась или не проявила бы должного энтузиазма, это непременно использовали бы против меня.

— Здорово, — сказала я, внутри кипя от гнева.

Кэндис захлопала в ладоши:

— Я знала, что ты согласишься, именинница! Я пришлю тебе сегодня все материалы в кратком изложении, и можно начинать готовить презентацию.

— Круто. — Я поджала губы.

Кэндис отошла к столу Джессики:

— Привет, подружка! Надеюсь, увидимся сегодня на йоге со щенками?

Джессика развернулась на стуле:

— Еще бы! Я просто помешана на собаках.

Мой телефон завибрировал, не дав моим злобным мыслям о Кэндис полностью сформироваться. Это был Генри.

Какие у тебя планы на вечер?

Я не сказала Генри, что у меня день рождения. Ни к чему ему знать, что у меня нет планов на день, который по идее я должна бы проводить в компании друзей, вся в подарках и приятных сюрпризах. К тому же кое-какие варианты у меня имелись: мама предлагала приехать домой на ужин, а Джейми, подруга по универу, приглашала меня выпить. В надежде, что Генри захочет со мной увидеться, я пока не соглашалась ни на одно, ни на другое предложение.

Я улыбнулась. К черту этот жалкий недоеденный торт! Мне не нужно было загадывать желание, чтобы получить то, что я хотела.

Мое желание и так исполнится.

Глава вторая

Генри должен был прийти через десять минут, хотя он, случалось, опаздывал, но самое большее минут на сорок пять. Я сидела на кухне и пила вино из большого бокала, прощаясь с унылым двадцать восьмым годом жизни: со скучной работой, заурядными друзьями и дурацкой прямой челкой, которую зачем-то отращивала большую часть года.

В восемь тридцать Генри наконец позвонил в мою дверь. Он пришел прямо с работы: в белой рубашке и брюках цвета хаки, которые неприлично обтягивали его в паху. Как ни странно, это лишь усилило мое желание переспать с ним.

— Как на работе? — спросил он, отхлебнув из своего бокала.

— Отлично, — сказала я и повела его к дивану. — Мне поручили большой проект.

Генри расстегнул манжеты рубашки, закатал рукава и удобно устроился на диване.

— Поздравляю. Иди ко мне. — Он поставил бокал и поцеловал меня.

Генри не из болтливых и не из тех, кто тратит

много времени на прелюдию к сексу. Он предпочитал сразу переходить к делу — черта, которая, видимо, помогала ему успешно справляться с напряженной работой в финансовой сфере. Я не имела ничего против. Мне не требовалось настраиваться на секс: я ни на минуту не переставала думать о Генри.

Через пятнадцать минут после его прихода мы были уже в постели.

Я не могу похвастаться большими сиськами, но Генри использовал то, что есть, на полную катушку. Обычно это означало, что он будет долго сосать мою грудь. Иногда я начинала бояться, что оттуда действительно польется молоко… или кровь. Его голова качалась надо мной, а я лежала на спине и притворялась, что наслаждаюсь. Секс с мужчинами всегда был для меня прежде всего перфомансом. Сняв трусики, я становилась другим человеком: из двадцатидевятилетней невротички со средненькой работой я превращалась в крутую, готовую на все девчонку — из тех, что прыгают с парашютом, окунаются в ледяную прорубь, в фотобудке задирают майку с криком «Свободу соскам!», подруг называют «бандой», а на фестивалях запросто садятся на плечи мускулистым красавцам. Я была самой сексуальной

на свете. Мне нравилось, когда меня шлепали и душили, а однажды я довела парня до оргазма одним лишь локтем. Такую власть не купишь.

Генри нравилась моя раскрепощенность. Он прослушал в колледже один-единственный курс по гендерным исследованиям и часто упоминал об этом в разговорах со мной, утверждая, что именно этот курс сформировал его как личность. Не то чтобы на практике феминизм Генри был очень заметен. Но, видимо, он полагал, что освободиться от оков общества и раскрепоститься для женщины означает позволить мужчине кончить тебе в глаз.

Мой план состоял в том, чтобы заставить Генри полюбить меня, но двигаться к этому следовало постепенно и осторожно. За свои двадцать с небольшим я успела понять: мужчины — существа пугливые и капризные. Добиться, чтобы они что-то запланировали на неделю вперед или познакомили тебя со своими друзьями, — все равно что кинуть камень в зайца: он исчезнет раньше, чем камень пролетит половину пути. Последние четыре месяца я потратила на то, чтобы создать определенный образ себя — женщины, которую не раздражает, что с ней никогда не встречаются раньше восьми, и которая обожает слушать,

как Генри пересказывает все части «Дюны». Я понемногу готовила Генри к полноценным отношениям, неделю за неделей изматывая его хорошим сексом и тщательно подобранными общими интересами. Раньше я встречалась с мужчинами не дольше двух месяцев; все заканчивалось, как только я давала понять, что я тоже человек, у которого есть чувства, а не телка, с которой они познакомились на фестивале «Коачелла». Но с Генри я не собиралась наступать на те же грабли. Еще одни отношения насмарку — ну уж нет!

До сих пор моя тактика давала достойные результаты. Постепенно Генри стал упоминать друзей и родственников, с которыми хотел бы меня познакомить, и места, куда мы могли бы когда-нибудь съездить. Наше гипотетическое будущее вырисовывалось на глазах.

Я лежала на спине, Генри грыз мои соски, и они уже болели. Тогда я перевернула его и легла сверху. Переворачивать Генри было несложно. Мы весили почти одинаково; я обычно выбирала субтильных мужчин болезненного вида — словно они только что вернулись из Англии шестнадцатого века. Я оседлала Генри, и мне открылась его бледная грудь со скромной дорож-

кой темно-каштановых волос. Я подергала его за волосы. Когда мы занимались сексом, мне можно было делать все, что угодно. Генри скорее счел бы меня эксцентричной, чем сумасшедшей. Мне нравилось, что он истолковывал все странности в мою пользу.

— Ты такая сексуальная, Лиллиан! — сказал он.

— Знаю, — ответила я.

Так-то я не считала себя уж очень сексуальной. У меня большой нос и резкие черты лица, поэтому лицо в состоянии покоя выглядит злобным, а волосы я сама дома крашу в темно-рыжий цвет, — в общем, дешевая подделка под Чаппелл Рон. Мне досталась мальчишеская грудь, но зеленые глаза и вполне приличная задница спасали впечатление. Иногда я мечтала о большом наследстве: тогда можно было бы исправить недостатки с помощью пластической хирургии, накладных ресниц и постоянных инъекций ботокса в нужные места. Но у меня не было таких средств, поэтому приходилось брать изобретательностью в брачном танце. Людей привлекала моя наигранная уверенность в себе. Я шла по жизни с таким видом, что все понимали: эта умеет трахаться. Так оно и было. Именно в сексе

я старалась преуспеть большую часть своих лет. Я, может, и не была первой, к кому подходили в баре, но, почуяв, что я за фрукт, домой уводили именно меня.

Генри сгреб одну из моих недосисек, и от этого… слегка обмяк, но я сделала вид, что не заметила. Я просто положила его руку на свою задницу, и былая твердость вернулась. Я ввела его член внутрь, тем самым начав ритуал, который мы всегда выполняли во время секса.

— Может, нам… — начал он.

— Надеть презерватив? — подхватила я.

— Да. Боже, как же ты классно…

— Знаю, — сказала я.

— Я сейчас ко…

Рот у Генри округлился, а глаза расширились, как у кота, увидевшего за окном птицу, и он кончил в меня. Он блаженно выдохнул. Я застонала в ответ, как будто его оргазм меня возбудил. Обычно Генри кончал где-то через тридцать секунд, максимум — через две минуты. Но мне было все равно, сколько он продержится. Даже лестно, когда мужчина не может больше терпеть.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Это было потрясающе, — заверила я.

Я знала, что он не предложит мне кончить, — не

такие у нас были отношения. Я не возражала. Оргазм во время гетеросексуального секса — нечто доступное только в длительных отношениях, при такой любви и таком доверии, что ты можешь дать мужчине понять: он и рядом не лежал с твоим клитором. Мы с Генри пока еще только шли к этому. А уж когда он будет мой, я его обучу.

Я скатилась с Генри и потащилась в свой смежный санузел, подставив руку себе между ног, чтобы сперма не вылилась на пол. Я закрыла за собой дверь, села на унитаз и помочилась, тихонько пукнув. Почему бы гравитации не защитить меня от нежелательной беременности? Конечно, это было безответственно с моей стороны. Когда я спрашивала своих партнеров, нет ли у них заболеваний, передающихся половым путем, они все, как один, отвечали «нет», и я им безоговорочно верила. Я почти не пользовалась презервативами и считала, что прерванный половой акт — надежный способ контрацепции. К счастью, ничего серьезнее хламидиоза со мной не случалось. Я придерживалась двух правил: позволяла мужчинам кончать в меня только после второго свидания и принимала «таблетку следующего дня», если они кончали, когда я была снизу. Я подозревала, что эти меры

предосторожности не имеют значения, потому что я все равно бесплодна. Я не могла подтвердить эту теорию соответствующим диагнозом, но мои месячные казались бутафорскими, даже кровь на прокладках выглядела ненастоящей — прямо как киношный реквизит. Я не хотела детей, так что мысль о бесплодии не приводила меня в отчаяние — в отличие от всех остальных. В колледже я как-то по пьяни сказала соседке по комнате Франческе, что, похоже, бесплодна.

— Не говори так, — строго предупредила Франческа. — Рано или поздно ты захочешь детей.

— Не думаю. — Я взяла еще кусочек пиццы, обмакнула его в чесночный соус и забросила в рот, как будто участвовала в соревновании едоков.

Мы с Франческой не были близкими подругами. Мы тусовались по отдельности и сближались только тогда, когда обе оказывались пьяными в нашей комнате в общежитии. У меня сложилось впечатление, что она была религиозна на свой чудаковатый лад, а еще у нее на столе стояло столько фотографий брата, что я предположила, будто между ними что-то есть. Мне было наплевать на ее мнение о том, смогу ли я быть матерью и нужно ли мне ею быть. Не всем же рожать детей. Я бы завела ребенка только в том случае, если

бы сказочно разбогатела и смогла бы позволить себе нанять круглосуточную няню. В этом идеальном мире я бы видела своих гипотетических отпрысков час в неделю, и все это время они бы благодарили меня за то, что я их содержу. Почему я должна притворяться, что неспособность иметь детей — это беда? Если бы я все же забеременела, мысль об аборте пришла бы мне в голову скорее, чем Кен Дженнингс успел бы нажать на кнопку в телевикторине.

— Да ладно, — сказала я своей соседке по комнате, — если у меня не будет детей, это не конец света.

— Выпускать в мир такую энергию опасно, — с важностью произнесла Франческа.

Я спустила воду в туалете. А вдруг это моя убежденность, что я бесплодна, сделала меня бесплодной? Мне случалось читать о магическом мышлении, что, мол, с его помощью можно притянуть хорошие события. А вдруг у меня есть способность силой мысли вызывать к жизни что-то темное?

Когда я вернулась в спальню, Генри сидел, уткнувшись в телефон.

— Я в душ, — сказала я.

Генри хмыкнул в ответ, увлеченный тем, что

видел на экране. Я старалась не ревновать к незнакомке, которая написала то, что он сейчас читал. Забравшись в душ, я быстро помастурбировала, прокручивая в голове сцену из фильма «Свадьба лучшего друга», где Дермот Малруни слизывает кольцо с пальца Джулии Робертс. Мне потребовалось секунд двадцать, чтобы кончить, представив себе, как они долго смотрят друг на друга. Потом я вытерлась и пошла на кухню за вином. Вернувшись в спальню с бутылкой, я обнаружила Генри на краю кровати, полностью одетого. Он оставался у меня на ночь только один раз, после того как мы в четверг вечером выпили по бутылке текилы. У меня хватило чувства собственного достоинства не пытаться раскрутить его на еще одну ночевку без бутылки. Но я пока была не готова к его уходу.

— Ты уходишь? — Я старалась, чтобы мой голос звучал приветливо.

— У меня еще куча работы, — ответил Генри.

— У тебя ноутбук с собой? Можешь работать здесь, если хочешь.

Я понимала, насколько жалко прозвучало это предложение.

— Боюсь, ты будешь меня отвлекать. — Генри подмигнул, натягивая носки.

Я безжизненно улыбнулась, прислонившись к дверному косяку. Руки отяжелели. Все-таки четыре бокала вина натощак… Кажется, я немного пьяна. Из-за алкоголя и половых гормонов, захлестнувших мой мозг, вид одевающегося Генри вдруг показался мне катастрофой.

— У меня сегодня день рождения, — выпалила я.

Генри замер.

— Что? — потрясенно спросил он. — Серьезно?

Я совершила ошибку. Он теперь наверняка решит, что я жалкое создание — жду, что парень напишет мне в день рождения, сижу дома в одиночестве и мечтаю о том, чтобы со мной случилось что-то хорошее, ведь ничего хорошего со мной никогда не случалось.

— Я уже отметила с друзьями за ужином, — поспешила я исправить положение. — Вообще-то, я против дней рождения. Ненавижу всю эту хрень с поздравлениями, подарками… Это же тупо выкачка денег.

— Почему ты мне не сказала? Я бы… Ну, я бы понял, что у тебя планы. Но я бы послал тебе открытку или что-то в этом роде. — Генри нервно почесался.

— Я не хотела, чтобы ты это делал! — сказала я,

и это прозвучало вполне убедительно. — Люди не должны тратить деньги на такие вещи.

Это даже не было совсем уж неправдой. Я привыкла получать дерьмовые подарки на день рождения. В детстве мы с мамой жили в съемном одноэтажном доме в Арлингтоне, штат Массачусетс. У нас было все необходимое, но ничего лишнего. Мы едва могли себе позволить отопление, что уж говорить о модных уггах или что там еще я могла бы захотеть на день рождения. Обычно мама делала мне что-нибудь своими руками — например, вязала шарф цвета рвоты. Или дарила купоны на дополнительные часы у телевизора. День рождения был обычным днем — свидетельством того, что время идет, и больше ничем.

— Да нет, честно, все в порядке, — заверила я. — Я уже отпраздновала.

Генри выдохнул и задумчиво посмотрел на наполовину надетый носок. Потом натянул его.

Неужели я испортила вечер?

— Ладно, подожди, — сказал Генри. — Я сейчас вернусь.

Генри встал и вышел из спальни, закрыв за собой дверь. Я на мгновение испугалась, что он сбежит, но потом услышала, как он что-то ищет

у меня в гостиной. Хорошо, что моей соседки по квартире Элизы не было дома. Что бы она сказала, увидев, как мой парень хозяйничает в нашей с ней общей комнате? Она осуждала меня за мимолетные романы — вероятно, завидовала, будучи сама обречена на воздержание. Спустя минуту Генри вернулся в комнату, держа что-то за спиной.

— Закрой глаза, — сказал он.

— Зачем? — спросила я.

— Просто закрой, — сказал Генри. — Доверься мне.

Я закрыла глаза, мое сердце забилось от радостного предчувствия.

— А теперь открой, — велел Генри.

Передо мной стоял Генри с зажженной свечой «Янки» в руке. В комнате запахло имбирным печеньем. Я улыбнулась.

— С днем рождения, Лиллиан!

Мое сердце наполнилось нежностью.

— А теперь загадай желание! — Он придвинул свечу ближе.

Я подалась вперед и закрыла глаза. Подумала о том, сколько еще дней рождения мы отпразднуем вместе. О том, как Генри будет устраивать мне вечеринки-сюрпризы, брать меня с собой в

поездки, присылать цветы мне на работу, вызывая восхищение у моих коллег. Я представила себе, как Генри, увидев пожилую пару на улице, говорит мне:

— Когда-нибудь мы будем как они.

Это вам не торт на работе! На этот раз я решила загадать желание.

Я хочу, чтобы Генри Дэвис полюбил меня, и добьюсь своего, чего бы мне это ни стоило.

Глава третья

Я сидела на работе, бездумно перетаскивала фотографии Ведьмы Велнесс в «Пауэр поинте» и ждала, не завибрирует ли телефон. Прошло шесть дней с моего дня рождения, а Генри так и не вышел на связь. Я ему тоже не писала и поражалась собственному самообладанию. Наверное, это чувство сродни тому, что испытываешь при получения своего первого жетона общества «Анонимных Алкоголиков», хотя, честно говоря, единственное мое достижение заключалось в том, что я не выглядела неудачницей.

Я вспомнила наше первое свидание. Генри предложил пойти в спикизи[2] в финансовом квартале, недалеко от его офиса. Он сказал, что задержится на работе допоздна, и назначил встречу на половину десятого. Тут я насторожилась: я пока не была уверена, что Генри не опасен, а встречаться с мужчиной после восьми — слишком рискованно. К тому же была среда

---

[2] Примечания: 2

Спикизи (от *англ.* speak easy — говори потише) — подпольный бар или клуб, где тайно торговали алкоголем во времена «сухого закона» в США с 1920 по 1933 год.

— как известно, один из худших дней недели. Поразмыслив, я все-таки решила пойти. В конце концов, лучше познакомиться с опасным мужчиной, чем сидеть дома и в одиночестве разогревать себе замороженный ужин.

Я потратила целый час на макияж — разрисовала лицо так, что стала совсем не похожа на себя. Бюстгальтер надела с пушапом, но небольшим, чтобы Генри не почувствовал себя обманутым, если мы после ужина переспим. Поездка на метро заняла около тридцати минут, и я успела принять крошечную — как те, что предлагают в самолете — порцию водки, чтобы расслабиться. Отпивая, я встретилась взглядом с дерганым неопрятным мужчиной, который, казалось, тоже не прочь был глотнуть. Я допила и закинула в рот жевательную резинку, чтобы Генри не счел меня алкоголичкой. Оглядев других пассажиров, я заметила молодую пару с ребенком. Женщина была в кашемировом пальто, на пальце у нее красовалось кольцо с большим бриллиантом, а мужчина выглядел так, будто покупал одежду исключительно у Ральфа Лорена. Их малыш сидел в дорогой коляске, и его, вероятно, звали Теодор или Брукс. Я наклонилась, чтобы лучше рассмотреть лицо мальчика, и с облегчением поняла,

что он очень некрасив. Меня невероятно успокаивает, когда я получаю возможность убедиться, что у богатеев тоже рождаются страшненькие дети. Все-таки есть кармическая справедливость — можно купить все, кроме красоты. Уродливый младенец улыбнулся мне, и я ответила ему неискренней улыбкой.

Мать посмотрела на меня и просияла:

— Вы ему понравились.

Я не стала говорить, что это чувство невзаимно.

Генри встретил меня у бара, слегка приобнял, сказал, что рад снова видеть, и повел внутрь. В баре оказалось такое тусклое освещение, что пробираться к столу приходилось на ощупь, словно в доме с привидениями. Я оглядела других посетителей. В основном это были пожилые мужчины и, надо полагать, их любовницы. Генри вытер ладони о штаны. Он что, тоже нервничает?

— Это отличное место, — сказал он, глядя куда угодно, только не на меня.

Меню состояло из дорогущих авторских коктейлей, и у каждого рядом с названием было нарисовано определенное количество черепов, от одного до пяти, показывающее, насколько тебе снесет крышу этот напиток. Я заказала кок-

тейль на четыре черепа — хотелось как следует набраться, но при этом не выглядеть не знающей меры пьянчужкой.

В ожидании напитков мы поболтали о том, как я сюда добиралась и какая на улице погода. Генри поинтересовался, чем я занимаюсь, и, в свою очередь, немного рассказал о работе. Я не особенно слушала, просто наблюдала, как он крутит часы на запястье, и представляла, каково это — быть за ним замужем. Поглощенность Генри работой меня порадовала, в этом ощущалась какая-то надежность. Он был не похож на тех парней, с которыми я спала раньше. Приходишь к таким домой — на полу в спальне надувной матрас, а на столике в гостиной кальян соседа по квартире. С Генри явно можно было строить будущее.

— У тебя есть братья или сестры? — спросил он.

Может, лучше солгать? Я знала, что если ты единственный ребенок в семье, все сразу делают вывод, что ты либо эгоистка, либо не от мира сего. Я снова представила Генри своим мужем:

— Я единственный ребенок.

Пожалуй, не следует начинать со лжи. И потом, мне не хотелось нанимать фальшивую сестру на нашу будущую свадьбу. Генри поднял брови:

— Так ты, значит, избалованная.

Стоит ли рассказывать Генри, что я выросла в бедности? Тут ведь как повезет: иногда такие жалостливые признания вызывают у людей симпатию к тебе, а иногда у них возникает желание держаться от тебя подальше — вдруг бедность заразна. Мать забеременела мною в двадцать один год после случайного секса. Вопреки советам бабушки сделать аборт, она решила оставить меня. Мама подавала эту историю как героическую. Она говорила, что оставить меня было самым умным решением в ее жизни, потому что в день моего рождения у нее появилась лучшая подруга. Она почти ничего не говорила о моем отце, кроме того, что его звали Кевин и что в день моего зачатия он угостил ее ужином в закусочной «Дэйри квин». Несколько лет назад она призналась, что нашла его на «Фейсбуке» и узнала, что он погиб в аварии: разбился, сев за руль пьяным. Кажется, эта новость ее не сильно опечалила, из чего можно сделать вывод, что я отнюдь не дитя любви. Это многое объясняет. Я всегда чувствовала себя не такой, как большинство людей, вероятно, потому, что была создана практически как генно-модифицированный помидор. Но этой подробностью я решила с Генри не делиться и

согласилась, что да, я избалованная.

Мы еще немного поговорили о том, где жили в Бостоне и где учились. Генри сказал, что учился в Брауне[3]. У него точно гора с плеч упала, когда наконец представился случай похвастаться этим фактом. Я рассказала Генри о своей учебе в Университете Симмонса, и он изо всех сил старался делать вид, что мое образование вполне сравнимо с его. Он заказал нам по второму коктейлю. Фруктовое пойло плескалось в моем, в общем-то, пустом желудке. Улучив момент, я достала таблетку пепто-бисмола и проглотила, не запивая. Не хватало еще пукнуть, когда мы займемся сексом.

После бара мы отправились ко мне. Генри сказал, что его сосед дома и ему не нравится, когда о гостях не предупреждают заранее. Я не возражала: я-то как раз была не против позлить соседку по квартире.

Когда мы пришли ко мне, я быстро прибралась и, пока Генри мылся, засунула под подушку дезодорант. Выйдя из душа, он плюхнулся на диван и предложил посмотреть фильм, например «Малхолланд Драйв» Дэвида Линча. Генри заявил, что

---

[3] Примечания: 3

Браун — один из восьми университетов, входящих в Лигу плюща.

он большой киноман, а Линч — один из его любимых режиссеров. До того как заняться анализом рисков, Генри даже хотел стать режиссером. Родители не то чтобы совсем не одобряли его намерений, но и не горели желанием, чтобы их сын стал «голодным художником». Я понимала, что сейчас мне следовало бы блеснуть своими познаниями о кино, но последний фильм, который я смотрела, был «Тролли. Мировой тур». Мне он показался неплохим, но, пожалуй, о нем упоминать не стоило.

— Давно собиралась глянуть «Малхолланд Драйв», — сказала я.

У Генри загорелись глаза, он с энтузиазмом схватил пульт. Мужчинам нравится открывать нам новое. Им хочется думать о женщинах как о новорожденных несмышленышах, чья связь с культурой может быть установлена только через связь с мужчиной. Для большинства женщин это не так. Но для меня все именно так и было. Я читала книги, слушала джаз или смотрела старое кино, только если парень, с которым я спала, делал это.

Где-то на одиннадцатой минуте фильма Генри придвинулся ко мне ближе. Я восприняла это как разрешение поцеловать его. Он тут же ответил

на поцелуй, но нам никак не удавалось поймать ритм. Наши зубы стукались, а язык он использовал слишком активно. Я обхватила его голову ладонями, словно это был джойстик от игровой приставки, и зафиксировала ее. Мы продолжали целоваться, и постепенно стало получаться лучше.

Мы переместились на кровать, я произнесла свою обычную фразу: «Обычно на первом свидании я себе такого не позволяю», и он поцеловал меня так страстно, будто это были самые прекрасные слова, которые ему говорили. Примерно через сорок секунд Генри кончил. По всем признакам это было очень удачное первое свидание.

Но сейчас, почти четыре месяца спустя, я все еще пыталась привязать его к себе.

Я постаралась сосредоточиться на своей презентации и добавила еще одно видео с Ведьмой Велнес. В нем она учила своих подписчиков общаться с умершими домашними питомцами. Она утверждала, что, сжигая кусочек шерсти и произнося заклинание, можно восстановить связь со своим покойным померанским шпицем. В слайд-шоу я отметила, что подобные публикации — отличная возможность наладить сотрудничество с компаниями, производящими товары

для животных, такими как «Петко», «Пурина» и «Чуи». Когда я писала эти слова, мне хотелось умереть.

— Продолжай в том же духе! — кивнула Кэндис, следуя мимо моего стола в конференц-зал и бросив взгляд на экран моего компьютера.

На ней был комбинезон с зебровым принтом и черные кроксы — я бы такое надела, только если бы проспорила.

Я перевернула телефон, чтобы убедиться, что не пропустила сообщение. Ничего не было. Я выдохнула и напомнила себе, что подобные паузы в общении — это нормально для мужчин, особенно для таких, каких я обычно выбираю. Психолог, к которому я ходила в колледже, сказал, что меня тянет к эмоционально отстраненным мужчинам, потому что я выросла без отца. К психологу я обратилась не по своей воле, а по требованию администрации университета, после того как меня ложно обвинили в преследовании парня, с которым я встречалась. На самом деле это было забавное недоразумение: у меня имелся код от его комнаты в общежитии, а он несколько раз намекал, что любит сюрпризы. Я пробралась к нему в комнату с черепашкой, которую купила в зоомагазине, разделась догола и стала ждать

его возвращения. Мне хотелось быть одновременно вежливой и милой (прийти с подарком) и сексуальной (прийти готовой к сексу). В итоге он явился в общежитие с родителями, и они были в шоке, увидев меня (и черепаху). Полагаю, в ту субботу был родительский день, хотя вот мы с мамой этот момент упустили. Его родители, разумеется, пришли в ужас, а он был слишком смущен, чтобы признаться, что моя выходка ему понравилась, поэтому заявил, что я преследую его. Дисциплинарный комитет велел мне держаться от бедняги подальше и сходить к психологу.

Я на первом же сеансе поняла, что терапия не для меня. Люди моего поколения одержимы раскопками своих детских травм и поиском «триггеров». Мои коллеги, говоря о своих психотерапевтах, часто называют их по имени, откровенно рассказывают о сеансах, словно это походы на футбол по понедельникам. Какое бесстыдство. Мне не хотелось проделывать эту работу: если парень опаздывал на свидание, думать о том, как мама однажды забыла забрать меня из школы; а засовывая палец в задницу мужчине, вспоминать о своем покойном отце. Все это никак не помогало мне обрести любовь.

Зато мы с Генри сейчас на верном пути к ней.

От презентации Ведьмы Велнес я вернулась к его профилю в «Линкедине». Генри недавно поделился там статьей об этичном венчурном капитализме. Я мало чего смыслила в венчурном капитализме, но его этичной версии явно не существовало — и все же я оценила это публичное проявление альтруизма. Надо будет потом непринужденно коснуться этой темы в разговоре.

Хуже всего было то, что мне не удавалось подловить Генри в соцсетях, как я ловила других. Встречаясь с другими мужчинами, я тщательно размещала в Интернете мины, на которые они могли наткнуться. Например, постила в сторис специально подобранный контент, отвечающий интересам объекта моей привязанности, а затем закрывала это от остальных моих подписчиков. Если моему объекту нравился боулинг, я выкладывала фотографию в боулинге. Если он слушал «Fleetwood Mac», я с помощью фотошопа редактировала итоги года в «Спотифае», чтобы эта группа значилась у меня как самый прослушиваемый исполнитель. У меня хватало чувства собственного достоинства на то, чтобы оградить от этого всех остальных; мне не нужно было, чтобы меня критиковали за слишком широкий спектр увлечений. Но Генри не пользовался социальными

сетями, значит поймать его я могла только в реальной жизни.

Это было невероятно неудобно. Мой телефон завибрировал, и я схватила его со скоростью заправского шахматиста. Это оказалась всего лишь моя подруга Джейми.

Хочешь выпить сегодня попозже?

Я подумала и ответила:

Можно место выберу я?

Появились три точки, потом ответ:

Конечно!

Лошара она все-таки…

Глава четвертая

Я сидела в баре в Кембридже и ждала Джейми. Кембридж был очень нелогичным выбором. Джейми жила в Оллстоне, я — в Мишн-Хилл. Между этими районами Бостона было штук сто баров, мы могли бы завалиться в один из них, на что Джейми указала, когда я предложила встретиться в пабе «Плуг и звезды». Но неподалеку от «Плуга» жил Генри. Бар находился достаточно далеко от его дома, чтобы я не чувствовала себя преследовательницей, но достаточно близко, чтобы, пожелай он вдруг меня увидеть, я успела добраться к нему прежде, чем он передумает.

Джейми вошла в бар и принялась высматривать меня среди пьяных студентов. Она размотала шарф. Лицо у нее раскраснелось от холода, но она наверняка все еще была потная после поездки в общественном транспорте. Джейми принадлежала к тем девушкам, которые носят спортивную одежду и притворяются, что это осознанное стилистическое решение, а не просто лень. Она не умела краситься, но с ее приятной наружностью вполне можно было обходиться тушью для рес-

ниц и солнцезащитным кремом. Все в Джейми было очень соразмерно. Обычно она собирала волосы в тугой хвост, и это подчеркивало правильность ее черт. Такие, как она, неотразимы в сорок, но в двадцать девять кажутся скучными. Джейми была моей лучшей подругой, хотя я никогда бы ей в этом не призналась. Неловко иметь такую скучную лучшую подругу. В нашей университетской компании было еще несколько человек, но они разъехались, когда всем нам стукнуло чуть больше двадцати пяти, завязали серьезные отношения и стали писать нам все реже. Мы с Джейми по-прежнему были одиноки, и это привязывало нас друг к другу. Мы, словно использованные презервативы, дрейфовали в океане без определенной цели.

Джейми заметила меня и направилась к бару. Я подняла свой бокал, показывая, что готова выпить еще, и она кивнула. Джейми была чуткой подругой, ее не смущало, что иногда я исчезаю с радаров — то из-за новых отношений, то из-за пересмотра «Настоящих домохозяек Нью-Йорка», захлестнувшего меня с головой. Она часто писала мне и не сердилась, если я не отвечала по несколько дней. Я говорила Джейми, что это все из-за СДВГ, которым я на самом деле не страдала.

Впрочем, проблем у меня и вправду хватало, так что мои оправдания были недалеки от истины. Она приезжала по первому зову, ее легко было уговорить проехать через весь город, чтобы послушать какую-нибудь малоизвестную группу, — я-то шла на этот концерт только потому, что группа нравилась парню, с которым я хотела переспать. Джейми позволяла мне сколько влезет говорить о тех, с кем я встречалась, и ее, кажется, не раздражало, что я в свою очередь не спрашивала о ее жизни. Однажды она сказала мне, что мать считает ее тряпкой, и я, в общем, была с ее матерью согласна, но старательно убеждала Джейми не верить этому и уверяла ее, что она мне нравится такой, какая она есть.

Мы с Джейми познакомились на занятиях по психологии. Она давала мне переписывать конспекты, когда мне случалось проспать, я и экзамен-то сдала только благодаря ей. Симмонс раньше был школой для девочек и поэтому пользовался репутацией места, привлекающего лесбиянок. У меня было подозрение, что Джейми лесбиянка и влюблена в меня, хотя она мне об этом не говорила. Джейми была из религиозной семьи, и я предполагала, что лишь католическая стыдливость мешает ей признаться в желании

полизать у кого-нибудь. Меня тоже тянуло к женщинам, но не к Джейми. Она была слишком доброй и надежной для меня — как старшая сестра из романов Джейн Остин. Иногда, обычно от скуки или после очередного разрыва, я думала, что хорошо было бы нам с Джейми пожениться. Я представляла себе, как она готовит для меня каждый вечер, как позволяет мне сидеть дома и ничего не делать. Она бы неустанно трудилась, стараясь обеспечить мне покой и оргазмы. Я знала, что Джейми была бы идеальной женой, но только у нас бы все равно ничего не получилось. Мне нравились женщины внешне сдержанные, но на поверку непристойно сексуальные — ни одним из этих качеств Джейми не обладала.

— Ну как ты? — спросила она, устраиваясь за столиком и пододвигая ко мне бокал белого вина.

Этого зачина мне вполне хватило, и я вывалила ей, что Генри не спешит снова лечь со мной в постель, но что прогресс все же есть: он отпраздновал со мной мой день рождения (свеча) и сказал, что хочет познакомить меня со своими друзьями (планирование будущего). Еще он постоянно целовал меня в лоб, что, как известно, свидетельствует о серьезных отношениях.

— Так вы в отношениях или «все сложно»?

Я терпеть не могла, когда Джейми использовала молодежный сленг, как отчаявшаяся пятидесятилетняя женщина, которая пытается удержаться на работе в IT-компании. Обычно я высмеивала ее, но сейчас решила пропустить очередной ляп мимо ушей, чтобы не отвлекаться от сути дела.

— Мы это еще не обсуждали, но вряд ли он встречается с кем-то еще, — сказала я.

Я предполагала, что у Генри, кроме меня, никого нет: слишком уж он безынициативен. Когда мы познакомились, я сделала первый шаг, а также второй и третий. Именно я избавила его от застенчивости. Трудно было вообразить, как он целует другую женщину. Если он с кем-то и встречается, они, вероятно, вместе смотрят кино, и она в это время неумело ласкает его под одеялом. Может быть, болтают о работе или обсуждают чей-нибудь пост, который всех взбесил на той неделе, в общем, не выходят за рамки сетевых шаблонов. Эта гипотетическая девушка Генри виделась мне настолько неприметным существом, что ей приходилось представляться людям раза по четыре, прежде чем они запоминали ее имя. И вообще, если даже Генри с кем-то встречается, все это ничто по сравнению с тем, что у него

со мной, и она по сравнению со мной — просто пустое место.

— Но вы же видитесь всего раз или два в неделю, так? — уточнила Джейми.

— Иногда и чаще. На одной неделе он писал мне сообщения четыре дня подряд, и мы занимались сексом каждый день.

— Понятно. — Джейми отпила из своего бокала.

— Что тебе понятно? — От раздражения я вся покрылась мурашками.

— Не знаю. Похоже, он не готов к отношениям, — заключила она.

— Потому что не ночует у меня? — Я начинала злиться.

— Ну да… Может, он встречается с другой… — Джейми поерзала на стуле.

— Ну, может, и я встречаюсь с другим, — солгала я.

Вряд ли после этих слов я сильно выросла в глазах Джейми, но, если уж сказала, придется соответствовать.

— С кем? — Джейми удивленно подняла брови.

Ну почему она ведет себя как стерва? Я тут же напомнила себе, что нужно быть с Джейми помягче. В конце концов, она влюблена в меня и,

возможно, пытается разрушить наши отношения с Генри ради собственной выгоды. Но с ним у меня все под контролем. Я по бостонским меркам крепкая восьмерка, а он — слабенькая семерка. Ясное дело, в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке на нас бы и не взглянули, но здесь, в Бостоне, мы идеально подходим друг другу.

— Так, один парень из «Тиндера». Всего пару раз встречались, — отмахнулась я.

На самом деле я не заходила в «Тиндер» с тех пор, как познакомилась с Генри. У меня никогда не получалось содержать гарем, я предпочитала вкладывать всю свою энергию в одного человека.

Я залпом допила вино. Мне больше не хотелось находиться рядом с Джейми, но мысль о том, чтобы пить в одиночестве и ждать, пока напишет Генри, была невыносима. Нужно было извлечь максимум пользы из ситуации, а это означало как следует выпить. Я встала:

— Давай-ка выпьем еще! Я угощаю.

Иногда я проявляю просто ангельское терпение.

* * *

После четырех бокалов вина я изрядно опьянела. Джейми выпила всего два пива и была почти трезвая. Мне удалось переломить ход вечера, и теперь я отлично проводила время, рассказывая истории, которые развлекали Джейми и, что еще важнее, меня. В этом и заключалась моя проблема как в романтических, так и в дружеских отношениях: после нескольких кружек пива я могла получать такое удовольствие от собственной компании, что к концу вечера уже с трудом понимала, нравится ли мне вообще человек, сидящий напротив.

Мы вспоминали учебу в Симмонсе, преподов, тот случай, когда наша подруга обмакнула тампон в водку и заработала себе молочницу. Я скучала по колледжу не потому, что мне не хватало общения или учебы, а потому, что в том возрасте, когда я там училась, жизнь казалась безгранично открытой. В двадцать девять открытые прежде двери быстро захлопывались. Я чувствовала себя Сильвией Плат, лежащей под смоковницей, только ветви засыхали прямо у меня на глазах. Для многого было слишком поздно. В соцсетях я была подписана на нескольких

инфлюенсеров старше себя, которые настаивали на обратном. Они утверждали, что жизнь, которой ты хотела бы жить, может начаться, когда ты этого захочешь, но я им не верила. Я уже не могла стать скульптором, актрисой, писательницей или кем там еще мечтала стать в молодости. Теперь стать особенной можно было, только изрядно замаравшись и выдержав дикую конкуренцию. Теперь придется довольствоваться тем, чтобы быть особенной для одного человека. Лучше бы для Генри.

Я собиралась предложить выпить еще по бокалу вина, когда мой телефон наконец завибрировал. В знак уважения к Джейми я положила его экраном вниз. Мне хотелось показать себя хорошей подругой: мол, если я здесь, то я здесь. Но телефон так трясся, что я не могла его не проверить. Я быстро перевернула его и увидела на экране имя Генри. Меня как волной накрыло. Джейми ободряюще улыбнулась.

— Посмотри, что там, — без выражения сказала она.

Я смахнула экран блокировки и прочитала его сообщение:

Че как

Без знаков препинания. Скорее всего, отправлено по пьяни. Я поставила таймер на десять минут.

— Что ты делаешь? — спросила Джейми.

— Ну, не могу же я ответить ему сразу, — объяснила я.

Джейми рассмеялась и закатила глаза. Мы болтали, пока таймер отсчитывал время, но обе знали, что встреча подходит к концу. Атмосфера изменилась: теперь наш разговор больше напоминал не беседу двух подруг, а обмен репликами с регистратором в стоматологии перед выходом из клиники. Когда до звонка оставалось секунд тридцать, Джейми начала собираться, словно вот-вот должна была взорваться бомба.

— Ой, да нам не обязательно расходиться… — сказала я, изображая удивление.

— Все в порядке, — ответила Джейми. — Уже поздно.

Было всего девять. Джейми работала физиотерапевтом, и я знала, что завтра у нее выходной. Поедет домой, в свою квартиру-студию, покормит рыбку, которую назвала в честь Леди Гаги, и будет запоем смотреть по телевизору британскую версию «Острова любви», то и дело посылая мне снимки экрана. Она жила почти на таком же

маленьком пятачке, как ее бойцовая рыбка Гага. Мне было неловко, но недостаточно неловко, чтобы удерживать Джейми.

— А-а… Ну ладно, — сказала я, боясь возражать (вдруг она решит остаться).

Джейми едва заметно улыбнулась:

— Я рассчитаюсь за напитки, а ты потом переведешь мне по «Венмо»[4], ладно?

Я кивнула, хотя мы обе знали, что я забуду отправить ей деньги, а она мне не напомнит. С вежливой улыбкой я наблюдала, как Джейми расплачивается с барменом, потом помахала ей на прощание, и она, выйдя за дверь, тут же испарилась из моей жизни. Я впилась глазами в телефон, дрожа от предвкушения, и написала Генри:

Я в Кембридже. В баре с подругой.

Он сразу же начал набирать ответ. Ну что, Джейми, съела? Я схватила его за горло. Джейми просто понятия не имела, о чем говорит. Если мы не придали нашим отношениям надуманный кем-то статус, это ничего не значит. Мы оба зна-

---

[4] Примечания: 4

«Венмо» — популярное в США приложение для быстрых денежных переводов между друзьями и близкими.

ли, что́ значим друг для друга. Генри написал:

Зайдешь? Соседа нет дома.

Впервые с тех пор, как мы начали встречаться, Генри пригласил меня к себе домой. Это явно был шаг в правильном направлении, знак того, что мы движемся вперед. Еще несколько свиданий — и он предложит познакомить меня с друзьями, а через месяц, глядишь, — и с родителями. Скоро мы сделаем нашу первую совместную фотографию. Джейми не понимает всех тонкостей. Генри практически уже мой парень.

Конечно же, зайду.

Глава пятая

Я положила голову на колени Генри, он поставил на проигрыватель пластинку «Radiohead». Обычно мы сразу переходили к сексу, но, войдя в его квартиру, я поняла: Генри не в себе. Он сказал, что у него был ужасный день на работе. Его обошли повышением, которое, как считал Генри, было у него в кармане. Вместо этого должность и прибавку к зарплате отдали его коллеге, молодой девушке из Шри-Ланки. Генри был достаточно пьян, чтобы признаться, что, по его мнению, это решение как-то связано с ее расовой принадлежностью.

— Она, конечно, способная, но, по-моему, тут сыграли и другие факторы, — сказал он и рыгнул.

Настала пора мне доказать, что я — Хороший Белый Человек. Я должна была не согласиться с образом мыслей Генри и продемонстрировать, что веду себя последовательно, даже когда меня никто не видит и не слышит, — не зря же я запостила черный квадрат в «Инстаграме». Мне нужно было показать, что я прочла больше одной

главы из «Белой хрупкости»[5], что я Союзница с большой буквы «С». Я должна бороться за правое дело, хоть рядом и нет никого, кто видит мою борьбу.

— Ты работаешь в «Стейт-стрит» дольше, чем она? — спросила я.

— Нет, конечно. Но я явно добился лучших результатов за меньшее время, — ответил Генри.

— Ясно, — сказала я.

— С работой она справляется неплохо, но я вкалываю гораздо больше.

Я решила сменить тему. Заставив его задуматься о своем внутреннем расизме, я бы только все испортила. К тому же был шанс, что его коллега все-таки не заслужила повышения. Кто знает, может быть, Генри действительно добился большего, чем она, за меньшее время.

Из своего неудобного положения я оглядела квартиру Генри. Она оказалась гораздо уютнее, чем я ожидала, вероятно, благодаря его высокой зарплате и материальной поддержке семьи. Мебель, похоже, заказывали на сайте «Флойд» или покупали в сети «Уэст элм», а сама квартира была

---

[5] Примечания: 5

«Белая хрупкость» (*англ.* White Fragility) — книга о проблеме расизма, написанная в 2018 году социологом и преподавательницей Робин ДиАнджело.

на удивление аккуратной, хотя и лаконично обставленной. Держу пари, мамочка Генри помогла ему спланировать пространство. Уверена, мама называла эту квартиру «стартовой», хотя она была гораздо лучше всего, в чем я когда-либо жила.

Вот что готовит нам будущее. Будем нежиться в нашей квартире, заполненной добротной мебелью и кухонными полотенцами, которые мы купим в уютных магазинчиках, а не на «Амазоне». Развесим картины, аккуратно смешивая наши вкусы — словно кофе с идеальным соотношением сливок и сахара. Я заметила себе, что нужно будет по возвращении домой сделать генеральную уборку в квартире и содрать с мебели все оставшиеся наклейки из «Икеи». И еще стащить из туалета в ресторане хорошего мыла.

Генри встал и перевернул пластинку. После короткой паузы «Radiohead» запели «Everything in Its Right Place». Мне стало так уютно, что впору заплакать. Генри подошел к барному столику и щедро плеснул себе виски.

— Что будешь пить? — Он показал на бутылки.

— То же, что и ты. — Мне не хотелось трезветь.

Генри налил мне виски со льдом и протянул стакан. Он быстро взглянул на свой телефон, закатил глаза и с грохотом швырнул его на стол.

Меня охватила паника, я подумала: а вдруг я не первая, кому Генри сегодня пытался назначить свидание? Я тут же прогнала эту мысль. Наверняка он просто искал сочувствия у коллег. Впрочем, это не важно. Сейчас здесь я, ко мне он обратился в трудную минуту, пусть даже эта трудность состояла в том, чтобы выплеснуть эмоции из-за карьерного взлета другой женщины.

Генри плюхнулся на диван рядом со мной и закрыл глаза, слегка покачиваясь в такт меланхоличной музыке. Когда он не смотрел на меня, мне казалось, что я имею право пялиться на него. Я разглядывала лицо Генри и представляла его маленьким мальчиком. Как он играет с отцом в бейсбол во дворе, как спрашивает у мамы, сколько печеньиц можно съесть после ужина. Держу пари, это была типичная американская семья из Новой Англии, из тех, которые ежегодно устраивают барбекю на День независимости. Вероятно, они владеют домом где-нибудь на Кейп-Коде и катером «Бостон Уэйлер». Они отправляют детей в университеты Лиги плюща и носят дорогую, но скромную одежду. Они заставляют своих детей работать не из необходимости, а чтобы воспитать в них чувство ответственности. Может быть, когда-нибудь эти люди станут моими

родственниками. Возможно, все их достоинства передадутся мне, и мы достигнем того состояния полного единообразия, которое с такой гордостью демонстрируется на ежегодной семейной рождественской фотографии: мы все в белом, на пляже, улыбаемся, будто родились в этой нарядной рамке.

Генри открыл глаза и заметил, как я смотрю на него.

— Что? — спросил он.

Я смутилась и покраснела. Глазеть на Генри, когда он уже спалил меня, — это слишком интимно. Я перекинула через него ногу и села верхом, чтобы отвлечь его от бесстыдного разглядывания, за которым он меня застал. Потом нагнулась и поцеловала его. Он слегка напрягся, отвечая на поцелуй.

— У меня паршивое настроение, Лиллиан, — сказал Генри, слегка отстраняясь.

Я остановилась. Он пригласил меня, чтобы я просто побыла рядом? Посидим, поболтаем, а секса не будет? А может, он хочет поплакать у меня на груди и рассказать о неприятностях на работе? Посмотрим, обнявшись, старый фильм? Обсудим наконец вопросы, которых избегали; например, хочет ли он детей или верит ли в Бога?

Его нежелание заниматься со мной сексом — это хорошая новость или смертный приговор нашим отношениям?

— Что мне сделать, чтобы тебе стало лучше? — спросила я.

Меня передернуло. Уж слишком пошло это прозвучало. На самом деле я хотела спросить: «Может, нам вместе посмотреть старые серии „Офиса“?», или «Может, взглянем на наши натальные карты и проверим нашу совместимость?», или «Может, нам показать друг другу наши детские фотографии и рассказать, как мы писались в постель?» А «Что мне сделать, чтобы тебе стало лучше?», наверное, прозвучало как «Дай-ка я пососу твой член», потому что Генри начал расстегивать штаны. Может, он сначала и хотел обойтись разговорами, но передумал.

Ну и отлично. В конце концов, я хотела заняться с ним сексом. Мой клитор выпирал из штанов с тех пор, как я пересела на Красную линию метро. Да и сейчас я находилась в полной боевой готовности. Я положила руку на почти эрегированный член Генри. Он обхватил меня за талию, поднял и понес в спальню. Я удивилась. Вот уж не предполагала, что Генри способен поднять шестьдесят три килограмма из положения сидя.

Он бросил меня на кровать — не так ловко, как поднял, но я все равно оценила. Генри накинулся на меня, как нетерпеливый шестнадцатилетний мальчишка, готовый трахнуть миссис Робинсон. Он раздраженно дернул застежку моих джинсов, и я поняла, что он пьянее, чем мне казалось. Тогда я поцеловала его медленно и глубоко, стараясь сосредоточить его внимание на поцелуе, пока я расстегиваю штаны. Слава богу, я надела приличное нижнее белье, хотя Генри, похоже, все равно не обратил на него никакого внимания.

Генри перевернул меня на живот. Я не была готова к тому, что он войдет сзади, но все равно потянулась рукой к клитору и попыталась смочить себя. Когда Генри начал проталкиваться между моих ягодиц, я поняла, что он хочет войти не в ту дверь.

— О, может, мы… — начала я, но он уже непреклонно давил на мой анус. Меня затошнило. Но Генри, похоже, не уловил моего замешательства. — Подожди! Помедленнее… — Я рассмеялась, стараясь, чтобы это прозвучало сексуально и непринужденно. Он продолжал толкаться. — Генри…

Мне и раньше случалось попадать в такие ситуации, но обычно это было несерьезно, это нельзя

было назвать настоящим изнасилованием. Но всегда чувствовалось, что это вот-вот должно произойти, воздух сгущался, что ли. Тот, кто был с тобой рядом, внезапно переставал осознавать, что внутри твоего тела человек. Им овладевал животный голод, он становился одержимым. Все то, о чем ты говорила с ним раньше, — что ты любишь кататься на велосипеде, готовишь болоньезе по бабушкиному рецепту, мечтаешь пробежать марафон, — в мгновение ока теряло значение. Любое свидетельство того, что ты человек, должно было исчезнуть, чтобы освободить место для его ненасытной потребности. Так им проще.

— Сначала мне нужно в душ. — Я попробовала переломить ход событий.

Генри продолжал толкаться:

— И так хорошо. Я не против.

— Генри, подожди секунду, — сказала я.

Мне не нравился анальный секс. Он не доставлял ничего, кроме ощущения, что ты сейчас испражнишься на другого человека и никакого облегчения от этого не испытаешь. Я никогда не чувствовала себя достаточно чистой, и даже попперсы не помогали мне расслабиться. Я делала это раз или два, просто чтобы поддержать свою

репутацию сексуальной авантюристки, но на самом деле терпеть не могла этим заниматься. Но я же сама спросила Генри, что могу сделать, чтобы ему полегчало… Видимо, вот это.

— Эй, погоди… — Я сделала последнюю слабую попытку.

Но он, похоже, опять меня не услышал. Я ломала голову, что бы ему такое предложить взамен, какой утешительный приз. Интересно, смогу ли я выскользнуть из-под его потного тела и пошутить, что предпочитаю контролировать ситуацию. Может, мне снова поднять тему повышения его коллеги? Вдруг у него от этого пропадет эрекция? Я уже подумывала о том, чтобы громко сказать «нет» и сделать все, что нужно сделать, когда не хочешь чего-то делать.

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

Генри продолжал давить.

Поэтому я расслабила свой анус, насколько это было возможно, и позволила Генри трахнуть меня.

Глава шестая

На следующее утро я проснулась рядом с Генри. Он настоял, чтобы я осталась у него. Желудок болел от виски, где-то между бровями зародилась нарастающая тупая головная боль. Я вспомнила, что произошло. Хоть бы на трусах не осталось следов. Убедившись, что Генри спит, я посмотрела, что делается у меня между ног. Ничего необычного не было — ни крови, ни других выделений. Никаких признаков неладного. В общем-то, ничего особенного и не произошло. Генри просто немного увлекся. И можно ли винить его в этом? Я сама спровоцировала его на секс. А чем все обернулось, не имеет значения. Я проснулась рядом со своим бойфрендом в его квартире, как будто мы были настоящей парой. Чего еще желать?

Я взглянула на экран мобильного, увидела, что еще только 5:37 утра, и натянула на себя простыню, чтобы полностью скрыться под нею. Качество постельного белья произвело на меня впечатление; я мысленно пообещала себе заказать новый комплект до следующего прихода Генри. Надеюсь, детскую расцветку моего пододеяльника он

не воспринял как тревожный звоночек. Я лежала на боку и разглядывала спящего Генри. Может, он проснется и сварит мне кофе в той капельной кофеварке, которую я заметила на кухне. Или приготовит мне тост с авокадо, а потом мы вместе примем душ, со смехом следя, как по нашим телам стекает мыльная пена. Я заерзала в постели, надеясь его разбудить. Пометавшись немного, Генри наконец открыл глаза. Секунду он выглядел растерянным, затем по его лицу пробежала тень узнавания, а следом нечто, похожее на сожаление. Лучше бы нам не вспоминать прошлую ночь. Не стоило ему сейчас объясняться. Я ждала, пока Генри заговорит первым.

— Ну и ночка, да? — спросил он.

— Ага, — подтвердила я, пытаясь уловить его интонацию.

Кстати, можно ли получить геморрой от анального секса?

— Тебе было весело? — Он придвинулся ближе.

— Неплохо провели время, — осторожно согласилась я.

— Иди сюда, — прошептал Генри, притягивая меня к себе. — Мне с тобой так весело, Лиллиан.

Я кайфовала в его объятиях.

— Мне с тобой тоже, — выдохнула я.

Генри ласково погладил меня по щеке. Обычно мы не нежничали. Генри говорил, что его язык любви — это не физические прикосновения, а слова поддержки, хотя, похоже, он и в этом не преуспел. Я придвинулась поближе, наслаждаясь его запахом. Этого мне всегда и хотелось: встречать утро вместе, чтобы восходящее солнце было единственным свидетелем наших отношений. Генри коротко поцеловал меня и отстранился. Я позволила себе минуту запретного зрительного контакта и улыбнулась ему. В этот момент мне даже показалось, что я люблю его. Утро обещало быть романтическим. Вот бы он уговорил меня отпроситься с работы, и мы оба звонили бы своим боссам из постели, перемигиваясь и стараясь говорить по телефону как можно более гнусаво. Мы поцеловались, а потом Генри положил руку мне на макушку и начал нежно подталкивать меня вниз:

— Я мог бы привыкнуть просыпаться с тобой, — сказал он, сонно улыбаясь.

Это я и хотела услышать. Что ему нравится, когда я здесь. Что он не жалеет, что проснулся рядом со мной. Что он представляет себе нашу будущую жизнь так же, как и я. Опускаясь ниже и ниже, я все еще надеялась, что это приведет

к чему-то романтическому… и в конце концов начала делать ему минет. Он хоть ополоснулся после вчерашнего? Но я решила не спрашивать, чтобы не испортить наше прекрасное утро. Через двадцать секунд Генри кончил. Он коротко прижал меня к себе, а затем легко спрыгнул с кровати и пошел в душ. Я последовала за ним в ванную и позволила себе воспользоваться его зубной щеткой, не спрашивая разрешения. Смешивая наши «зубные ДНК», мы только еще больше укрепляли нашу связь.

Тщательно вычистив зубы, я вернулась в спальню и натянула на себя вчерашнюю одежду. Хорошо, что я была в свитере и джинсах, а не в каком-нибудь сексуальном наряде «ночной бабочки». Скоро мне уходить — надо успеть домой переодеться перед работой. Я вышла в гостиную и стала рассматривать книги на полках, отмечая то, на что вчера вечером не обратила внимания. Интересное сочетание художественной и научно-популярной литературы. Половина книг, судя по всему, представляла собой руководства по финансам с заголовками вроде «Риски и вознаграждения», а другая половина — пеструю смесь научной фантастики и бестселлеров из списка «Нью-Йорк таймс». Я вытащила одну из

книг и прочитала на обратной стороне обложки, о чем она. О секс-роботе, который становится самостоятельным и дает отпор своему хозяину. Заманчиво!

— Что ты делаешь? — спросил Генри, выйдя из ванной в халате, слишком красивом, чтобы я поверила, что он купил его себе сам.

Наверное, опять мамочка. Может, она и мне подарит похожий на следующее Рождество. Мне захотелось попросить у него разрешения пощупать ткань.

— У тебя тут целая коллекция, — сказала я. — Можно я возьму вот эту почитать?

Я подняла книгу, которую держала в руке. Генри посмотрел на обложку.

— Не уверен, что она тебе понравится. Так себе книжонка.

— Не бойся, я верну, обещаю. — Я ободряюще улыбнулась. — Я быстро читаю.

Это я соврала. Обычно я бросала книгу после десяти страниц и вспоминала о ней, только когда мне был нужен реквизит для похода в кофейню. Но Генри я не могла этого сказать. Не хотела, чтобы он считал меня глупой и расхлябанной.

— Тебе ведь скоро на работу? — спросил Генри. — У вас начало в восемь?

Я поставила книгу обратно на полку.

— Да, наверное, мне пора, — сказала я, хотя, честно говоря, у меня еще оставалось немного времени. — Если только ты не хочешь быстро позавтракать…

Генри нахмурился:

— Хотелось бы, конечно, но нужно еще кое-что сделать перед работой. Извини.

— О'кей. Ну, вчерашний вечер был отличным. — Я обняла его за шею и потянулась поцеловать.

— Вообще-то, я думаю, нам надо поговорить, — сказал Генри, прочистив горло.

— Ладно. — У меня внутри все сжалось от предвкушения. — А о чем?

Мне столько всего хотелось обсудить с Генри! Очень многого в наших разговорах мы едва коснулись. Может, я предложу сходить вместе в парк Бостон-коммон, когда немного потеплеет. А может, мы начнем смотреть какой-нибудь сериал — например, «Клан Сопрано» или «Форсмажоры» — желательно с большим количеством эпизодов, чтобы и без слов было ясно: мы будем рядом как минимум на протяжении шести сезонов.

— Мне очень нравилось проводить с тобой

время… — начал Генри.

Неужели он собрался предложить мне стать его девушкой? Я предполагала, что он сделает это в более романтичном месте, например в ресторане, но сойдет и здесь. Я понимала, что Генри очень занят на работе, и, когда вот такие моменты возникают сами собой, надо ловить их и благодарить судьбу. Я нравлюсь ему при утреннем освещении, с размазанной тушью и все такое прочее. Ему нравятся мои растрепанные волосы и пахнущие по́том подмышки. Ему нравится моя одежда, которую он видит уже второй день. Ему нравится просыпаться рядом со мной. Он сказал, что это могло бы войти у него в привычку.

— …Но вряд ли нам стоит продолжать, — сказал Генри, прервав мои мысли о нашем будущем доме на Мартас-Винъярде.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать его слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, слишком часто моргая.

Может, что-то в глаз попало?

— Мне кажется, тебе нужно то, что я сейчас не могу тебе дать, — признался Генри, избегая смотреть мне в глаза.

Что, черт возьми, происходит?

— Нужно… что?

— Тебе нужны серьезные отношения.

Он что, шутит?

— А тебе нет?

— Сейчас я не в подходящем для этого состоянии, — возразил Генри.

О да, я уже сталкивалась с такой тактикой у мужчин! Они притворялись, что у них есть какая-то глубокая, поэтичная причина, по которой они не могут принять твою любовь. Они «брали на себя ответственность» за свою эмоциональную недоступность, даже извинялись за это, а затем, спустя несколько недель, начинали встречаться с кем-то моложе и стройнее тебя.

— Ты раньше об этом не упоминал, — сказала я, не желая попадаться на эту удочку.

— Мы просто не поднимали эту тему.

До меня наконец дошло, что он намерен порвать со мной. После того, как я только что отсосала у него.

— Я только что отсосала у тебя, — сказала я.

Генри сглотнул:

— Ну, мне не хотелось тебе отказывать.

— Да ты буквально пригнул мою голову к своему члену, — сказала я, и эта моя фраза так и сочилась ядом. — Я вовсе не умоляла тебя об

утренней чашечке спермы.

Я закипала все сильнее с каждой секундой.

— Не стоит злиться. Я считаю тебя прекрасным человеком, Лиллиан.

Генри встал и бросил взгляд на дверь, словно сию же минуту должна была ворваться охрана и выставить меня из квартиры, прежде чем я успею устроить сцену.

— Что, черт возьми, произошло за эти пять минут?

— Я уже некоторое время об этом думаю, — признался Генри.

— У тебя появилась другая? — требовательно спросила я, вспомнив намек Джейми.

— Лиллиан, это смешно, — ответил Генри.

Я полностью сбросила ту приятную маску, которую обычно надевала в присутствии Генри.

— По десятибалльной шкале ты, блин, тянешь в лучшем случае на шестерку, — выплюнула я ему в лицо.

— О'кей, — сказал он, слегка задетый. — Только не нужно быть жестокой.

— Ты кончаешь… секунд через тридцать.

— Боже, Лиллиан! — Генри отступил на шаг назад.

— Ты даже не знаешь, где у женщин находится

клитор… Мой, во всяком случае, ты точно не нашел, — ледяным тоном сообщила я.

Генри не должен был порвать со мной. Да и не было у него для этого причин. Я предложила ему самую покладистую, самую лучшую версию себя. Что еще я могла сделать? Мое сердце колотилось. Кончики пальцев покалывало. Меня охватил праведный гнев, он поглотил все мое существо. Пути назад не было. Разорвать нить, которая все еще связывала нас. Стереть его в порошок! Возможно, такие же чувства испытывали обезумевшие пуритане, когда сжигали ведьм на костре.

— А еще ты потихоньку лысеешь, — добавила я.

Генри инстинктивно провел руками по волосам, проверяя, на месте ли они.

— Ты ведешь себя как последняя сука, — сказал Генри.

— Так женщин не называют. Это уже абьюз, — резко и быстро ответила я.

Генри прыснул:

— Абьюз? Да ты совсем спятила!

На моем телефоне зазвонил будильник, сообщая, что мне пора уходить. Я знала, что, как только выйду за дверь, ее закроют на ключ, а мой номер заблокируют. Генри смотрел на меня

так, будто перед ним была женщина на грани нервного срыва. Он напрягся, словно опасался, что я вытащу оружие. Я поняла: он меня боится. У меня сжалось сердце: я надеялась, что этот мужчина полюбит меня, а теперь мы с ним как будто играем в ремейке «Рокового влечения». А может, и хорошо, что он так напуган…

— Я все равно собиралась порвать с тобой, — сказала я, выпрямившись.

Генри не удержался и издевательски закатил глаза:

— Ну да, конечно. Разумеется, ты собиралась.

— Собиралась! — почти заорала я.

— Ладно, ладно. — Генри примирительно выставил вперед ладони.

— А еще я не принимаю противозачаточные таблетки… и если забеременею, оставлю ребенка, — пообещала я.

Генри побледнел. Ну наконец-то! Проняло. У меня и в мыслях не было сохранять ребенка Генри, даже если бы его сперме удалось найти пристанище в пустыне моей матки, — но я знала, что мое обещание напугает его до чертиков. Я схватила сумочку и встала, чувствуя, что добилась всего, чего хотела.

— Лиллиан, ты же это не всерьез… — сказал

Генри, и в его голосе слышалось отчаяние.

По пути к двери я обернулась и посмотрела на Генри так, как Дженнифер Лопес в фильме «С меня хватит» смотрит на своего мужа-абьюзера, когда уже научилась давать ему отпор.

— Всерьез, — сказала я. — Кстати, твоя коллега наверняка заслужила это повышение. А ты ведь, в сущности, расист.

Я захлопнула дверь, насладившись последним кадром: разинутым, как у дохлой рыбы, ртом Генри. Нет, и на шестерку он не тянет, в лучшем случае на четверку.

Глава седьмая

После разрыва с Генри я отпросилась с работы, сославшись на расстройство желудка. Я предоставила Кэндис даже больше подробностей, чем требовалось. Кэндис рекомендовала электролиты, сон и тот бренд костного бульона, который пила Гвинет Пэлтроу. До презентации Ведьмы Велнесс оставалось меньше недели. Я понимала, что не стоило бы тратить драгоценные дни оплачиваемого больничного, их немного, но одна мысль о том, что придется слушать разговоры сотрудниц об их любящих бойфрендах или видеть доказательства их переписки на заставках их телефонов, вызывала во мне желание подсыпать крысиного яда в общее овсяное молоко. Всем будет лучше, если некоторое время я буду заниматься только собой.

Я прибегла к сомнительным механизмам психологической защиты: пила алкоголь как не в себя, отвечала на сообщения матери только эмодзи «большой палец вверх», а сообщения Джейми просто игнорировала. Меня поражало, что ее ничуть не смущает отсутствие реакции с

моей стороны. Ее последние восемь сообщений были такими:

Пятница, 9:42
Джейми:
о боже мой [Ссылка: Кевин Спейси говорит, что преследования, которым он подвергается, «очень похожи на то, что случилось с Иисусом Христом».]

Пятница, 10:15
Джейми:
Как, кстати, провели время с Генри?

Пятница, 12:23
Джейми:
Или вы все еще вдвоем?

Суббота, 8:15
Джейми:
Завтрак чемпионов! [Фото: птичка несет в клюве палочку красной лакрицы.]

Суббота, 10:20
Джейми:
Ты живаааааа?

Суббота, 10:21.

Джейми:
О’кей, посмотрела твою геолокацию, теперь знаю, что ты жива. Фух. Ржунимагу.

Лиллиан перестала делиться геолокацией.

Суббота, 10:25.
Джейми:
О’кей, намек поняла. Потом поболтаем.

Суббота, 21:12
Джейми:
Ты уже смотрела «Настоящих домохозяек Солт-Лейк-Сити»?

Я еще не решила, как преподнесу то, что произошло между мной и Генри, матери и Джейми. Несколько раз я обещала маме познакомить ее с ним, и мысль о том, что рухнут ее мечты о будущем зяте, ужасала меня. Да, она, конечно, попытается утешить меня, перечисляя собственные истории расставаний, и от этого мне станет еще тоскливее, потому что я начну думать, что генетически предрасположена к одиночеству. Джейми кинется меня жалеть. Ее глаза вылезут из орбит, она спросит: «Он бросил тебя?!» Дальше мы перечислим всех мужчин-замухрышек, запо-

лучивших женщин выдающихся достоинств, и начнем с того охотника на аллигаторов, которому досталась Лана Дель Рей. Да, и мама, и Джейми, каждая по-своему неуклюже, поддержат меня, но сказать им, что все кончено, значило полностью признать, что все кончено, а к этому я была еще не готова.

Чтобы приободриться, я составила список всего, что мне не нравилось в Генри:

• Плоская задница.

• Когда он кончает, у него глупое лицо.

• Волосы редеют.

• Перед сексом он подстригает ногти на ногах в ванной (нет, это, конечно, плюс, что они короткие).

• У него вечно все застревает в зубах.

• Скорее всего, не голосовал на выборах.

• Защищает Дж. К. Роулинг.

• Дважды делал татуировку в виде креста.

• Часто поправляет яйца.

• Сидел по-турецки на моей кровати.

• Однажды я видела коричневый след на его трусах.

• Ни разу не пригласил меня поужинать.

Я взглянула на список в надежде, что эмпирические данные ослабят мои чувства к Генри, но

желание быть с ним все еще не угасло. Я совершила ошибку, свернула не туда или, наоборот, пропустила нужный поворот, а теперь не могла вспомнить, где именно.

Когда наступил понедельник, я снова сообщила Кэндис, что на работу не приду, так как прохожу обследование на лямблиоз. «О боже! У моей собаки такое было! Выздоравливай», — ответила она.

Я употребила три самодельных мартини и решила, что лучший способ заглушить мою душевную боль — это зайти к Генри. В понедельник, около двух часов дня, его, разумеется, не будет дома. Он придет с работы только после шести. Я заглянула в окна соседей снизу и не обнаружила никаких признаков жизни, — похоже, их тоже не было. Обойдя вокруг дома, я внимательно изучила заднюю дверь — вдруг там есть камера, которую я не заметила вчера? Но нет, ничего такого не было. Медленно повернув ручку двери, ведущей на лестницу, я с облегчением обнаружила, что она открыта, и поднялась на второй этаж.

Дверь в квартиру Генри, как и следовало ожидать, была заперта. Я повернула ручку и навалилась всем телом, надеясь, что мартини придаст мне сил, но дверь не поддалась. На лестничной площадке лежал скребок для льда. Я воткнула

его в дверную щель, видимо, надеясь расщепить дверь, как скорлупу жареного каштана. Вместо этого я отколола кусочек краски, потеряла равновесие и больно ударилась о дверь.

Собственно говоря, я понятия не имела, что буду делать, если попаду внутрь. Больше всего мне хотелось просто посмотреть. Собрать все воедино, восстановить картину событий, как это делает следователь, изучая место преступления. Мне хотелось взять книгу, которую Генри мне не дал. Уснуть на его кровати, как Златовласка. Но моя цель — не обрести идеальный матрас, а вернуть своего парня, проснуться и увидеть его рядом. Я вертела в руках скребок для льда, прикидывая, не разбить ли окно. Но нет, слишком много возни, к тому же вот это уже самое настоящее преступление. Я готова вторгнуться в чужое жилище, но только в том случае, если это получится легко. Но и уйти, ничего не сделав, я тоже не могла.

Я огляделась в поисках вдохновения. И тут мой мочевой пузырь прямо-таки возопил. Сказались выпитые мартини. Взглянув на стандартный коврик у двери с надписью «Добро пожаловать», я быстро, не дав себе времени заглушить порыв, спустила штаны, присела и пустила струю на лестничную площадку. Напор был такой, будто

лошадь отдавала накопленную за день жидкость. Моя моча низвергалась по лестнице водопадом мести. Я встала, немного обсохла и натянула брюки. Лестница пахла мочой. Мне полегчало.

Снаружи хлопнула дверца автомобиля. Я оценила обстановку: скребок для льда в руке, моча на лестнице и состояние опьянения. Черт, ну почему я не накрасилась! Хотя сомневаюсь, что тональный крем помог бы мне объяснить бывшему, почему обоссан коврик у его двери. Я застегнула молнию и бросилась вниз по лестнице. Неужели Генри возвращается с работы так рано? Он ездит на работу на машине? А я ведь даже не знаю, есть ли у него машина. Я стояла в дверях и тянула шею, пытаясь разглядеть, кто сидит в автомобиле, припаркованном на подъездной дорожке сбоку от дома, прямо на пути моего отступления. Может быть, это соседи. Но если это Генри и если он увидит меня в таком состоянии, то решит, что я сумасшедшая. Так недолго и схлопотать судебный запрет на приближение.

Если сейчас броситься бежать, он меня вряд ли догонит. Водитель возился в багажнике, что-то искал. Вот он, мой шанс. Я рванула дверную ручку и помчалась прочь со всех ног. Сердце бешено колотилось. Мартини придал мне уверенности:

энергично работая руками, я бежала по направлению к улице и чувствовала себя спортсменкой высшей лиги.

— Эй, послушайте! — раздался удивленный женский голос позади меня.

Я с облегчением поняла, что это не Генри. Мне захотелось обернуться и ответить женщине, сочинить на ходу историю о том, что я, как страдающая деменцией старушка, заблудилась и зашла не в ту квартиру. Или, может быть, спросить ее, что она думает об этом грубияне, своем соседе сверху. Но лучше все-таки не оглядываться. Если я поговорю с ней, есть шанс, что она расскажет об этом Генри, а потом они вдвоем сядут с художником, и тот создаст мой фоторобот. Сейчас главное — поскорее убраться отсюда. За свои двадцать девять лет я никогда не бегала так быстро, из меня даже вытекло на бегу еще немного мочи. Я прислушалась, не гонится ли кто за мной, но никого не было.

Я была в безопасности.

Глава восьмая

На четвертый день больничного я проверила входящие в рабочей почте. У меня было три непрочитанных письма от Кэндис, вежливых, но все же пассивно-агрессивных. В письме, отправленном буквально вчера, говорилось:

Привет, просто интересно, сможешь ли ты прийти завтра. Скоро приедет Ведьма Велнесс, и я бы с удовольствием взглянула на твою презентацию.

В пьяном угаре, да еще и с разбитым сердцем, я почти забыла о презентации. Я открыла черновик, который успела набросать до того, как Генри порвал со мной, добавила слайд с надписью: «Вопросы?» и решила на этом закончить. Сойдет и так. Я написала ответное письмо, прикрепила к нему презентацию в «Пауэр поинте» и отправила, не дав себе времени передумать.

Чувствую себя гораздо лучше. Буду в десять. ☺

Потом налила вина в кружку, вышла из дома и направилась к метро.

* * *

Я не стала наносить консилер — пусть коллеги заметят мешки под глазами и усталый вид и пожалеют меня. Пробираясь к своему столу, я несколько раз громко вздохнула, но никто не поднял головы, чтобы со мной поздороваться. Я раздраженно повозилась на рабочем месте и включила ноутбук. Через несколько секунд около моего стола возникла Кэндис:

— Как твои дела? — спросила она, скорчив сочувственную гримасу.

— Неплохо, — солгала я, хлебнув вина из кружки. — Наконец-то мой желудок хоть что-то принимает.

Мне нужна была анестезия, чтобы пережить этот день; казалось, внутренности вот-вот вытекут из моего тела. Останься я трезвой — точно разрыдаюсь, закричу или брошусь на землю и буду сучить ногами, как ребенок, которого слишком долго не отнимали от груди.

Обычно, когда мне разбивали сердце, я обращалась за утешением к матери. Я могла полностью гарантировать, что она воспримет ситуацию

драматичнее меня. Немного успокоившись, она обычно советовала мне сходить к ее тарологу, к целителю Рэйки или к какой-нибудь пожилой женщине из супермаркета, которая показалась ей мудрой. Но на этот раз я не спешила рассказывать маме о нашем разрыве. Мне хотелось оставаться в той параллельной реальности, где мы с Генри все еще вместе или, по крайней мере, где у нас еще есть шанс наладить отношения. Просто ему пришлось бы немного поунижаться. Возможно, он скоро напишет мне сообщение: «Прости. Мы оба сорвались. Я скучаю по тебе». Но этого не случится, если я пожалуюсь маме. Рассказать матери — значит получить шрам на всю оставшуюся жизнь.

— Ведьма Велнесс будет в одиннадцать, — сказала Кэндис, нависнув над моим столом. — Я посмотрела твою презентацию. — Она принялась обкусывать заусенцы. — То, что ты прислала утром, — это последняя версия?

— Ага. — Я сделала еще глоток вина. — Надеюсь, вам понравилось.

Вдруг моя наигранная уверенность заставит ее проглотить сваргаженный на скорую руку проект?

— Хм, да. Это было отличное начало! Но я вот

думаю, может быть, мы сделаем эту встречу более неформальной? Просто чтобы не утомлять нашу гостью… Чтобы дать ей почувствовать общую атмосферу нашей компании, понимаешь? В общем, я могла бы доработать твой текст, пробежаться по нему и добавить кое-что… — Тут она иссякла.

Кэндис никогда еще не была так близка к тому, чтобы сказать кому-то, что он не справился со своей работой. Ясно же, она считает, что я сделала паршивую презентацию. Возможно, так оно и есть, но я все равно была глубоко оскорблена: она не стала притворяться, что презентация хорошая. Кэндис как-то раз дала пять моей коллеге Джули, когда та предложила нанять дрэг-квин в образе Адели для рекламы лекарств от ВИЧ для нашего клиента. Плохих идей у нас не бывает. Я изо всех сил старалась сохранять дружелюбное выражение лица — ради Кэндис и ради того, чтобы не потерять работу.

— Здорово, — сказала я.

— Ну отлично! — прощебетала она, с облегчением заканчивая этот разговор. — Увидимся там.

Как только Кэндис отошла от моего стола, я проверила «Линкедин» Генри. Он поздравил свою коллегу Аманти с повышением.

* * *

По-настоящему Ведьму Велнесс звали Ребекка, но она непростительно сокращала свое имя до «Бека» — с одной К. Вживую она была менее привлекательна, чем в сети. В своем профиле в «Инстаграм» она выглядела идеально увлажненной и свежей — милосердный фильтр скрывал все недостатки. При личной встрече Бека оказалась симпатичной, но уже более похожей на обычного человека. Не такая сияющая кожа, не такие белые зубы. Когда она говорила, складки у нее на шее подрагивали, и я задумалась, не лжет ли она своим подписчикам, что ей тридцать. Вживую она выглядела на сорок пять. Отказ от современной медицины все-таки не пошел ей на пользу.

Кэндис ознакомила Беку со списком наших клиентов, рассказала ей, чем мы, собственно, занимаемся, после чего предоставила ей слово, попросив рассказать о себе. Судя по всему, именно это Бека и любила делать больше всего.

— Итак, мой главный принцип — полная честность с мирозданием, — заявила она.

Все наши охали, ахали и кивали, будто то, что она говорила, имело хоть какой-то смысл.

Именно так маркетологи общаются со своими клиентами: делают вид, что любая чушь, которую несет человек, настолько впечатляет, что достойна Нобелевской премии мира. Например, два парня, Том и Тим, с брендом газировки «ТТ», говорят, что выбрали безалкогольные напитки, потому что их покойная бабушка была алкоголичкой, и всем приходится притворяться, что эта трогательная история заслуживает двадцати миллионов долларов стартовых инвестиций, полученных ими от вкладчиков.

— Можно просить мироздание о чем-то, и оно может ответить «нет». Это его право! Но если оно говорит «нет», что ж, здесь в игру вступаю я, — продолжала Бека.

Я поняла, что, скорее всего, мы имеем дело с лидером секты.

— Быть жертвой — это неправильно. Я за то, чтобы взять жизнь за рога и оседлать ее при полной луне. — Она улыбнулась.

Я огляделась: не показалось ли еще кому-нибудь, что она ку-ку. Но все, похоже, были очарованы. Я сделала большой глоток вина. Надо было принести с собой больше.

— Я создаю зелья, настойки, снадобья — и да, даже творю заклинания, которые решат любую

вашу проблему с мирозданием. Я считаю себя целительницей, но на самом деле мы все должны исцелять себя сами, — сказала Бека, и наша команда встретила эти слова с восторгом.

— Значит, вы могли бы помочь мне избавиться от шумных соседей сверху? — пошутила Кэндис.

Бека ответила с каменным лицом:

— Мой подход может показаться нестандартным, а вмешательство — порой даже незначительным, но, по сути, я возвращаю людям контроль над их жизнью. — (Собравшиеся, особенно женщины, завороженно кивали.) — Я могу помочь вам достичь того, о чем вы и мечтать не смели. Получить работу, которую вы давно хотели. Дом, которого вы заслуживаете. Мужчину, который разбил вам сердце, — сказала Бека, глядя прямо на меня.

Я нервно сглотнула. Неужели эта шарлатанка догадывается, что произошло между мной и Генри? Она продолжала неотрывно на меня смотреть. Интересно, понимает ли она, через что мне сейчас приходится проходить, чувствует ли она, какую боль я испытываю. А вдруг она разглядела во мне родственную душу — человека, который тоже способен добиваться своего?

— Возвращать людям их силу — вот посыл

моего бренда!

Я взглянула на свою руку и увидела мурашки. Похоже, Бека и вправду та, за кого себя выдает. Может, она и впрямь волшебница, упакованная в джинсы от «Реформэйшн» и топ от «Антрополоджи». Под столом я открыла ее профиль в «Инстаграме»: у нее было два с половиной миллиона подписчиков.

Я незаметно кликнула «Подписаться».

Глава девятая

Когда я пришла домой, моя соседка по квартире Элиза готовила на кухне что-то вонючее. Сильнее всего воняло уксусом. Вообще-то, Элиза была неплохой соседкой, но это не мешало мне недолюбливать ее. Она работала кассиром в Банке Америки, и ее жизненные амбиции, судя по всему, не простирались дальше обсуждения того, что случится в новом сезоне «Бриджертонов». Не мне было осуждать ее за отсутствие больших целей. Я тоже не слишком преуспевала, но по крайней мере вела активную жизнь и работала в маркетинге, а это тот минимум, с которым в Бостоне ты способен оставаться на плаву.

— Привет, — сказала я Элизе.

— Привет, — ответила она, дернувшись, как испуганная мышь.

Элиза быстро переложила еду в маленькую миску, чтобы поесть у себя в комнате, а кастрюлю поставила в раковину отмокать.

— Это я потом. — Она кивнула в сторону раковины.

— Ладно.

На этом наш разговор обычно и заканчивался.

В глубине души мне хотелось, чтобы Элиза спросила, все ли у меня в порядке. Я почти не выходила из квартиры целых четыре дня. Коробки из-под еды на вынос, пропитанные жиром, скопились возле мусорного ведра, и от них уже попахивало. Я не заморачивалась мытьем посуды и монополизировала общее пространство, чтобы смотреть реалити-шоу и тихонько напиваться. Если Элиза и замечала что-то неладное, ей либо было все равно, либо она не хотела совать нос в чужие дела. Вот поэтому я ни за что не стала бы с ней дружить: ее не интересовала моя жизнь, притом что она точно была интереснее ее собственной.

Я больше не могла оставаться одна и решила написать Джейми. Мне нужно было с кем-нибудь поговорить.

Может, зайдешь? Принеси поесть.

Если у нее и были какие-то планы, она их отменит. Через секунду Джейми ответила:

Отличная идея!

О господи, она просто безнадежна!

* * *

Не прошло и четырех минут после приезда Джейми, как я сообщила ей, что мы с Генри расстались. Я ничего не могла с собой поделать, только об этом я хотела и могла говорить. Джейми подняла брови и произнесла «о нет» с энтузиазмом севшей батарейки. Я видела, что она испытывает облегчение оттого, что эта глава моей жизни подходит к концу. Но ей следовало бы знать, что нас еще ждут месяцы анализа, попыток понять, в какой именно момент отношения дали трещину. Генри останется главной темой наших встреч в обозримом будущем. Мы будем разбирать по косточкам каждую нашу с ним встречу, пока я не диагностирую у Генри несколько психических заболеваний, из-за которых он не способен влюбиться. По правде говоря, я действительно склонялась к тому, что у него пограничное расстройство личности. Генерализованное тревожное расстройство у него определенно было, и, вероятно, он находился в спектре аутизма. А может, просто боялся смотреть мне в глаза.

Я решила быть максимально честной с Джейми, вплоть до того, что рассказала ей о неожиданном анальном сексе, очень стараясь, чтобы

это звучало как забавная история, вроде тех, которыми Кэрри Брэдшоу делилась с подругами за завтраком. Джейми молча слушала, потягивая вино и подливая, когда бокалы пустели. Я поведала ей и о том, как на следующее утро Генри сказал мне, что может привыкнуть просыпаться со мной. И о минете. И как он нежно прижал меня к себе, и как я воспользовалась его зубной щеткой, прежде чем все полетело в тартарары. Джейми вылила остатки бутылки мне в бокал. Казалось, она вот-вот расплачется. Я подумала, не переборщила ли с подробностями и не вызвала ли у нее зависть.

— Это ужасно, Лиллиан, — сказала Джейми. — Как бесчеловечно он с тобой поступил!

— Что именно было бесчеловечно? — Я совершенно искренне не поняла.

— Минет перед расставанием. Анальный секс. Да все! Он использовал тебя, — сказала Джейми. — Все это отвратительно.

Не такая реакция была мне нужна. Мне нужно было, чтобы она рассмеялась, а потом мы бы посмеялись над тем, какой у Генри плохонький член. Мне нужно было услышать от нее, что я намного сексуальнее Генри и что ему не светит найти кого-то моего уровня. Мне нужно было,

чтобы она сказала что-то в духе Саманты из «Секса в большом городе» — что-то, что развеяло бы то отвратительное ощущение, которое у меня возникло из-за произошедшего. Но Джейми не была Самантой. Она не была даже Шарлоттой. Она была просто Джейми и смотрела на меня как на самую убогую собаку в приюте.

— Он меня не использовал, — ответила я. — Все сложнее. Наши отношения развивались сложно. Такое бывает.

Всякий раз, услышав от Джейми какие-нибудь суждения о моей личной жизни, я начинала разговаривать с ней так, будто она вчера родилась. Потому что, в общем, так оно и было. И не в такое можно вляпаться, когда встречаешься с кем-то. Конечно, именно от Генри я ничего подобного не ожидала, но это не значило, что я была так уж удивлена. Джейми понятия не имела, каково это — состоять в отношениях. Она была детенышем жирафа, который и пары шагов еще не сделал, а я — гиеной, одолевшей своих врагов и научившейся самостоятельно добывать себе пропитание.

— Как хочешь отвлечься? — наконец спросила Джейми.

— Хочу напиться, — твердо ответила я.

Так мы и сделали.

* * *

Через час я была пьяна в стельку. И Джейми тоже. Она все время буравила меня взглядом, будто хотела поцеловать, и я позволяла ей на меня пялиться — не так уж плохо, когда тебе напоминают, что кому-то ты все-таки нужна. Я то впадала в ярость, то печалилась, а Джейми внимательно следила за перепадами моего настроения. В итоге я остановилась на том, что скучаю по Генри и что надо поговорить с ним как можно скорее, чтобы возникшее между нами неприятное недоразумение разрешилось. Он вовсе не собирался рвать со мной! Он лишь пытался поговорить о том, как развиваются наши отношения. Да, возможно, у нас был странный секс, но это ничего. Зато необычно и весело. Может, и мне не нужно ничего серьезного прямо сейчас. Он не хочет торопиться? Что ж, я не против. И незачем было нам обоим так бурно реагировать. Мы могли бы сближаться постепенно, шаг за шагом. И получать от этого удовольствие.

— Я позвоню ему, — заявила я и, охваченная этим порывом, вскочила и схватила мобильный.

Глаза Джейми расширились.

— Что? Нет, Лиллиан! Он ужасный человек.

— Мне нужно с ним поговорить.

— Послушай, правда, не надо этого делать! — Джейми тоже вскочила со стула и принялась меня отговаривать.

Она не понимала, что значит строить отношения с нуля. Каково это — так нестерпимо скучать за ужином, что приходится спрашивать у парня, какой его любимый цвет. К тому же она не знала, что́ мы с Генри делаем за закрытыми дверями. Она знала лишь несколько фрагментов этой истории, только то, что я ей рассказала. Она не представляла себе полную картину, не видела наших хороших моментов. Я не могла просто так отпустить Генри Дэвиса. Пока не могла. У нас еще не все потеряно. К тому же он не заблокировал мой номер.

— Я уже слишком взрослая для этих игр, — сказала я, набирая его номер и расхаживая по комнате.

Джейми тяжело вздохнула: меня было не переубедить. Она уселась на диван, подлила себе вина и сдалась. Услышав гудки, я вмиг протрезвела. На экране появилось лицо Генри, и тоска пронзила меня, словно металлический прут. После нашего второго свидания я установила на контакт Генри его фотографию из «Линкедина».

— Лиллиан? — спросил Генри, ответив после третьего гудка.

Я поняла, что мне нечего сказать. Наверное, стоило сначала потренироваться.

— Привет, — выдавила я наконец, и мой голос прозвучал холоднее, чем я бы хотела.

— Что тебе нужно? — ответил он таким же тоном.

— Мне кажется, мы в прошлый раз нехорошо расстались, — призналась я.

На том конце провода повисло долгое молчание.

— Хм, да, тут не поспоришь, — сказал он и выдержал паузу. — Ты хочешь извиниться?

Так вот что ему было нужно, чтобы все вернулось на круги своя! Ему нужно было, чтобы я поделила вину поровну, извинилась и тем самым сняла с него ответственность за его же недостойное поведение. Чтобы наши отношения наладились, ему нужно было снова почувствовать себя хорошим. Что ж, я пойду на это. Пусть я буду не права. Я готова простить его, если это будет значить, что я не потеряю его окончательно.

— Э-э, да. Мне не следовало всего этого говорить… Про то, что ты лысеешь, про то, сколько ты выдерживаешь в постели, и все такое.

— И насчет… оставить ребенка, если ты забеременеешь? — спросил он, и в его голосе послышалась тревога.

— Я на таблетках, — солгала я.

Я не принимала противозачаточные таблетки, но не хотела сообщать ему самостоятельно поставленный себе диагноз. Я услышала, как Генри выдохнул — он явно затаил дыхание в ожидании моего ответа.

— Ладно. Ну, спасибо за звонок. Береги себя, Лиллиан. — Он уже собирался повесить трубку.

— Подожди, — остановила я его. — Мне кажется, между нами возникла какая-то… нелепая напряженность. Хочу, чтобы ты знал: я совсем не против не торопиться. Я не горю желанием… э-э… срочно строить отношения, — выговорила я слегка заплетающимся языком.

Я надеялась, что не покажусь ему слишком пьяной. Мне хотелось, чтобы он понял, как серьезно я отношусь к каждому слову.

Снова повисла долгая пауза.

— Лиллиан, думаю, нам не стоит видеться. Твое поведение меня очень напугало. Ты просто как с цепи сорвалась. И ты явно больше вовлечена в эти отношения, чем я. Продолжать их было бы нечестно. Для нас обоих, — сказал Генри.

Джейми одними губами спросила: «Что происходит?»

«Да заткнись ты!» — так же беззвучно ответила я.

— Мне кажется, ты об этом пожалеешь, — собрав остатки достоинства, сказала я Генри.

Генри кашлянул, и я уловила, что он еле сдерживает смех:

— Ладно, Лиллиан. Это все?

Я кипела от ярости. Он вот-вот потеряет меня. Как ему может быть все равно? Почему ему наплевать на то, что мы снова станем чужими людьми? Он был во мне, в каждом отверстии моего тела, кроме ушей! Я заслужила больше, чем это паршивенькое вежливое прощание! Он был должен мне любовь, массаж ног и домашние ужины! Он должен был относиться ко мне так, как будто я для него что-то значу! Мне хотелось завопить и вцепиться ногтями в плечи Генри, расцарапать его в кровь. Мне хотелось, чтобы он страдал так же, как заставил страдать меня. Он должен мне будущее!

Наверное, я слишком долго молчала, потому что послышался сигнал, оповещающий об окончании разговора.

— Да, прощай, Генри, — произнесла я, пытаясь

сохранить лицо перед Джейми.

Я глубоко вздохнула и положила телефон. Джейми ждала объяснений. Хорошо, что я не включила громкую связь.

— Скатертью дорога, — сказала я.

Взгляд Джейми был полон сочувствия. Так глядят на человека, просящего милостыню на улице. Я опять взяла мобильный и вошла в «Инстаграм» — все, что угодно, лучше глупой физиономии Джейми. Ни к чему ей видеть, как я плачу. Мне хотелось оставаться ее крутой, веселой и сексуальной подругой. Эта слабая версия меня, которая сейчас вылезла на поверхность, как прыщ, вскочивший на носу, никому не нужна. Я смотрела в телефон, и слезы застилали мне глаза.

В моей ленте новостей появился пост Ведьмы Велнесс. Она говорила на камеру, а в подписи было: «Заклинания: хорошие, плохие, злые». И вдруг моя грусть сменилась чувством, похожим на надежду.

Вот оно!

Глава десятая

Как только речь зашла о проклятии, Джейми струсила. Она выросла в суеверной семье и боялась, что проклятие, которое мы наложим на Генри, сработает как-нибудь не так и ударит по нам самим. Я заверила ее, что ничего страшного не случится, и постаралась сказать это так убедительно, будто мне не впервой делать такое. Мы посмотрели на «Ютьюбе» ролик, в котором Ведьма Велнесс обучала насылать проклятия. Двадцатиминутное видео через каждые пять минут прерывалось двухминутной рекламой, так что мы потратили довольно много времени на его просмотр.

Бека — а я теперь верила, что она и вправду обладает даром — сказала, что понадобятся свеча, фотография Генри, черная нитка и сильная воля. Я нашла свечу «Янки», которую Генри подарил мне на день рождения, и обрывок черной нитки от расползавшегося свитера «Форевер 21», а потом попросила у Элизы разрешения распечатать на ее принтере фотографию Генри из «Линкедина». Элиза уже спала, когда я постучалась в дверь ее

комнаты. Стараясь выглядеть как можно более трезвой, я сказала ей, что мне это срочно нужно по работе, и с извиняющимся видом сидела на полу в ее темной комнате и ждала, пока струйный принтер «Эйчпи» распечатает фотографию. Когда все было готово, я, следуя указаниям Беки, маркером написала на свече имя Генри.

— Что ты хочешь с ним сделать? — спросила Джейми, явно нервничая.

Хороший вопрос. Я хотела, чтобы он стал бесплодным. И чтобы он никогда больше не смог заниматься сексом. Чтобы он навсегда остался одиноким. Чтобы у него на лбу вскочил глубокий, болезненный прыщ и никогда не проходил. Я хотела, чтобы он облажался на работе. Чтобы каждое утро по дороге в офис опаздывал на поезд в метро на три секунды. Может, я хотела, чтобы он умер? Это уже, возможно, слишком радикально, но после двух бутылок вина такой исход казался куда предпочтительнее, чем случайно столкнуться с ним в баре.

— Хочу, чтобы ему было так же больно, как мне, — туманно выразилась я.

Свеча затрепетала.

— Хочу стать последней, с кем у него было, — добавила я.

Я подожгла черную нить, протянутую на противне от свечи до фотографии, и наблюдала, как огонь добирается до лица Генри, как вспыхивает его самодовольная физиономия. На меня снизошел покой. Когда фотография почернела, Джейми бросила на меня вопросительный взгляд. Я кивком разрешила ей залить наш маленький пожар стаканом воды, чтобы не поджечь дом.

— А как мы узнаем, что заклинание сработало? — спросила Джейми.

— Узнаем, — зловеще произнесла я.

Я понятия не имела, последует ли какое-то подтверждение успешности нашего ритуала, но мой ответ звучал вполне уместно. Прислушавшись к себе, я не поняла, подействовало ли колдовство, но зато почувствовала, что сильно пьяна.

Открыв свою переписку с Генри, я набрала:

Ты получишь по заслугам.

Я смотрела на текст на экране и раздумывала, стоит ли его отправлять. В таком виде он казался более угрожающим, чем мне бы хотелось. Если отправить его, о возможности помириться с Генри можно будет забыть — это станет последним гвоздем в крышку гроба нашей любви. Я показала телефон Джейми:

— Отправлять? — спросила я.

— Стопудово, — ответила Джейми, сгорая от нетерпения поставить жирную точку в наших с Генри отношениях.

Я нажала «Отправить».

* * *

После ухода Джейми я была слишком взвинчена, чтобы спать. Во мне будто пульсировала незнакомая прежде сила. Был почти час ночи, на следующий день мне нужно было на работу. Я была взвинчена — словно приходила в себя после приема наркотиков. Надо было отдохнуть, снизить накал. Завтра мне придется проснуться и жить дальше.

Открыв шкафчик в ванной, я пробежалась глазами по коробочкам с лекарствами Элизы и увидела пузырек с амбиеном, из которого и раньше тайком брала иногда таблетку-другую. С некоторым усилием открутив защитную крышку от детей, я отправила таблетку в рот. Через несколько минут снотворное начало действовать. Наслаждаясь приятной тяжестью во всем теле, подаренной амбиеном, я залпом осушила стакан воды в надежде избежать худшего похмелья в моей жизни и натянула на себя одеяло.

Ритуал совершен.

Теперь можно и отдохнуть.

Глава одиннадцатая

Стакан воды, выпитый накануне, все же не смог предотвратить худшее похмелье в моей жизни. Меня рвало на работе, в туалете для инвалидов — в том, куда все бегали, чтобы, не привлекая к себе внимания, сходить по-большому. Я представляла, как за дверью коллеги перешептываются: дескать, надо же, опять побежала, у нее точно понос. Но дела обстояли гораздо хуже: мне было двадцать девять, я только что рассталась с мужчиной и выплескивала желчь из желудка в туалете, где все остальные срали. Я же, блин, еще и проклятие на человека наложила. До меня вдруг дошло, что в моей жизни царит полный раздрай.

Я вышла на офисную террасу в надежде, что на свежем воздухе тошнота пройдет и мне полегчает. На территории для отдыха был постелен зеленый искусственный дерн и оборудованы

площадки для игры в бочче[6] и корнхол[7]. За три года работы в компании я ни разу не видела, чтобы кто-то задерживался здесь дольше пяти минут. Это была бутафория, призванная создавать иллюзию равновесия между работой и активным отдыхом. Я пнула ногой один из шаров для бочче, достала телефон и позвонила матери. Мое настроение достигло наконец той степени подавленности, что я поверила: разговор с мамой хоть как-то меня утешит.

Мама ответила после второго гудка:

— Привет, дорогая.

— Привет, мам. — Я просто ненавидела этот свой детский голос.

— Что случилось? — сразу же спросила она.

В том-то и вся прелесть общения с моей мамой: она всегда предполагает, что случилось нечто ужасное, — и порой оказывается права.

— Генри порвал со мной, — сказала я.

Мама вздохнула:

— Не могу сказать, что для меня это неожидан-

---

[6] Примечания: 6

Бочче — игра с мячом, цель которой — расположить свои шары ближе к маленькому целевому шару, чем соперник.

[7] Примечания: 7

Корнхол — игра на открытом воздухе, в которой участники кидают мешочки с фасолью или кукурузой в отверстие на наклонной доске.

ность, — призналась она.

Но мне нужно было услышать совсем не это! Я должна была услышать, что она в шоке оттого, что кто-то добровольно решил уйти из моей жизни. Что я слишком хороша для Генри — да и для любого другого мужика. Что я могу найти и найду себе кого-нибудь получше.

— Мужчинам с нами нелегко, сама знаешь. Это у нас в крови. Мы все воспринимаем очень остро, Лиллиан. Мы — эмпаты, — сказала моя мать.

Она уже много раз излагала мне свою теорию эмпатии. Мама считала, что мы с ней чувствуем все куда глубже, чем окружающие. Я транслировала эту мысль друзьям, любовникам и даже коллегам. Дошло до того, что я соврала на работе, будто в старших классах мне присвоили звание «Самая эмпатичная». Этой награды я не получала, да и не факт, что она существовала в принципе, но проверять никто не стал. Предполагалось, что такого не выдумаешь. К тому же каждый по-своему понимает эмпатию. Для меня эмпатия — это мое умение угадать, чего именно хочет человек, с которым я намерена переспать, еще до того, как он об этом скажет. И это умение не раз меня выручало.

— Он мудак, — сказала я.

— Ну, что ты хочешь, он же учился в Брауне, — произнесла мама таким тоном, будто это все объясняет.

— Жуткий сноб, — согласилась я, хотя его образование не имело никакого отношения к нашему разрыву.

— Я тебе не рассказывала, что Дженис познакомила меня со своим двоюродным братом? О, это было ужасно, Лиллиан. Он лысый! И он снимает жилье. У него даже нет собственной квартиры. Да, я знаю, я тоже снимаю, но я бы хотела, чтобы у мужчины к нашему возрасту уже был свой дом. Мне шестьдесят четыре, но мне не нужен лысый арендатор! Вообще, я бы не прочь встречаться с кем-нибудь помоложе. Я молода душой. И хорошо выгляжу для своих лет. Как думаешь, я могла бы встречаться с кем-то между тридцатью и сорока?

Было ясно, что говорить о моей проблеме мама больше не желала. Она дала мне ту крупицу поддержки, на которую была способна.

— Мам, пожалуйста, не встречайся с кем-то на тридцать лет моложе себя. Знаешь, мне пора возвращаться к работе, — поторопилась я завершить разговор.

— Ах да, конечно. — Она тут же взяла себя в руки. — Ну, звони, если что понадобится.

— Обязательно позвоню, — пообещала я.

Не позвоню.

Тут же пришло несколько сообщений от Джейми.

Четверг, 13:42
Джейми:
Ты видела?

Четверг, 13:43
Джейми:
Лиллиан?

Четверг, 13:43
Джейми:
Че-то у меня крыша едет…

Четверг, 13:45
Джейми:
Надо поговорить. Не хочу писать.

Четверг, 13:45
Джейми:
Позвони мне!!!! Я в панике.

Через секунду Джейми позвонила сама. Я ответила раздраженно: ее настойчивость прямо-таки фонтаном била из телефона.

— Я на работе, — отрезала я.

Из-за похмелья я заводилась с пол-оборота.

Кэндис изнутри заметила меня на террасе. Она слегка помахала мне рукой, это наверняка был просто дружеский жест, но я восприняла его как: «Почему ты отвечаешь на личные звонки в рабочее время?»

— Ты видела статью в «Глоуб»? — спросила Джейми.

— Нет, — ответила я.

У меня не было времени обсуждать статью из «Бостон глоуб», о чем бы там ни писали! Тейлор Свифт призналась в бисексуальности? Кто-то полагает, что она скоро признается в этом? Том Брэди в сорок седьмой раз возвращается в Национальную футбольную лигу? США опять финансируют очередной геноцид? Ученые снова объявили, что вино полезно для здоровья? Мне было некогда гадать, что это за сенсационная новость.

— Он мертв, Лил, — сказала Джейми. — Генри мертв!

У меня закружилась голова. Джейми не была любительницей черного юмора; по крайней мере, она точно не стала бы так шутить, особенно звонить мне по этому поводу на работу. Честно говоря, у нее почти не было чувства юмора. Может,

она еще не протрезвела с прошлой ночи? Или я неправильно ее расслышала? Может, я все еще пьяна? Во рту появился противный кислый вкус.

— Что? — Мой голос сорвался на писк.

— Погугли, — посоветовала Джейми.

Я поставила телефон на громкую связь и стала искать сайт «Бостон глоуб». Руки у меня дрожали. Под заголовком «Местный житель убит у входа в бар» красовалась фотография Генри, которую я никогда раньше не видела. Желчь стремительно подкатила к горлу — слишком стремительно. Я поискала глазами безопасное место, но не успела… Меня вырвало на ярко-зеленый искусственный газон, и моя ярко-желтая рвота нарушила идеальную однородность покрытия. Это пятнистое месиво напоминало работы Джексона Поллока.

— Ты в порядке? — спросила Джейми.

— Нет, я не в порядке.

— Знаю. Я тоже, — согласилась Джейми. — Крыша едет.

— Черт. Черт возьми… — Я перевела дух. — Как, черт возьми, это произошло?

— Слушай, как ты думаешь… — начала было Джейми.

— Мой парень мертв, — перебила ее я и замол-

чала, пытаясь осознать произнесенное.

Последовала долгая пауза, и я мысленно бросила Джейми вызов: пусть только посмеет усомниться в моем праве называть его «мой парень», а не «мой бывший». Я бы стерла ее в порошок.

Как это могло произойти? Генри мертв? Кто мог его убить? Я же видела его позапрошлой ночью. Я только вчера с ним разговаривала. Я вспомнила о проклятии, о своем тайном желании навредить Генри.

— Думаешь, это мы сделали? — Голос Джейми дрожал, будто она вот-вот расплачется, а может, и уже плачет.

У меня внутри все перевернулось. Нет! Это же бред. Правда ведь? Не могла же Ведьма Велнесс и в самом деле научить нас колдовать. И вообще, если посмотреть на вещи трезвым взглядом, она ведь несет полную чушь. И даже если предположить, что она действительно что-то умеет, то мы-то совершенные дилетанты! Вероятность того, что у нас получилось такое мощное проклятие с первой попытки, равна нулю. Да, возможно, я лишила себя способности иметь детей силой собственного магического мышления — но убить человека я не могла! Наше доморощенное проклятие не имело к смерти Генри никакого

отношения. А значит, и мы не имели.

— Ничего подобного, — заверила я Джейми. — Мы просто дурачились.

Я пробежала статью глазами в поисках подробностей убийства. Там говорилось, что Генри четыре раза ударили ножом у бара в Сомервилле, неподалеку от его дома. Я знала этот бар. Это было любимое место Генри. Он заходил туда после тяжелого рабочего дня, а такие дни, похоже, случались у него часто. Однажды мы с Генри встречались около этого бара, но внутрь он меня так и не пригласил. Вероятно, это было священное место, убежище, где он любил побыть наедине со своими мыслями. Вот он сидит у стойки, потягивает разливное пиво «Гиннесс», читает Октавию Батлер[8] и расслабляется. Я понятия не имела, читал ли Генри Октавию Батлер, но, по-моему, он был из тех, кто непременно попытался бы почитать роман, написанный женщиной, по крайней мере на публике.

— Его ударили ножом четыре раза. — Джейми озвучила то, что я только что прочитала.

Меня трясло от холода и адреналина.

---

[8] Примечания: 8

Октавия Батлер (1947–2006) — американская писательница, «мать афрофутуризма» и первая чернокожая женщина, достигшая мировой известности в жанре научной фантастики.

— Да ты что! — выдохнула я. — Но это точно не мы. Очевидно.

— Конечно. — Судя по голосу, Джейми не до конца мне поверила.

— По сути, я ведь любила его. Я бы никогда не пожелала ему… ничего по-настоящему плохого.

— Конечно, — глубоко вздохнула Джейми. — Разумеется. Это какое-то безумие.

Генри был первым умершим человеком, с которым меня связывала такая близость. Мой дедушка скончался, когда я была ребенком, и мой отец, которого я не знала, тоже умер. Но Генри практически стал частью моей жизни! И так рано ушел из нее. Меня замутило, когда я осознала, что больше никогда его не увижу. Любила ли я Генри? Теперь, после его смерти, я чувствовала, как моя привязанность растет с каждой секундой. В голове прокручивался траурный видеоряд. Я видела, как он сидит напротив меня в баре, прижимается ко мне в постели, смешивает коктейль. Материала для этого ролика было не так много, но его хватило, чтобы у меня навернулись слезы. «Мой парень мертв», — повторяла я про себя.

— Что нам делать? — спросила Джейми.

Я прикидывала варианты. Мы не можем пойти в полицию и сказать, что наслали на Генри про-

клятие. Меня сочтут психически ненормальной. Может, свалить все на Джейми? Сказать, что это была ее идея? Но вряд ли Джейми вот так легко возьмет на себя вину, как бы сильно она меня ни любила. Я вспомнила сообщение, которое отправила Генри прошлой ночью: «Ты получишь по заслугам».

Сердце учащенно забилось. Зачем я отправила это сообщение? О чем я только думала? Почему я позволила Джейми уговорить себя отправить эту жалкую, а теперь еще и компрометирующую меня угрозу? В полиции же не станут подозревать, что я как-то причастна к смерти Генри? Спокойно, спокойно! Я была с Джейми в своей квартире! А потом легла спать. Элиза тоже была там все это время! У меня есть алиби! Несколько, если на то пошло. И все мы — белые женщины, нашим словам полиция, скорее всего, поверит. Мне не о чем беспокоиться. Полицейские, даже если бы они заподозрили меня, быстро поняли бы, что я ни при чем. Все будет хорошо. Они во всем разберутся. По крайней мере, в том, что касается меня.

— Нам ничего предпринимать не надо, — уверенно заявила я. — Пусть полиция просто делает свою работу.

— О’кей, — выдохнула Джейми.

— Все обойдется. Мы ничего плохого не сделали, — сказала я.

— О'кей, — повторила Джейми.

Наконец-то она мне хоть немного поверила. Теперь мне оставалось только убедить себя.

Я заметила, что Кэндис с любопытством смотрит на террасу:

— Мне нужно идти. Позвоню позже.

Я дала отбой и постаралась взять себя в руки, прежде чем войти в офис. Интересно, видел ли кто-нибудь, как меня вырвало? Лучше бы никто не видел, хотя сейчас это была наименьшая из моих проблем. Ко мне подошла Кэндис, лицо у нее было обеспокоенное:

— Все в порядке? — спросила она.

— Мой парень умер, — выпалила я, не успев подумать, стоит ли об этом рассказывать.

У Кэндис отвисла челюсть.

— Боже мой! Боже мой, Лиллиан! Мне так жаль!

Она обняла меня. Несколько сотрудниц, случайно услышав эту новость, повернулись ко мне. Меня сжимали в объятиях, звучал хор соболезнований и восклицаний типа «Держись, ты такая храбрая!». Кэндис велела мне взять выходной, или неделю, — в общем, сколько потребуется,

чтобы справиться с утратой. Она сказала, что компания пришлет еду мне домой. Аманда из отдела работы с соцсетями (которая обычно вела себя как последняя стерва) прослезилась. Как это ей удается — так быстро заплакать? У нее что, слезный карандаш в ящике стола? А мне тоже полагается плакать? Аманда сквозь рыдания поведала мне, что несколько месяцев назад скончалась ее собака, поэтому она «понимает, что я сейчас чувствую». Все вокруг повскакали со своих мест, собрали мою сумку и выпроводили меня из офиса. Джессика добавила свой номер в мой телефон и велела написать ей, если мне что-нибудь понадобится. Джули сказала, что высылает мне подарочную карту «Постмэйтс» на сто долларов, чтобы мне «не пришлось заботиться о том, как себя накормить». Внимание коллег, пусть полученное ценой такой потери, меня порадовало, даже восхитило.

Конечно, повод был ужасный, но как это приятно, когда тебя замечают.

Глава двенадцатая

Оказалось, что Генри все-таки пользовался социальными сетями. Видимо, когда человек умирает, всплывает все, что с ним связано. От Генри вместо дневников или бесценных произведений искусства остался след в Интернете. Я пришла в ярость, узнав, что он лгал мне, притворяясь этаким луддитом. Понимаю, что не стоит желать зла мертвым — я уже и так пожелала Генри немало плохого, — но это открытие чрезвычайно расстроило меня. У него была целая жизнь в сети, о которой я даже не подозревала.

После того как меня отпустили с работы, я пришла домой и открыла старую бутылку шампанского. Странно пить напиток, считающийся праздничным, когда кто-то только что умер, но это была единственная бутылка спиртного в доме, а мне срочно требовалось приглушить эмоции, грозившие разорвать меня на части. Когда я добралась до дивана, пришло новое сообщение от Джейми. Это была ссылка на страницу сестры Генри Амелии в «Инстаграме». Там она разместила черно-белую фотографию себя и Генри в

детстве. Под ней было написано: «Нет слов. Я буду скучать по тебе вечно, старший брат».

Амелия получила сотни комментариев от друзей и знакомых и от незнакомых тоже. Все выражали соболезнования, а некоторые делились историями о доброте Генри. Многие утверждали, что в любой комнате, куда Генри входил, сразу становилось светлее, а некоторые писали, что будут скучать по его неповторимому смеху. Я силилась вспомнить смех Генри, но это мне не удалось, так что вряд ли он был особенно примечателен. Меня охватило беспокойство: а вдруг он никогда не смеялся в моем присутствии? Но я тут же отогнала эту мысль. Я же очень забавная. Он наверняка смеялся. На фото, которое выложила Амелия, над лицом маленького Генри был тег: HenryNotThe8th.

Это был якобы неактивный аккаунт Генри, который я когда-то нашла и на который пыталась подписаться. После его смерти аккаунт сделали открытым, вероятно, чтобы сообщить всем о случившемся. Я вошла в него.

Сверху было то самое фото, которое Амелия выложила у себя в профиле. Далее она объявляла о трагической кончине Генри и о своем намерении в дальнейшем использовать его страницу

как «мемориал». Быстро же Амелия превратила профиль брата в виртуальное надгробие. И как ей удалось взломать его аккаунт? Мне стало досадно, что я не смогла сделать то же самое, когда он был жив.

Генри нечасто постил, но он, безусловно, пользовался социальными сетями, и достаточно активно. Чаще всего он фотографировался с кружкой пива на фоне красивых видов. Было одно фото из 2020 года, на котором он занимался вейкбордингом. Еще одно — с выпускного в колледже. Еще одно — в компании друзей; кстати, он меня так им и не представил. И наконец, фотография его семьи на отдыхе на Гавайях. Листая фотографии, я оплакивала все занятия, которым нам так и не довелось предаться вместе, все мои несостоявшиеся знакомства с самыми разными людьми. На фото пятимесячной давности я увидела затылок женщины, любующейся горным пейзажем. Это не был затылок его сестры. Я кликнула фото, и появился тег NoraNora26.

Я кликнула и на него.

В профиле Норы лицо Генри было повсюду. Я смотрела на экран, и мне казалось, что мои глазные яблоки вибрируют в глазницах. Интересно, может ли у человека от ярости случиться

припадок? Фотографий Генри в ленте Норы было почти столько же, сколько и снимков ее самой. Вот идеально выстроенные фотографии в походе. Вот случайные кадры, сделанные друзьями. Вот постановочные снимки с нескольких Хеллоуинов, где Генри и Нора в тщательно подобранных парных костюмах. А вот снимок в сепии, сделанный в фотобудке, тут они целуются. Я быстро и жадно просматривала фотографии, словно аккаунт Норы мог исчезнуть в любой момент.

Она была девушкой Генри. Я позволила этой мысли проникнуть в мое сознание.

У Генри была девушка. Когда Генри трахал меня, у него была девушка. Генри засовывал свой член мне в задницу, а потом в вагину своей девушки. Точно не наоборот, потому что такая женщина ни за что никому не позволила бы засунуть ей что-нибудь в задницу.

Мне не нужно было знать Нору лично, чтобы понять, что я ее ненавижу. Она была этакой бостонской стервой в платьях от Лилли Пулитцер, из тех, что носят туфли-лодочки, а летом ездят на Нантакет[9]. Наверняка пьет водку с содовой и раз в две недели делает гелевый маникюр.

---

[9] Примечания: 9

Нантакет — остров и город в штате Массачусетс, США, расположенный в 48 км к югу от мыса Код; место фешенебельного отдыха.

Если в ее прекрасном облике и были когда-то шероховатости, их давно тщательно сгладили и отполировали. Такие девушки, как она, — мечта бостонских финансистов, на таких они и женятся. Бегло просмотрев профиль Норы, я поняла, что она работает ивент-менеджером в небольшой частной компании в Кембридже и что они с Генри познакомились в Брауне. Чертов Браун! Мама была права!

Я жадно поглощала весь контент, который могла найти, адреналин зашкаливал. Мне начало казаться, что, рассматривая все эти кадры из фильма про наши с Генри отношения, только с другой актрисой в главной роли, я наношу себе порезы. В последнем посте Норы Генри смеялся и прикрывал камеру рукой, словно пытаясь остановить съемку. И подпись: «Я буду любить тебя и скучать по тебе вечно, Г».

Все мелкие детали, которые вроде бы ничего не доказывали, кроме того, что у Генри все схвачено, превратились в тревожные звоночки. И жизнь постоянно звонила у меня над ухом, а я не желала этого слышать. Вечно занятые выходные. Свидания только поздним вечером. Его «волонтерство». Сервировочный столик с напитками. Льняное постельное белье. Халат. Квартира, обставленная

с таким вниманием к каждой, блин, мелочи. Так это его девушка постаралась! Это была его девушка, и они, вероятно, жили вместе. Это она была его девушкой, а значит, я — нет!

И вот Генри мертв. И эта женщина будет принимать соболезнования и публично оплакивать его смерть, а мне придется оставаться в тени. Я стала искать у себя фото Генри, чтобы мстительно выложить его в ответ на фото Норы, но у меня была только его фотография из «Линкедина» и смазанный снимок, который я сделала, когда он отрубился у меня дома. Я судорожно хватала ртом воздух, тщетно пытаясь продышаться. Руки покалывало, сердце билось так часто, что, казалось, вот-вот разорвется. А что, сердечный приступ был бы кстати. Умру молодой, все будут убиты горем. Наша маркетинговая компания поместит на своей странице в «Инстаграме» трогательные слова прощания со мной, а «Бостон глоуб» опубликует статью с моим прекрасным портретом: «Молодая женщина умерла от разбитого сердца». Все, с кем я переспала, увидят газету и пожалеют, что не любили меня. Моя мама склонится над моим гробом, как Нэнси Рейган на похоронах Рональда Рейгана, только уж меня-то никто не обвинит в военных преступлениях. Я умру героиней.

Сестра Генри прокомментировала недавний пост Норы:

Ты всегда будешь мне как сестра.

Меня чуть не стошнило. У него не просто была девушка — его девушку приняли в семью! Мне захотелось написать Норе и рассказать ей о нас с Генри. Переслать ей фотографии его члена, которые он как-то прислал мне по пьяни, и приписать: «Я тоже по нему скучаю». Перечислить все позы, в которых мы с ним занимались сексом. Разрушить ее жизнь окончательно. Мне хотелось, чтобы она тоже почувствовала себя любовницей. Я начала набрасывать сообщение Норе в заметках: «Привет. Тебе следует знать, кем на самом деле был твой, а точнее, наш парень…»

Прежде чем я успела дописать сообщение, зазвонил телефон. Определитель номера показал: «Полиция Бостона». У меня перехватило дыхание. Почему мне звонят из полиции? Джейми рассказала им о проклятии? Они подозревают меня? Могу я проигнорировать звонок из полиции? Или они явятся ко мне домой, вышибут дверь и случайно застрелят меня, как это иногда бывает? Я решила, что лучше все-таки ответить.

— Алло?

— Это Лиллиан О'Мэлли? — спросил мужской голос.

— Да, — сказала я.

— Детектив Майклс, Бостонское полицейское управление. Не знаю, сообщили ли вам о вашем, э-э, знакомом Генри Дэвисе… — Он замялся, вероятно, ожидая, что я сама скажу, известно ли мне, что тело Генри, пока мы тут разговариваем, лежит в морге.

Я не знала, стоит ли мне солгать, что я не читала новостей, или это как раз наведет его на мысль, что мне есть что скрывать. Возможно, меня сочтут дремучей — мол, не читает ежедневно главную газету Бостона, — а я ее и не читаю. Но я решила говорить правду, по крайней мере пока:

— Подруга прислала мне ссылку на «Глоуб». Я просто убита.

— Ясно. — Детектив откашлялся. — Сочувствую вашей утрате, — добавил он без особого энтузиазма.

— Спасибо, — коротко поблагодарила я.

Интересно, с Норой детектив разговаривал так же сухо? Или к ее душевному состоянию он относился бережно, как эксперт из телепередачи «Антикварное турне» — к бесценному артефакту, который держал в руках? Люди всегда обраща-

ются с такими женщинами, как Нора, очень бережно. Со мной никто никогда не утруждался.

— Мы хотели бы побеседовать с вами, — сказал детектив.

— Э-э… Хм, конечно, — ответила я. — А зачем?

— Вы были, э-э… знакомы… с покойным. Мы опрашиваем всех, кто его знал, — пояснил детектив. — Собираем информацию.

— Мне нужен адвокат? — спросила я.

Я и сама не понимала, почему решила, что мне уже нужен адвокат. Есть ли адвокат у Норы? Я ничего плохого не сделала, но не знала, нанимают ли невиновные адвоката заранее или рассказывают, что знают, полностью доверившись правосудию. Но я посмотрела достаточно документальных фильмов о реальных преступлениях и знала, что адвокат никогда не помешает: полиция, если захочет, может кого угодно вынудить признать вину. На том конце повисла долгая пауза. Детектив снова кашлянул. Может, он аллергик?

— Это вам решать, — сказал он.

— Когда мне прийти? — спросила я.

— Сегодня, если вы не против. Как можно скорее. В Кембриджский участок.

Меня охватила паника. Они хотели поговорить

со мной немедленно. А значит, они допускают, что я как-то причастна к смерти Генри. Неужели они действительно думают, что я способна кого-то убить? Что я представляю опасность? Лучше всего продолжать вести себя так, как вел бы себя любой невиновный человек. Нанять сейчас адвоката — значит косвенно признать вину. Я поговорю с детективом один на один и объясню, что не имею к этой истории никакого отношения. И мы покончим с этим. А потом я выясню, кто такая, черт возьми, Нора и как долго Генри спал с нами обеими.

— Скоро буду. — Я судорожно сглотнула.

Только бы не пожалеть об этом решении.

Глава тринадцатая

Следы нашего «колдовства» оказалось довольно легко уничтожить. Я загуглила «как избавиться от улик» в режиме инкогнито и выяснила, что лучший способ замести следы — распределить улики по максимально широкой территории. Я выбросила свечу «Янки» в мусорный бак у соседнего дома и убрала с рабочего стола фото Генри. Останки расползавшегося свитера из «Форевер 21» бросила в контейнер для сбора одежды. Пусть его подберет какая-нибудь отвязная тинейджерка и унаследует мое невезение.

Мне не хотелось ничего рассказывать соседке, но ведь полиция могла с ней связаться, чтобы узнать, где я была прошлой ночью. Перед тем как пойти в полицейский участок, я подловила Элизу в ванной, когда она чистила зубы, и рассказала о происшедшем, опустив подробности, например проклятие. Я изложила суть: мой парень мертв, и меня вызывают в полицию поговорить об этом. О том, что, кроме меня, он трахал еще и другую женщину, я умолчала.

— У тебя был парень? — недоверчиво спросила

Элиза. — Это тот, что заходил всего несколько раз?

Ну конечно, именно в эту деталь она и вцепилась!

— Да. И он умер. — Я раскатисто произнесла звук «р» в слове «умер-р-р», чтобы до тупоголовой Элизы наконец дошло, что тема болезненная.

Элиза положила зубную щетку. У нее на подбородке осталось немножко зубной пасты.

— Ого, — сказала она. — Я и не знала, что у вас с ним серьезно.

Вот поэтому я с ней никогда не разговаривала. Она была так занята навешиванием на нас с Генри ярлыков, что даже не поняла, какая это для меня потеря. Моя мать права: не все такие чуткие, как мы с ней.

— Он так редко появлялся, — задумчиво пробормотала Элиза. — Это тот самый парень, да?

— Да. Генри. А приходил он редко, потому что я знаю, ты не любишь, когда у меня гости, — сказала я окрепшим от злости голосом.

Элиза никогда прямо не говорила, что ей не нравится, когда ко мне приходят гости. Вообще-то, она обычно избегала конфликтов со мной. Во время ковида я стала учиться игре на африканских барабанах по зуму и занималась в гостиной

дважды в неделю. Мне тогда казалось, что эти занятия помогут мне лучше понять движение «Блэк лайвс мэттер». На деле же они лишь слегка улучшили мое чувство ритма, и количество чернокожих знакомых у меня увеличилось на сто процентов. Элиза неслышно скользила мимо меня, пока я с энергией Кролика Энерджайзера под кокаином колотила в барабан, вечно на полсекунды отставая от остальных учеников (я списывала это на интернет-соединение.)

— Как он умер? — спросила Элиза.

— Его зарезали у бара, — сказала я.

— Боже мой! Я же читала об этом сегодня! — воскликнула Элиза.

— Да, ужас. И вот мне придется поговорить об этом с полицейскими.

— Но ты же не подозреваемая, правда? — обеспокоенно уточнила Элиза.

Интересно, она занервничала, потому что подумала, что я убийца, или потому что подумала, что меня обвинят напрасно?

— Конечно нет. Вчера вечером я была дома, с тобой, — сказала я.

Элиза наконец заметила в зеркале следы зубной пасты на лице. Она вытерла их тыльной стороной ладони, и стало еще хуже.

— Ну, я-то, положим, спала, — сказала Элиза.

— Да, но ты бы проснулась, если бы я вышла из квартиры! — Я уже с трудом выносила ее тупость.

— Я обычно вставляю беруши и включаю вентилятор. Ты же знаешь, я сплю под белый шум.

На что она намекает? Что я вышла из дома посреди ночи и убила Генри? Парня, который любил меня? Почему она так себя ведет? Зачем делает мне больно, когда мне и так плохо?

— Господи боже мой, Элиза! Я была с Джейми, а потом легла спать. Если копы спросят, почему бы тебе так им и не сказать? Я в отчаянии, ясно? Мало того что придется отвечать на вопросы в полиции, так еще и с тобой я должна разбираться? Мне сейчас нужно сосредоточиться на похоронах…

— Ты организуешь похороны? — спросила Элиза.

— Я помогаю, — рявкнула я в ответ, не в силах сдержать раздражение.

Элиза была ошеломлена. Обычно я не срывалась на нее. Наши ссоры разыгрывались у меня в голове, пока я принимала душ. И я понятия не имела, где взять приглашение на похороны Генри, — какое там помогать их организовывать!

Но так могла бы сказать девушка Генри, если бы Элиза разговаривала с ней.

— Конечно. Я скажу им все, что нужно. Соболезную твоей утрате, — наконец произнесла она.

Разобравшись с Элизой, я позвонила Джейми по «Фейстайму».

Мне показалось, что голос у нее был возбужденный, словно она в восторге оттого, что мы теперь навеки связаны общей травмой. Я сказала Джейми, чтобы она ни в коем случае не упоминала о проклятии, если полиция с ней свяжется. Я строго запретила ей говорить на эту тему.

— Они могут счесть меня мстительной и решить, что у меня есть мотив, — заключила я.

Джейми серьезно кивнула:

— Конечно. Я не буду об этом говорить.

— Надеюсь, мне удастся быстро все прояснить, — вздохнула я.

— Не могу поверить, что тебе вообще придется с ними разговаривать. — Она сделала паузу, чтобы успокоиться. — Не могу поверить, что это происходит.

— Да. Им следовало бы заниматься более реалистичными версиями, — подтвердила я.

Я задумалась, стоит ли рассказывать Джейми о Норе. В конце концов, Нора могла быть причастна

к смерти Генри. Но мне трудно было признаться, что я была не единственной женщиной в его жизни. Джейми и так скептически относилась к нашим с ним отношениям. Я не хотела давать ей новый козырь, чтобы она обесценила то, что было между мной и Генри. А вдруг она встала бы на сторону Норы? Скажу ей позже, когда разберусь с полицией.

— Нервничаешь? — спросила Джейми.

— Я ничего плохого не сделала, — ответила я. — Мне нечего скрывать.

— Ну, знаешь, копы чуть что, дело шьют, — блеснула жаргоном Джейми.

Мне захотелось врезать ей по физиономии.

Глава четырнадцатая

Меня опрашивал не тот полицейский, с которым я говорила по телефону, а мужеподобная лесбиянка, детектив Дженнингс. У нее был «ежик», татуировки на шее и проколотый нос. Мускулы бугрились под полицейской формой, и я отчаянно хотела ей понравиться — отчасти чтобы на меня не повесили преступление, которого я не совершала, отчасти потому, что вдруг однажды она наденет на меня наручники просто так, для забавы. В конце концов, мое будущее было в ее руках, и это делало ее невероятно привлекательной в моих глазах.

— Это у вас телефон звонит? — спросила детектив Дженнингс.

Я изобразила удивление:

— Ой, да? — Я вытащила мобильный и отключила его. — Извините. Мне очень нравится эта песня.

Детектив Дженнингс обеспокоенно посмотрела на меня:

— Вы что, плохо слышите, Лиллиан?

— Что? Нет, — ответила я.

— Хорошо, потому что это была бы существенная информация в данном случае, — сказала она.

Ужасное начало.

Детектив Дженнингс заставила меня дважды назвать для протокола свое имя и возраст. В первый раз я добавила, что родилась под знаком Рыб, в надежде, что детектив Дженнингс назовет свой знак, чтобы я могла позже проверить нашу совместимость. Она этого не сделала и велела повторить сказанное, чтобы ничего не упустить.

Дженнингс начала с вопроса, где я была в ночь убийства Генри. Я сказала правду: что была у себя дома с Джейми и Элизой. Она взяла контакты Джейми и Элизы и сказала, что свяжется с ними, чтобы они подтвердили мои показания. Затем детектив спросила о моих отношениях с Генри: где мы познакомились (в баре), как долго встречались (четыре месяца), была ли у нас физическая близость (да) и ссорились ли мы (не особо). Затем она спросила меня о Норе: знала ли я о ней, когда мы с Генри встречались (нет), встречалась ли я с ней (нет), и расстроена ли я тем, что Генри с ней встречается (я не знала о ней до смерти Генри, и да, мне было грустно узнать, что мой парень мне изменял). Детектив делала заметки, пока я говорила.

— Все ведь и так записывается? — спросила я.

— Да, — бесстрастно ответила детектив.

— Но вы все равно фиксируете все на бумаге?

— Только основные моменты.

На листе бумаги перед ней сверху было написано: «ЛИЛЛИАН». Детектив Дженнингс открыла папку и достала листок с распечатками текстовых сообщений, которыми мы обменивались с Генри. Я забеспокоилась, сердце забилось чаще. Она положила несколько листков на стол и указала на сообщение, которое я отправила Генри в ночь его смерти: «Ты получишь по заслугам».

— Не могли бы вы рассказать вот об этом? — спросила детектив Дженнингс.

Я старалась не ерзать на стуле. Ерзают нервные, чувствующие свою вину люди. Невиновные сидят неподвижно. Или, может быть, это социопаты сидят неподвижно, а невиновные как раз ерзают? Мне стоило бы изучить язык тела преступников, прежде чем идти в участок. Я старалась соблюсти золотую середину — немножко ерзать, но не чрезмерно.

— У нас была небольшая ссора. Мне показалось, что он не очень хорошо со мной обращается. Я была несколько раздражена, — сказала я.

— Перед тем как вы отправили Генри это со-

общение, у вас с ним состоялся телефонный разговор. Он длился две минуты пятнадцать секунд. Не могли бы вы рассказать, в чем состояла суть беседы? — спросила Дженнингс.

— Я позвонила, чтобы убедиться, что с Генри все в порядке. У него была тяжелая неделя на работе, и он просто выместил свое плохое настроение на мне. Он много выпил. Я волновалась за него, — сказала я. — Со мной в этот момент была моя подруга Джейми.

— Судя по этому сообщению, вы, хм, взяли паузу в отношениях. Но вы все равно звонили ему, чтобы узнать, как он? — спросила детектив.

— Конечно. Он был мне небезразличен, — ответила я. — Он и сейчас мне небезразличен.

Произнося эти слова, я так и видела себя на канале «Лайфтайм»[10].

Придется проинструктировать Джейми, чтобы она в случае чего подтвердила мою слегка подкорректированную версию событий. Это ведь и не ложь, в сущности. Я звонила Генри, потому что он мне небезразличен. Конечно, мы не достигли взаимопонимания, на которое я надеялась. И да, после этого я отправила ему то мстительное

---

[10] Примечания: 10

«Лайфтайм» — американский кабельный телеканал; специализируется на фильмах и сериалах, ориентированных на женскую аудиторию.

сообщение. Но мои намерения были чисты. Если бы я откровенно рассказала о том, насколько напряженным был тот телефонный разговор и что ему предшествовало, полиция зациклилась бы на ненужных подробностях. Лучше уж пусть думают, что Генри подвыпил, затеял ссору и вел себя гадко, чем и заслужил такое сообщение. Если он действительно хорошо ко мне относился, он не стал бы возражать против того, чтобы оградить меня от лишних расспросов. Это самое меньшее, что он мог для меня сделать, даже будучи мертвым.

— Он был пьян. Разговор продлился недолго, но Генри успел наговорить мне гадостей. Это задело меня, и я отправила это сообщение. Конечно, я сожалею о своем поступке, — сказала я.

Я попыталась выдавить из себя слезу, но ничего не вышло. Для верности я провела пальцем под нижними ресницами, пошмыгала носом и стала ждать, когда детектив Дженнингс предложит мне салфетку. Она не предложила.

— Я была с Джейми до поздней ночи. Потом пожелала спокойной ночи соседке по квартире Элизе и пошла спать. Я узнала о случившемся только на следующий день — прочитала в «Глоуб» и так расстроилась, что меня даже вы-

рвало, — сказала я. И это была правда. Моя рвота, выцветшая на солнце, наверняка еще лежала на террасе. — Она, наверное, все еще там, на траве.

Я надеялась, что доказательство моего эмоционального потрясения развеет все подозрения детектива. Должно развеять. Я была почти уверена, что у людей, способных на убийство, здоровье покрепче, чем у меня.

— Кто… она? — осторожно спросила детектив Дженнингс.

— Моя рвота, — пояснила я. — Она до сих пор где-то там, на террасе.

— О-о. Хм. Ладно, — сказала Дженнингс и написала на листке: «Рвота». — Но вы злились на Генри в ту ночь, когда он умер, верно?

Я задумалась над ответом. Несправедливо осужденный человек, сидящий в тюремной камере, посчитал бы, что именно с этого вопроса все пошло не так. Нужно вести себя очень осторожно, чтобы меня не поняли превратно.

— Я бы не сказала, что злилась, — ответила я. — Скорее, была опечалена.

— Вы когда-нибудь нарушали закон? — спросила детектив Дженнингс.

— Нет. — Я помолчала. — Или штраф за парковку тоже считается? — добавила я, чтобы

разрядить обстановку.

— Нет. Не считается. — Она очень внимательно глядела на меня.

— У вас же и так есть вся эта информация — штрафы за парковку и все такое? Или вы задаете эти вопросы, чтобы проверить, не пытаюсь ли я что-то утаить?

Я поняла, что постукиваю ногой, и положила руку на колено, чтобы прекратить это.

— Мы еще не смотрели ваше досье. Но да, мы бы знали, если бы вы раньше нарушали закон, — сказала Дженнингс.

Она написала на своем листке бумаги: «ПОСМОТРЕТЬ ДОСЬЕ!» Восклицательный знак показался мне лишним.

— Есть что-то еще, что, по-вашему, мне следует знать? Что-то, что могло бы пролить свет на убийство Генри или на его душевное состояние в ту ночь?

Хм, может, стоит задвинуть детективу идею о причастности Норы? Разве не партнер оказывается убийцей в большинстве случаев? Или это правило работает только когда жертва женщина, а убийца мужчина? С другой стороны, я ведь тоже встречалась с Генри. Если я намекну, что его могла убить Нора, не привлечет ли это

больше внимания ко мне? А я не имела никакого отношения к смерти Генри, конечно, если не считать детских игр с проклятием. Мне не нужно ни на кого сваливать вину, чтобы доказать свою невиновность, — это и так очевидно.

— Ничего не приходит на ум, — сказала я. — Я просто очень надеюсь, что вы найдете преступника. Не могу поверить, что кто-то захотел причинить вред Генри.

— Да. Запутанная история, — согласилась детектив.

Она выключила диктофон:

— Пока на этом все. Мы сообщим, если нам что-то еще понадобится или если возникнут проблемы с подтверждением вашего местонахождения той ночью.

— У вас есть какие-нибудь зацепки? — Я осмелела, когда Дженнингс выключила диктофон.

Детектив глубоко вздохнула, вероятно прикидывая, стоит ли делиться со мной информацией. После некоторых колебаний она ответила:

— Пока ничего конкретного. Мы в самом начале расследования. Но возле бара, где его убили, часто бывают бездомные, люди с психическими расстройствами и наркозависимостью. Мы отрабатываем все версии.

Конечно, они повесят смерть Генри на какого-нибудь бомжа. Если придерживаться мнения, что это было случайное насилие, то, зная Бостон, логично подумать на алкаша или какого-нибудь обдолбанного студентика, которому захотелось узнать, каково это — пырнуть человека ножом. Или, может, чья-то спортивная команда проиграла и болельщикам приспичило снять напряжение, наблюдая, как белый свет меркнет в чьих-то глазах.

Или, если дело не в самой Норе, виновата ее семья. Может, они узнали о моем романе с Генри и решили, словно мафиози, приговорить бойфренда своей дочери к смерти. Надо будет потом проверить, нет ли у этого семейства связей с мафией. Можно ли найти такую информацию в библиотеке? В общем, было несколько версий, которые, по моему убеждению, полиция еще даже не начинала отрабатывать.

— На сегодня мы закончили. — Детектив взглянула на дверь, давая понять, что мне пора уходить.

Я встала и направилась к двери.

— Ах да, Лиллиан! — спохватилась детектив. — Пожалуйста, не уезжайте никуда из города. Возможно, понадобится, чтобы вы пришли снова

и ответили еще на несколько вопросов. Если вы покинете штат, это будет расценено — в лучшем случае — как отказ от сотрудничества с правоохранительными органами.

— Конечно, — уверила ее я. — Я никуда не уеду.

Мне нужен был адвокат. Желательно недорогой.

Глава пятнадцатая

Выйдя из полицейского участка, я назначила Джейми встречу в баре. Было четыре часа дня, и ей пришлось отменить клиенту сеанс физиотерапии, но ситуация была чрезвычайной. Джейми появилась в своей обычной спортивной одежде, ее губы были озабоченно поджаты. Я уже заказала бутылку вина, на которую она бросила взгляд, усаживаясь за столик.

— Сходи возьми что-нибудь в баре, — кивнула я.

У меня был ужасный день, так что я заслужила целую бутылку. Джейми хотела попросить бокал для себя, но в итоге решила не пить. После беседы с полицией и новостей о Норе я была на грани нервного срыва: грызла ногти и ерзала на стуле — никак не могла найти удобное положение. Я залпом выпила полбокала вина. Джейми вежливо заказала пиво и, вероятно, оставит слишком большие чаевые в качестве извинения за свое существование. Подумать только, мое алиби целиком зависит от этого слабого создания, которое так легко напугать. Мне случалось видеть, как

Джейми извиняется перед предметами мебели, когда натыкается на них. А однажды она сказала «спасибо» бомжу, который обозвал ее шлюхой. Мне нужно было убедиться, что она не сломается под давлением и не расскажет полиции о проклятии, которое мы наложили на Генри.

Джейми скользнула на свое место:

— Тебе придется снова туда идти?

— Пока не знаю. Возможно, — сказала я. — В любом случае, мне нужен адвокат. У тебя есть родственники-юристы? — спросила я, внезапно осознав, что не знаю о семье Джейми решительно ничего, кроме того факта, что ее мать довольно сексуальна.

— Моя тетя — нотариус, — ответила она, в очередной раз продемонстрировав свой идиотизм.

— Ясно. — Я сделала глоток вина. — Это не подойдет.

Мы поискали в Интернете и быстро выяснили, что услуги адвокатов стоят безумно дорого. У меня было отложено около десяти тысяч, но эти деньги быстро растают при почасовой оплате мало-мальски сносного адвоката. Мне не нравилось, когда сумма моих сбережений становилась меньше шести тысяч. Один из побочных эффектов детства и отрочества в бедности — мне

требовалась определенная сумма на счете, чтобы спокойно спать по ночам. Когда число опускалось ниже этой отметки, я начинала представлять себя жонглирующей на перекрестке у светофора и выпрашивающей у проезжающих доллар.

— Я никогда не смогу себе этого позволить, — сказала я.

Вдруг Джейми почувствует себя достаточно виноватой передо мной, чтобы оплатить вместе со своим пивом и мое вино?

— А если попросить у мамы? — нахмурилась Джейми.

— Нет. Это не обсуждается, — твердо ответила я.

Моя мать и так уже была по уши в долгах по кредиткам. Она склонна относиться к своим доходам как к деньгам из «Монополии»: безрассудно тратить, словно эти траты не будут иметь никаких последствий в реальной жизни. Если бы я попросила о помощи, она бы согласилась. Она завела бы еще одну карту, взяла бы новый кредит; в общем, совершила бы любые безответственные финансовые операции, чтобы помочь мне. Но я не могла этого допустить. К тому же расскажи я матери о случившемся, она бы все раздула до невероятных масштабов. Она бы устроила на-

стоящую катастрофу и, рыдая, гуглила бы: «часы посещений в тюрьме» и «как пересылать деньги заключенным». Она смотрела бы видео о том, как сделать самодельные заточки, и держала бы меня за руку, в пятидесятый раз пересматривая «Побег из Шоушенка». Если втянуть ее в это, выйдет себе дороже. Но мне нужен был адвокат, так, для подстраховки.

Джейми нахмурилась, обдумывая другие варианты:

— У меня есть немного денег. Могу одолжить тебе… если надо.

А что, неплохая идея. Я бы не вляпалась во все это, если бы Джейми не подбила меня отправить Генри то сообщение. К тому же, будь я одна в ту ночь, мне бы, вероятно, и в голову не пришло насылать на него проклятие. Так что одолжить денег было самым меньшим, что Джейми могла для меня сделать. В конце концов, это не ее допрашивали в полиции, а в том, что мне могли инкриминировать, она сыграла не меньшую роль, чем я.

— Было бы здорово. Спасибо, — сказала я.

По лицу Джейми я поняла, что она в панике. Теперь стало ясно, что она предложила мне деньги просто для проформы. А теперь я буквально

видела, как перед глазами подруги уменьшается сумма на ее банковском счете. Теперь она мучительно искала способ отыграть назад. Что ж, это послужит ей хорошим уроком: не предлагай помощь, если не готова оказать ее.

— Напиши реквизиты своей карты. — Я протянула ей свой телефон.

Джейми неохотно достала бумажник. Вид у нее был такой, будто она собиралась писать завещание. Она набрала у меня в заметках данные своей карты и вернула мне телефон. Я не впервые занимала деньги у Джейми. Она часто оплачивала наши счета в баре и поездки на «Убере», а в колледже однажды одолжила мне двести долларов, которые я вернула, купив ей лотерейный билет — с ним она могла выиграть гораздо больше (она не выиграла). Как еще одна просьба дать взаймы могла повредить грандиозному зданию нашей дружбы?

— Ты уже говорила с кем-нибудь из его родственников… или знакомых? — спросила Джейми.

Я понимала, что рано или поздно она узнает о Норе. Джейми не хуже меня ориентировалась в социальных сетях. Она шутила, что в будущем станет одной из тех пожилых дам, которым на-

столько скучно, что они берутся за давно забытый висяк и раскрывают его. Их распинали в сети за то, что они превращают убийство в развлечение, но я всегда относилась к ним с уважением: женщины, воспринимавшие расследование как хобби, все равно оказывались способнее мужчин-профессионалов (полицейских). Джейми прикусила нижнюю губу — эта нервная гримаса всегда появлялась у нее, когда она хотела поговорить на щекотливую тему. Она знала о Норе. Я видела это по ее лицу. Будет лучше, если я успею сказать ей сама.

— У него была другая девушка. Он обманывал меня.

Джейми прикрыла рот рукой, изображая удивление, и я возненавидела ее за этот театр. Слава богу, актерское мастерство не было ее страстью, потому что способностями она похвастаться не могла: она выглядела как ведущая церемонии награждения, зачитывающая свои реплики с телесуфлера.

— Ее зовут Нора, и она невероятно банальна, — добавила я, словно это могло сделать ее существование менее значимым. — И конечно, мне очень больно.

Я открыла профиль Норы и передала мобиль-

ный Джейми, надеясь, что сейчас мы вместе разнесем Нору в пух и прах. Джейми пробежала глазами профиль Норы, притворяясь, будто видит его впервые.

— Ого! Так они давно вместе? — сказала она.

— Наверное. — Я стиснула зубы.

— Они познакомились в колледже, — повторила она информацию, которую я уже давно переварила. — Ты права, — согласилась она, — она совершенно банальна.

Именно такая поддержка мне и требовалась. Мне нужно было поговорить о том, какие редкие у Норы волосы и где она прячет свои растяжки. Мне нужно было пошутить о том, как потеет ее вагина на велотренажерах, и о том, что ее соски, вероятно, смотрят в разные стороны. А еще найти ее в «Твиттере» и поиздеваться над тем, как незатейливы ее шутки и какие тонкие у нее брови, — причем не в милой манере девяностых. Я ждала, что Джейми начнет прыскать ядом, но она вернула мне телефон.

— По-твоему, я красивее ее? — спросила я, занервничав из-за ее молчания.

Джейми заерзала:

— А, ну, конечно, Лил. Просто… Мне как-то неловко. Ее парень, с которым они были вместе

много лет, только что умер, понимаешь?

Собрав волю в кулак, я сдержалась и не влепила Джейми пощечину. Этот порыв напугал меня, но в нем была своя логика: люди совершают сумасшедшие поступки, когда горюют. Я рассчитывала на сочувствие подруги, а вместо этого она меня, оказывается, осуждает! Да с какой стати? Она ничего не знает об отношениях Норы и Генри. Судя по всему, они были токсичными. Может, они уже годы не спали вместе. Вероятно, они были из тех, кого друзья называли «мама и папа». Они стали бесполыми — гениталии у них пропали, как у Барби и Кена. Возможно, Генри много раз пытался порвать с Норой, но она противилась этому. Возможно, он даже рассказал ей обо мне, признался, что встретил другую, особенную, и влюбился. Возможно, Нора взорвалась и стала угрожать разрушить его жизнь, если он бросит ее ради меня. Я представила, как с ее тонких, потрескавшихся губ слетают слова «Ты пожалеешь об этом». Когда я собрала все воедино, мне стало казаться, что Генри порвал со мной только из страха перед местью Норы. Она была той палкой в колесе, которая помешала нашим отношениям разогнаться, женщиной, от которой он никак не мог избавиться. Может быть, я тогда все непра-

вильно поняла. На самом деле он выбрал меня и заплатил за это жизнью.

— Не думаю, что Генри хотел быть с ней, — сказала я Джейми.

— Это его слова? — спросила она.

— Я это сразу поняла. Она не в его вкусе, — отрезала я.

Джейми еще некоторое время разглядывала Нору:

— Да, вы очень разные.

Я точно не знала, комплимент это или оскорбление, но больше походило на второе. Присутствие Джейми начинало меня раздражать. Она должна была утешать меня, а вместо этого задавала навязчивые вопросы, искажая реальность и создавая впечатление, будто это я совершила что-то нехорошее. Я даже не знала о Норе, черт возьми! С чего бы мне ее жалеть? К тому же я только что потеряла своего парня. Почему Джейми проявляет сострадание к незнакомой женщине, а не ко мне? Я сделала большой глоток, но вино попало не в то горло. Я с трудом подавила кашель, на глазах выступили слезы. Пытаясь прийти в себя, я отпила еще.

— Ты плачешь, Лил? — спросила Джейми, и на ее лице отразилась неподдельная тревога. — Про-

сти, я не хотела тебя расстраивать.

Я прочистила горло, подавив новый приступ кашля:

— Да… Все это разбивает мне сердце.

Горло по-прежнему саднило.

Мое сердце было разбито, но мне еще надо было кое-что сделать. Нужно было убедиться, что моя жизнь не закончится из-за того, что закончилась жизнь Генри, и что это дурацкое проклятие не превратит меня в злодейку, каковой я не являюсь. Мне нужно было сохранить хотя бы крупицу контроля над ситуацией, в которой, кто бы что ни говорил, я — жертва. Мне нужно было защитить то, что осталось от моей жизни. Уверена, Генри одобрил бы.

— А еще я хочу быть уверена, что насчет проклятия мы с тобой договорились, — сказала я.

— Ты в самом деле считаешь, что они будут меня допрашивать? — Джейми нахмурилась и стала похожа на тех кошек, которых специально вывели с грустной мордой, чтобы получать под них выгодные рекламные контракты.

— Не исключено. Просто чтобы ты подтвердила то, что я им уже сказала, — ответила я.

— Ты уверена, что нам не стоит упоминать о проклятии? — опасливо спросила Джейми. — А

что, если они проведут, типа, компьютерную экспертизу твоей истории поиска?

— Это не ЦРУ, Джейми. Это полиция Бостона, упивающаяся своей властью. И проклятие-то на самом деле не сработало.

— Но так все совпало… — Джейми с тревогой уставилась на свой стакан с пивом.

Это да. Где-то в чуждых логике глубинах моего мозга зрела мысль: а не высвободила ли я случайно какую-то скрытую во мне силу? В детстве, посмотрев фильм «Матильда», я не раз убеждала себя, что способна к телекинезу. Я попыталась вспомнить, удавалось ли мне когда-нибудь сдвинуть предмет силой мысли. Может, карандаш. Однако я не была уверена, что он не лежал на наклонной поверхности.

— Это было дурацкое видео на «Ютьюбе». Ничего больше, — заверила я ее.

— Ладно, — выдохнула Джейми. — Я не буду об этом говорить.

— Еще я сказала в полиции, что у Генри были небольшие проблемы с алкоголем, — небрежно добавила я.

Джейми удивленно взглянула на бутылку вина передо мной.

— Угу. Я не говорила об этом раньше, мне было

как-то неловко. Но он становился вспыльчивым, когда выпивал. — Я пожала плечами. — Это болезнь. Мне было жаль его.

Будет проще, если восприятие ситуации у Джейми совпадет с тем, что я уже рассказала детективу Дженнингс. Я потянулась через стол, коснулась рукой руки Джейми, провела пальцем по ее большому пальцу.

— Я очень ценю, что ты была со мной все это время. Это так много для меня значит, — сказала я.

Джейми смягчилась:

— Конечно. Я не буду упоминать о проклятии. И сделаю все, что смогу, чтобы помочь.

— Спасибо. — Я сжала ее руку.

Хотелось бы верить, что она говорит искренне.

Глава шестнадцатая

Я увидела рекламу «Хименес и сыновья» на автобусной остановке. Они позиционировали свои услуги как дешевые и быстрые и сообщали, что по некоторым делам работают *pro bono*[11]. На постере было написано: «При несчастных случаях звоните», а то, что случилось с Генри и проклятием, определенно было несчастным случаем, вот я и позвонила. Из информации на их сайте было ясно, что в юридической фирме работают Джордж Хименес и два его сына, Карлос и Гектор. У Джорджа была зализанная назад черная накладка и густые седые брови, которые по контрасту еще больше привлекали внимание к его накладке. Карлос был пухленький и производил впечатление очень дружелюбного парня, ни дать ни взять — оживший талисман какого-нибудь колледжа. Гектор же выглядел серьезнее. В его глазах читалась тревога, она буквально сочилась с экрана моего компьютера, пиксель за пикселем. Я сразу поняла, что Гектор — именно тот, кто

[11] Примечания: 11

Pro bono — сокращение от латинской фразы *pro bono publico*, что переводится как «ради общественного блага», то есть бесплатно.

мне нужен.

После непродолжительных поисков в «Гугле» я выяснила, что Гектор получил диплом юриста то ли в Университете штата Нью-Йорк в Буффало, то ли в Университете Финикса, то ли и там и там. Он назначил мне встречу в воскресенье, в половине первого. Еще одна причина моего выбора: напротив слов «Часы работы» было написано: «Круглосуточно».

Офис «Хименес и сыновья» располагался в обветшалом здании в Брайтоне над кофейней «Данкин донатс», из-за чего весь офис пропах горелым кофе. Интерьер был прямиком из семидесятых. Это, конечно, могло быть художественным решением, но мне показалось, что причина тут скорее финансового порядка.

В приемной меня встретила секретарша, худая-худая — соплей перешибешь. Я предположила, что она родственница владельцев фирмы. Вообще-то, ее лицо было настолько точной копией лица Гектора, словно его черты просто сняли с его черепа и поместили на голову девяностолетней старушки. Она красила ногти ярко-фиолетовым лаком и смотрела на айпаде сериал «Дни нашей жизни». Я назвала свое имя, и она предложила мне присесть и налить себе воды, указав на

большой кувшин и треугольные пластиковые стаканчики. Я выпила четыре стаканчика подряд. Она наблюдала за мной, озабоченно приподняв брови. Возможно, решила, что я сильно обезвожена своей преступной деятельностью.

Через пять минут после того, как должна была начаться наша встреча, Гектор вышел из своего кабинета, торопливо вытирая салфеткой горчицу с подбородка. Увидев его рядом с пожилой секретаршей, я испытала такое потрясение, что почувствовала острую необходимость получить подтверждение их родства.

— Вы родственники? — спросила я.

— Да, — ответил Гектор так, будто это был самый глупый вопрос, который ему когда-либо задавали. — Проходите, Лиллиан.

Кабинет Гектора был выдержан в том же стиле, что и приемная, с той лишь разницей, что повсюду были расставлены и развешены фотографии его жены и детей. Фотографий было так много, что я даже забеспокоилась: а может, они умерли и кабинет стал своего рода мемориалом? Или некоторые люди действительно так сильно любят своих родных? Гектор был высокий, определенно выше шести футов, и стройный. Телосложение выдавало в нем человека, занимавшегося спор-

том в старших классах.

У него все еще была густая шевелюра, что казалось чудом, учитывая прически других мужчин в этой семье. Он был ненавязчиво красив. Мужчина с заурядной внешностью, с которым захочется переспать, если, например, увидишь, какой он хороший отец. Взглянув на фотографию Гектора на сайте, я всерьез подумала о том, чтобы затащить его в постель. Было бы совсем неплохо встречаться с мужчиной старше себя, да еще и адвокатом. Мне также было интересно, станут ли его услуги бесплатными, если мы переспим, хотя это, вероятно, являлось бы нарушением какого-нибудь закона. Но фотографии его семьи сильно портили мне настроение. Может, это у юристов такая тактика — чтобы клиенты больше им доверяли? И дети-то не его, так, удачно расставленный реквизит. Гектор заметил, что я разглядываю фотографии, и принял мое любопытство за восхищение.

— Луке восемь, а Мариэле только что исполнилось три, — произнес он с гордой улыбкой.

— Очень милые, — сказала я, постаравшись придать лицу доброжелательное выражение.

— Так чем я могу вам помочь? — Гектор аккуратно сложил в стопку бумаги у себя на столе. —

Небольшое ДТП?

Я намеренно туманно обрисовала по телефону, почему мне понадобились услуги фирмы «Хименес и сыновья». Не хотелось спугнуть адвоката, прежде чем появится шанс его нанять. Хотя формально я ничего противозаконного не сделала, было проще объяснить ситуацию при личной встрече.

— Мой парень умер, — сказала я.

Я не знала, насколько откровенной следует быть. Если бы я убила Генри, разве я рассказала бы своему адвокату правду? Знал ли Роберт Кардашьян[12], что О. Джей Симпсон убил Николь Браун? Знала ли Крис Дженнер? Знала ли Хлоя? А Кендалл? Гектор приподнял брови, на его лице отразилось беспокойство. Он быстро взял себя в руки и начал записывать.

— Вы как-то причастны к этому? — спросил он.

— Нет, конечно. Но полиция заставила меня дать показания. Оказалось, он встречался с другой. Я только что узнала. — Я разгладила ладонями брюки на коленях. — Но в ночь его смерти

---

[12] Примечания: 12

Роберт Кардашьян (1944–2003) — адвокат. Известность ему принесла ключевая роль в громком деле О. Джея Симпсона, обвиненного в убийстве бывшей жены. Кардашьян был ближайшим другом Симпсона и оказался в центре событий в первые дни после убийства, а потом защищал его в суде.

мы поссорились, и я отправила ему довольно мерзкое сообщение, — призналась я.

Было приятно поговорить с кем-то о случившемся. Я бросила взгляд на фотографию жены Гектора на столе. Не очень-то она и красивая. Может, у меня все-таки есть шансы?

— Понятно. — Гектор откинулся на спинку стула, оценивающе разглядывая меня. — А где вы были в ночь его смерти?

Я тихонько усмехнулась, и Гектор тут же испугался.

— Извините, — сказала я. — Просто так обычно только в кино говорят. — Я прикусила нижнюю губу, чтобы взять себя в руки. — Я была с подругой Джейми и соседкой по квартире Элизой. Я так и сказала в полиции.

У Гектора отлегло. Итак, у меня есть алиби. Я невиновна. У него в кабинете не хладнокровная убийца, которая только что рассмеялась, когда ее спросили, где она была в ночь смерти ее парня. Он сможет меня защитить.

— Не могли бы вы рассказать мне о ваших отношениях с покойным, от начала до конца? — попросил Гектор.

Я погрузилась в историю нашего с Генри романа, рассказывая детали, которые могли быть

важны для дела, но опуская все, что представляло меня в невыгодном свете: например, тот факт, что Генри, в общем-то, порвал со мной, или подробности нашей ссоры утром после того, как я осталась ночевать в его квартире. Я также рассказала Гектору о Норе и о моих подозрениях, что именно связь с ней довела Генри до состояния полного эмоционального истощения. Я раздумывала, стоит ли говорить Гектору о проклятии; он мог бы посоветовать мне, что делать, если эта информация всплывет. Я надеялась, что Джейми не сломается на допросе, но мало ли что… Мне нужно было быть готовой к тому, что она не выдержит давления и расколется.

— Все, что я вам скажу, будет адвокатской тайной? — спросила я.

— Ну да. Если я возьмусь за ваше дело. — Он напрягся, вероятно, готовясь услышать мое признание в убийстве.

— В ту ночь, когда умер Генри, мы с подругой сделали одну глупость. Это была шутка, ну честное слово! Но подруга сейчас немного паникует, так что это может вскрыться, если полиция будет ее допрашивать.

— Вы причинили кому-то вред? — спросил Гектор.

— Нет. Ничего такого. Мы нашли на «Ютьюбе»… проклятие. Ну, ритуал… Да просто ерунда какая-то… Чтобы помочь мне… перевернуть страницу. — Я нервно поправила волосы.

— Проклятие? — Гектор удивленно приподнял брови.

— Ну, типа ритуал с заклинанием, — пояснила я, с ужасом осознавая, какой клиникой все это может показаться.

Чем больше я говорила, тем отчетливее понимала, что эти откровения выставляют меня неуравновешенной истеричкой. Не повредит ли мне эта история в глазах Гектора? Что ж, пусть. Наши отношения могут оставаться сугубо профессиональными. Возможно, он и правда любит свою жену.

— Мы, конечно, повели себя как дуры. Мы узнали о проклятии от одной блогерши, Ведьмы Велнесс, может, вы слышали о ней? Она довольно популярна. Ну, типа проклясть человека, который тебя обидел… Но эта Ведьма Велнесс, она ведь халтурщица. Это было только развлечение, ничего больше. Мы напились…

— Вы пили в ночь, когда он умер? — перебил Гектор.

— Ну да, совсем чуть-чуть, — солгала я.

— Вы только что сказали, что напились, — настаивал Гектор.

— Я что, уже в суде? — огрызнулась я и тут же засмеялась, чтобы не обострять ситуацию.

— На случай, если дело дойдет до суда, мне нужна вся информация. — Он нервно повозил руками по столу. — Мне никогда раньше не приходилось представлять клиента в суде по делу об убийстве, — признался он.

По их дрянному офису, глючному сайту и крайне низким расценкам я уже догадалась, что «Хименес и сыновья» — не ведущая юридическая фирма, занимающаяся защитой обвиняемых в умышленных убийствах. Меня это не смущало. Это ничего, что Гектор никогда не защищал в суде убийц, — ведь я не убийца.

Я нуждалась в человеке, который научил бы меня, что говорить, а чего не говорить, чтобы мне не предъявили несправедливого обвинения. В человеке, который сидел бы рядом и мягко накрывал мою руку ладонью, если бы я начала говорить что-то компрометирующее. В ком-то, кто мог бы сказать: «Моя клиентка не обязана отвечать на этот вопрос». Гектор должен был стать просто нянькой, которой будут явно переплачивать, пока весь этот кошмар не кончится.

Он вздохнул, бросив взгляд на распятие на стене. Я не заметила его, когда рассматривала комнату.

— Это была шутка, только и всего, — повторила я.

— Я не люблю иметь дело ни с чем, что связано с оккультизмом или сатанизмом. Вы часто это практикуете? — спросил он, и как-то слишком пуритански это прозвучало.

Неужели все, кроме меня, суеверны? Я лишь раз проделала этот дурацкий ритуал и вовсе не собиралась превращать занятие магией в привычку. А если я действительно обладала сверхъестественными способностями, то Гектору следовало бы вести себя поосторожнее: он не слишком мне нравился.

— Я не увлекаюсь оккультизмом и уж тем более сатанизмом. Вообще-то, это была идея моей подруги Джейми, — солгала я. — Это она предложила.

Гектор вздохнул:

— Хорошая новость: светский суд вряд ли станет придавать подобным вещам большое значение. Но я советую вам не рассказывать об этом в полиции, если они захотят поговорить с вами снова. Это все же доказывает, что у вас был мотив.

И мне не следовало бы говорить этого вслух, но и вашу подругу я попросил бы воздержаться от упоминаний о проклятии. Если это всплывет, можно сказать, что вы посмотрели видео, чтобы развлечься. Остались ли в вашей квартире какие-нибудь следы этого ритуала?

— Нет.

Я не сказала, что это только потому, что я недавно их уничтожила.

— Ладно, — сдался он, но в его взгляде все еще читалось сомнение.

Гектор открыл ноутбук и сделал вид, будто ищет что-то; возможно, так он собирался с силами, чтобы решительно отказать мне в своих услугах. Я попыталась использовать все свои скрытые способности, чтобы заставить его согласиться представлять мои интересы. Мне нужно было, чтобы Гектор захотел помочь мне. Чтобы он заглянул в мои глаза и увидел во мне свою дочь, повзрослевшую и оказавшуюся в трудном положении. Или свою жену, попавшую в беду. Я хотела, чтобы он боролся за меня, словно я часть его. Славно было бы иметь кого-то на своей стороне, человека, на которого я наконец-то смогла бы положиться. После долгой паузы и, видимо, напряженной внутренней борьбы, Гектор поднял

на меня глаза.

— Хорошо, — сказал он, тяжело вздохнув. — Я буду представлять ваши интересы, Лиллиан.

Я улыбнулась и взглянула на распятие на стене, безмолвно благодаря Бога, в которого верил Гектор.

Глава семнадцатая

Прощание с Генри назначили на пятницу на хоккейной площадке в Милтоне, штат Массачусетс, — там он играл в детстве. Я узнала подробности из профиля его сестры в «Инстаграме». Она опубликовала на своей странице флаер с фотографией Генри в окружении голубей. В подписи к посту говорилось:

> До сих пор не могу поверить, что устраиваю прощание со своим любимым братом. Может быть, кому-то покажется странным, что оно пройдет на хоккейной площадке, но тем из вас, кто знал и любил Генри, известно: хоккей был его религией. Он играл на этой площадке вплоть до поступления в колледж. Я посмотрела здесь сотни игр с его участием. Тогда меня раздражало, что мне приходилось на них ходить, но сейчас… я бы все отдала, чтобы снова оказаться на трибунах и поболеть за моего дорогого брата. Присоединяйтесь к нам, чтобы почтить память нашего любимого Генри. Добро пожаловать всем,

кто его любил. Обнимаю, Амелия.

Вся эта затея — прощание при закрытом гробе в вестибюле катка — показалась мне дурновкусной. Дешевый трюк ради привлечения внимания. Я была уверена, что Генри она не понравилась бы. Он ни разу не упоминал хоккей в разговорах со мной, даже «Бостон брюинз»[13]. Неужели это то, чего он хотел бы? Весь этот цирк в помещении, пропахшем по́том? Или таково было представление его семьи о завершении жизненного пути — родные и близкие демонстрируют уважение к твоему хобби, до которого тебе самому давно уже не было дела?

Я попросила Джейми одолжить мне для такого случая ее винтажное черное платье от «Прада». Это была самая красивая вещь в ее жизни. Оно досталась ей от матери, которая, в отличие от Джейми, была очень стильная и, вероятно, умела носить его.

Джейми явно расстроилась, когда я сказала ей, что иду на церемонию. Возможно, она не хотела одалживать мне платье. Я весила на несколько

[13] Примечания: 13

«Бостон брюинз» — профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге. Базируется в городе Бостон, Массачусетс.

килограммов больше нее. Чтобы влезть в платье, мне потребуется несколько слоев утягивающего белья, но я была готова к испытанию.

— Ты правда считаешь, что тебе стоит идти? — спросила Джейми.

— Конечно, стоит, — ответила я. — Его сестра пригласила всех, кто его любил.

Джейми прикусила нижнюю губу:

— Разве твой адвокат не рекомендовал тебе затаиться?

— Гектору и в голову не пришло бы, что я пропущу прощание с Генри. Это часть процесса переживания утраты, — заявила я.

Гектор действительно советовал мне держаться подальше от родных Генри. И я намеревалась следовать его совету во всех случаях, за исключением этого. Я и так шла на огромный компромисс, решив не посещать похороны, куда, по всей видимости, будут допущены «только друзья и семья». Нет, разумеется, я считала, что тоже принадлежу к ближнему кругу, но мне не удалось выяснить, где именно состоится погребение, а звонить в похоронные бюро с расспросами — это уже граничит с преследованием.

— Но там ведь, наверное, будет его девушка, — заметила Джейми.

Конечно, и я об этом думала. Присутствие Норы на прощании было неизбежно, именно поэтому мне и хотелось туда пойти. Я узнала о ней в Интернете все, что могла, но этого было недостаточно, чтобы по-настоящему понять, какая она. Мне нужно было увидеть ее. Более того, подойти на достаточное расстояние, чтобы разглядеть ее расширенные поры и жирные у корней волосы. Посмотреть на нее в профиль и в три четверти. Я хотела, чтобы она стала наконец реальным человеком, а не идеально отредактированной картинкой, доказательством неверности Генри. Если бы мне удалось узнать ее поближе, я бы поняла, что она значила для него, кем она была для него в конце его жизни. Может быть, я убедилась бы, что их связь ослабла, что он отдалился от нее, предпочтя отношения со мной. Но вообще-то, конечно, я шла туда, чтобы оплакивать Генри. Мне отчаянно нужно было его оплакать. С момента его смерти у меня почти не было времени осознать собственное горе. И встреча с Норой была необходимой частью этого осознания.

— Ты серьезно хочешь платье от «Прада»? — спросила Джейми таким тоном, словно дать мне это платье было для нее все равно что войти в океан, привязав гири к ногам.

— Да, если можно, — сказала я.
Джейми вздохнула:
— О'кей.

* * *

На прощании с Генри было полно народа. Сотни людей на хоккейной площадке ждали возможности помянуть хорошего бостонского парня, который ушел слишком рано. На парковке установили обогреватели и столы для обслуживания растущей толпы. Все машины убрали, и на парковке змеилась длинная очередь. У выхода на арену на электронном табло под изображением голубки светилась надпись: «Покойся с миром, Генри». Я задумалась, почему именно голубка стала символом смерти. По-моему, для такого отвратительного события гораздо лучше подошел бы городской сизый голубь.

Я окинула толпу взглядом и убедилась, что одета лучше всех, причем лидирую с большим отрывом. И уж точно я здесь самая сексуальная. Многие женщины даже не удосужились накраситься. Они что, не слышали о водостойкой туши? Генри был бы разочарован таким безразличием со стороны своих гостей. Я заняла очередь, достала маленькую фляжку и сделала глоток водки. В

мои планы не входило встречаться с Норой, да и с мертвым Генри, на трезвую голову. Человек в очереди заметил, как я пью из фляжки, и посмотрел на меня с осуждением. Я вылила немного на землю и показала пальцем на небо — мол, это для Генри. Этот жест, похоже, удовлетворил незнакомца; он одарил меня понимающей улыбкой, я улыбнулась в ответ.

Спустя час я прикинула, что продвигаюсь примерно на метр каждые две минуты. Очередь двигалась мучительно медленно. Они что, произносят длинные монологи у гроба Генри? Я встала на цыпочки, чтобы оценить, сколько еще осталось до входа. От дверей меня отделяло расстояние длиной примерно с бейсбольное поле. Вся водка из моей фляжки уже перекочевала прямиком в мой мочевой пузырь. Или это было запоздалое проявление инфекции мочевыводящих путей после секса с Генри? Эта мысль согрела меня: было бы приятно носить в себе частичку его, даже если бы это оказались бактерии. Я оглянулась на девочку-подростка позади меня. Все это время она стояла, уткнувшись в телефон. Интересно, знала ли она Генри лично или же, как мотылек на огонь, прилетела на пламя трагедии, о которой раструбили в соцсетях.

— Я отойду, скажете, что я здесь стою? — спросила я.

Девица в ответ лишь дернула плечом, занятая поглощением того, что скармливал ей телефон. В наказание за грубость я от души пожелала ей, чтобы ее аккаунт взломали, и двинулась ко входу на ледовую арену, ловя на себе недовольные взгляды стоявших в очереди. И почему я должна торчать тут с этими посторонними людьми? Я-то знала Генри близко. Мы встречались. Он был внутри меня! Я ношу его бактериальную инфекцию! Мне не пристало торчать на холоде. Я должна была вместе с его семьей и его второй девушкой принимать соболезнования.

Двери были открыты, очередь, извиваясь, заползала внутрь. Я почти ожидала, что на пороге будет стоять охрана и проверять документы, но проход был свободен. Я бесшумно проскользнула мимо очереди с выражением лица «я тут своя», и никто не посмел оспорить это. Там, где прощаются с покойным, не станут затевать свары с незнакомыми людьми.

Внутри здания человек двадцать стояли в очереди к закрытому гробу Генри. Когда я увидела гроб и осознала, что там лежит тело Генри, меня неожиданно охватила паника. Человек, которо-

го я знала, который жил, дышал, спал со мной, теперь мертв. Я решила дать себе свыкнуться с этой мыслью. Рядом с гробом, согнувшиеся и удрученные, стояли его мать, сестра и отец и принимали соболезнования. Мать беззвучно плакала, на лице отца застыло торжественно-скорбное выражение. Сестра Генри, Амелия, единственная из троих, как положено, благодарила каждого подходившего и пожимала ему руку, словно вручая диплом. Ее самообладание вызывало восхищение. Скорее всего, поскольку родители пребывали в состоянии близком к кататоническому, она вынуждена была отдуваться за них. Было немного странно видеть семью Генри оффлайн. Они были красивые и ухоженные, все с одинаковым каштановым оттенком волос — просто картинка идеальной семьи в «Симс». Я поискала глазами Нору, но ее нигде не было, хотя между Амелией и ее матерью зияла странная пустота. Возможно, Нора вышла. Если бы в мире была хоть какая-то справедливость, эту пустоту я бы заполнила собой.

Я подошла к ним ближе, и на меня снова накатила волна страха. Тогда я напомнила себе, что имею полное право быть здесь, что я тоже скорблю по Генри. На самом деле за последние

четыре месяца я, пожалуй, провела с ним больше времени, чем большинство из этих людей. У меня не было причин стыдиться своего присутствия на прощании. Я подняла подбородок и оправила платье, гадая, похвалит ли его Амелия. Сначала я подошла к отцу Генри. Он протянул мне руку, и я неуверенно пожала ее. Она была теплая, мозолистая и сухая. Жаль, что у меня нет в сумочке крема для рук, чтобы предложить ему.

— Соболезную вашей утрате, — тихо сказала я.

Отец Генри только моргнул в ответ. Я продолжила движение. У матери Генри дрожала нижняя губа, она могла в любой момент сорваться и громко зарыдать. Я заморгала, пытаясь вызвать хотя бы намек на влагу в собственных глазах. Пора обзавестись слезным карандашом. Было невыносимо больно смотреть на нее и не разделять ее страдания. Она излучала боль, она была уже не человек, а животное, к которому прикрепили взрывное устройство. Я отвела взгляд и принялась рассматривать свои туфли.

— Примите мои соболезнования, — сказала я.

Она кивнула, и я двинулась дальше.

Следующей была Амелия. Она встретилась со мной взглядом и не отводила глаз. Я видела, что она гадает, кто я такая. Неужели полиция расска-

зала ей обо мне?

— Примите мои соболезнования, — повторила я.

— Спасибо, — ответила Амелия.

Она пожала мою руку и задержала ее дольше положенного, пытаясь понять, кем же я приходилась ее брату. Мне стало тревожно. Вдруг она почувствовала мой учащенный пульс?

— Кстати, откуда вы знаете Генри? — спросила она. Наши руки так и двигались вверх-вниз в этом бесконечном рукопожатии.

— Волонтерство, — неопределенно ответила я, выдернула вспотевшую руку и быстро отошла.

Сердце бешено колотилось. Я оглянулась на Амелию. Она неохотно перевела взгляд на следующего человека в очереди. Нет, она не могла покинуть свой пост, так что мне ничто не угрожало. Поискав глазами туалет, я увидела табличку «Женская раздевалка» и тут же нырнула в эту дверь.

К счастью, раздевалка оказалась пуста. Для пришедших попрощаться с Генри были установлены биотуалеты, и я удивилась, что так много людей соблюдают правила — так сказать, проявляют уважение к усопшему. Мне же приспичило, как пекинесу, который целый день просидел

дома взаперти. Я заскочила в одну из кабинок, плюхнулась на унитаз, наконец расслабилась — и громкий пук эхом прокатился по туалету, словно это помещение было построено специально для лучшей акустики моего метеоризма. Я ждала, не засмеется ли кто-нибудь — рефлекс, выработанный еще в школе, — но, кроме тихого капания воды из протекающего крана, не услышала ни звука. Тогда я закрыла глаза и позволила себе полностью расслабиться. На мгновение мне даже показалось, что я сейчас заплачу, но слез не было.

Я услышала шум льющейся в раковину воды и покраснела. Тут есть кто-то еще, и он слышал, как я пукнула. Я ждала, пока этот кто-то уйдет, но он, казалось, нарочно тянул время, мыл руки целых шестьдесят секунд, прямо как серийный убийца. Наконец кран замолк, послышалось шуршание бумажного полотенца. Потом снова наступила тишина. Ушел.

Я осторожно открыла дверь кабинки, подошла к раковине и помыла руки, потратив на это семь секунд. И тут я увидела ее в зеркале: на одной из скамеек в раздевалке сидела Нора. Она подняла голову и поймала мой взгляд. Я быстро опустила глаза, надеясь, что она меня не узнает. Ничего се-

бе, мы с Норой были так близко! Мы были рядом, и она слышала, как я пукнула. Мое лицо снова густо залило краской.

Как была, с мокрыми руками, я пошла к выходу. Теперь, когда Нора находилась всего в нескольких шагах от меня, я и подумать не могла о том, чтобы заговорить с ней. Чтобы просто посмотреть ей в глаза. Я была не готова оказаться лицом к лицу с женщиной, с которой делила сердце и пенис моего бывшего — особенно после того, как в ее присутствии испортила воздух. Я была почти у двери, когда она окликнула меня:

— Лиллиан?

Я замерла. Она знала мое имя. Она знала мое имя и обращалась именно ко мне.

— Лиллиан, я знаю, что это вы.

Я медленно повернулась и теперь уж позволила себе как следует рассмотреть Нору. В жизни она оказалась досадно хорошенькой. Оригинальностью действительно не отличалась, но выглядела неплохо — особенно сейчас, когда ее веки слегка припухли от слез. На ней было скромное черное платье с квадратным вырезом и туфли-лодочки на низком каблуке. Ни один светлый волосок не выбивался из прически, а голубые глаза в жизни казались еще более выразительными, чем на

фотографиях. Она могла бы сыграть какую-нибудь не депрессивную подругу главной героини в сериале по роману Салли Руни[14].

— Мы знакомы? — выдавила я слабым голосом.

Глубоко вздохнув, Нора ответила:

— Мне рассказали о вас в полиции. Наверное, они и вам сообщили обо мне.

Ну разумеется, она ведь тоже была в полиции! Ее — то есть нашего — парня убили. «Мы отрабатываем все версии», — сказала детектив Дженнингс. И один из их приемчиков — выдать давней девушке Генри его недавнюю девушке.

— И я нашла вас в Интернете, когда увидела вашу переписку с Генри, — сказала она.

Она видела нашу переписку? Разве полиции не нужен ордер или, по крайней мере, мое согласие, чтобы показывать мои сообщения другим людям? Это разве законно? Или она сама порылась в телефоне Генри после его смерти? Интересно, как выглядит моя интернет-личность с ее точки зрения? Чувствовала ли она во мне соперницу?

---

[14] Примечания: 14

Салли Руни (р. 1991) — современная ирландская писательница, чьи романы о любви, дружбе и взрослении стали всемирными бестселлерами. Наиболее известен роман «Нормальные люди» (2018 г.), отличающийся глубоким психологизмом.

Читала ли мою биографию на сайте компании, сравнивая свои достижения с моими? Увеличивала ли мои фотографии в «Инстаграме», чтобы рассмотреть, пользуюсь ли я тональным кремом, как это делала я, изучая ее снимки? Я проклинала себя за то, что мало поработала над своим цифровым следом, прежде чем она его увидела.

Надо было удалить из «Инстаграма» все фотографии, сделанные до две тысячи двадцатого года, — тогда я еще не умела краситься и считала, что пирсинг брови — это круто. Мне стало неуютно от мысли, что она видела далеко не лучшую мою версию.

— Вы пришли извиниться передо мной? — спросила Нора.

— Что? — Я инстинктивно отступила на шаг.

Неужели она всерьез полагала, что я пришла сюда просить у нее прощения? Скорее, ей следовало бы извиниться передо мной. Жертва здесь я. Это я вынуждена держаться в тени, горевать в одиночестве. К тому же, скорее всего, именно незримое присутствие Норы испортило мои отношения с Генри. Она была препятствием, которое мы не смогли преодолеть, это из-за нее Генри порвал со мной. Я была обречена с самого начала, где уж мне тягаться с такой девушкой. С

ухоженной блондинкой, отлично вписавшейся в его семью. Мужчины не умеют рвать отношения с такими женщинами, как бы им этого ни хотелось. И она еще ждет от меня извинений за то, что сделал со мной Генри, что они оба со мной сделали! Я ничего ей не должна. Это я потеряла все, более того, я вынуждена молчать о своей потере.

— Извиниться? За что? — выпалила я.

Нора изумленно подняла брови:

— За то, что спали с моим бойфрендом.

— Может, вы забыли, как устроен секс? Для него, вообще-то, нужны двое, — заметила я.

Ее губы вытянулись в тонкую ниточку. Она нахмурилась и глубоко вздохнула:

— Конечно, Генри тоже не безгрешен. Но его я больше не могу ни о чем спросить, и предъявить ему ничего не могу.

— Не знаю, за что мне перед вами извиняться. Я ничего плохого не сделала.

Казалось, Нора сейчас заплачет. Может быть, мне следовало бы предложить ей оливковую ветвь? Сказать, что я сожалею о том неприятном положении, в котором мы обе очутились, что каждая из нас в чем-то виновата, но ни одна из нас не виновата во всем. Но я не стала этого говорить. Она начала ссору. Вот пусть теперь и

расхлебывает.

— Я читала вашу переписку. Я видела фотографии, которые вы ему отправляли. Да, он принимал во всем этом участие, но вы… вы вели себя агрессивно, — сказала Нора.

— Это было взаимно, — раздраженно заявила я.

— Однажды вы написали ему шесть сообщений подряд, и все они остались без ответа.

— Не помню такого, — соврала я.

Разумеется, я помнила. Два месяца назад мы с Джейми употребили грибов, и я решила, что в гиперкоммуникации нет ничего плохого. Я написала Генри, предложила ему потусить где-нибудь, а когда он не ответил, отправила ему статью о глубоководной рыбалке, потом ролик из «ТикТока» об уличном коте, которого подобрали и вылечили, потом фото моих сисек, потом трейлер фильма, который я вовсе не собиралась смотреть, а потом, в порыве отчаяния, сообщение, что моя мама тяжело больна (это была неправда). В конце концов он ответил — написал, что надеется, что маме станет лучше. Теперь, оглядываясь назад, я осознавала, что он, вероятно, в тот момент был с Норой.

— Если он писал, что занят, вы не отставали.

Когда он вам не отвечал, вы отправляли ему свои фотографии топлес, — сказала она.

— То, что вы разглядывали их, — это нарушение приватности. Это незаконно, — ответила я, хотя и не была до конца уверена в том, что это действительно незаконно.

Мне было неловко, что она видела мои сиськи. Судя по всему, в этом смысле она могла бы меня переплюнуть. Но что она знала о моих отношениях с Генри? Я никогда не вела себя, как она выразилась, «агрессивно». Наши отношения были соблазнительной игрой в кошки-мышки. Это было эротично. Так как их связь с Генри давно стала асексуальной и застойной, неудивительно, что она не понимала игр, в которые люди играют, когда их по-настоящему тянет друг к другу.

— Он был в меня влюблен, — сказала я, надеясь этим заткнуть ей рот.

Нору как будто ударили под дых.

— Он вам это сказал? — спросила она.

— Да, — солгала я.

Нора побледнела; казалось, ее вот-вот стошнит.

— Он сказал, что никогда ни к кому не испытывал таких чувств. Что это лучший секс в его жизни. Он сказал, что собирается вас бросить, —

заявила я, решив посыпать соль на рану.

— Вот как… — Кровь совсем отхлынула от ее лица. Отлично. Так она выглядела похуже. — Я… я не предполагала, что он хочет порвать со мной. — Ее лицо в мгновение ока из грустного стало гневным. — Значит, вы все-таки обо мне знали?

Блин!

Я совершила ошибку. Теперь Нора будет думать, что я сознательно и, более того, с удовольствием вклинилась в их отношения. Именно такого впечатления о себе я всеми силами старалась не допустить. Одной-единственной репликой я только что подтвердила все ее худшие подозрения на мой счет — подозрения, которые, по сути, даже не соответствовали реальности.

— В смысле… я была уверена, он уже ушел от вас, — попыталась я отыграть назад.

Я и сама не соображала, что несу. Только изо всех сил старалась запоминать сказанное — на случай, если это всплывет в будущем в суде.

— Он упомянул, что недавно с кем-то расстался. Сказал, что опасается ее, боится, что она не смирится с разрывом. А может, полиции тоже важно это знать? — спросила я, пытаясь напугать Нору.

А что, очень даже возможно, что Генри ее

боялся. Хорошо, что я подняла эту тему. Она определенно вела себя со мной враждебно: она загнала меня в угол в туалете, мы тут одни, мне некому помочь… Кто может поручиться, что она не причинила вреда Генри?

Нора неловко переступила с ноги на ногу:

— Что ты несешь? — воскликнула она. По ее щеке скатилась слеза, она со злостью смахнула ее. — Зачем ты вообще здесь? Зачем ты это делаешь? Ты что, не видишь, что у меня горе, черт бы тебя побрал! — Она говорила все громче и громче.

— У меня тоже горе! — заорала я, сама поражаясь своему крику. — Я имею такое же право быть здесь, как и ты! Как кто угодно! Он меня тоже любил! — рявкнула я.

— Я была с ним почти десять лет! — парировала она.

— И ваши отношения давно прокисли! — выплюнула я ей в лицо.

Адреналин разливался по телу. Было приятно наорать на нее, напомнить ей, что происшедшее травмировало меня не меньше, чем ее. Пусть у нас с Генри не было десяти лет вместе, это не означало, что мне не больно оттого, что он умер. Она уже прожила с ним целую жизнь — мою

оборвали на взлете. Гнев нарастал во мне, делая дыхание прерывистым, как у быка, готовящегося к атаке.

— Он не хотел тебя. Он хотел меня, — твердо заявила я, и эти слова прозвучали убедительно.

Нора схватилась за живот, будто в нее выстрелили. Ах ты, боже мой, какая драма!

Дверь раздевалки распахнулась. Мать и сестра Генри стояли и таращились на нас.

— Нора, что здесь происходит? — спросила мать Генри, сложив руки на груди.

— Это она! Это та сумасшедшая, с которой он мне изменял, — прохрипела Нора.

С рыданиями у нее уже был перебор. Амелия взглянула на меня и, кажется, наконец сложила два и два.

— Нашли место для разборок! — прошипела мать Генри, явно больше беспокоясь о репутации сына, чем о чувствах его бывших подружек. — Вы должны уйти, — сказала она, глядя мне в глаза. — Сейчас же.

— Я имею право здесь быть, — сказала я.

— Уходите, — строго сказала Амелия, — пожалуйста.

— Она ужасна, — прошептала Нора, практически себе под нос. — Я не понимаю, как он…

— Вы должны уйти, — снова сказала мать Генри.

— Он хотел бы, чтобы я была здесь. — Я не желала сдаваться.

— А мы не хотим, — сверкнула на меня глазами Амелия.

Эти слова надолго застрянут в моей душе. Совсем не так я представляла себе встречу с родными Генри. Я видела нас за тихим семейным ужином. Мать шепчет Генри на ухо, что я ей очень нравлюсь, а его сестра шутит, что я слишком хороша для него. Мать Генри — женщина, которая могла бы стать моей свекровью. С которой мы бы в праздники вместе готовили, а потом, пропустив по рюмочке, смотрели «Эту замечательную жизнь», развалившись на диване. Между прочим, она могла бы принять мою сторону, а не сторону Норы. Но поскольку Нора первой заполучила Генри, я раздражала их, как поехавшая петля, от которой их идеальная жизнь разлезлась, подобно старым колготкам. Я их всех ненавидела. Я не позволю этим женщинам заставить меня почувствовать себя ничтожеством.

— Не моя вина, что ваш сын не смог удержать свой член в штанах, — бросила я и легко прошла к двери мимо трех остолбеневших теток.

Мать Генри застыла с разинутым от изумления ртом.

Я наконец разглядела семейное сходство между ней и ее сыном.

Глава восемнадцатая

Гектор был в ярости. Видимо, родственники Генри позвонили в полицию и сообщили о стычке между мной и Норой, а полицейские довели эту информацию до сведения Гектора. Он попросил меня зайти, чтобы обсудить план действий на случай, если меня снова вызовут на допрос после того, как я «повела себя неадекватно». Я не понимала, почему проблемы возникли именно у меня. Это мое право — попрощаться с Генри. В конце концов, у меня горе. И если моя реакция на наезд со стороны подружки Генри (и, возможно, его убийцы) была неидеальной, то мне можно это и простить!

Гектор смотрел на меня как на приютского ребенка, которого только что выгнали из последней приемной семьи, давшей ему шанс. Он даже не пытался скрыть, что разочарован и, вероятно, немного напуган моим поведением.

— Зачем вы пошли туда? — спросил он.

— Чтобы поставить точку.

Подумать только, ему приходится объяснять такие вещи. Он что, идиот?

Неужели это действительно так сложно понять? Где же, в конце концов, простое человеческое сострадание? Наверное, вот так же, как я, чувствуют себя матери детей Ника Кэннона[15]: их постоянно осуждают за то, что они полюбили мужчину слишком любвеобильного для того, чтобы хранить верность одной женщине. Я мысленно отметила, что в будущем мне стоит больше сопереживать шести его пассиям.

— Полиция пока не считает вас подозреваемой, но перепалка с Норой точно не улучшит вашего положения, — сказал он.

— Это она ко мне подошла! — ответила я раздраженно.

— Мать Генри заявила, что вы вели себя совершенно неуместно. Гости за закрытой дверью слышали, как вы обе орали.

— Мой парень умер! Мне есть от чего быть нервной.

— Ага, — вздохнул Гектор. — Что ж, будем придерживаться версии «хотела поставить точку».

— Это не версия, все так и было! — возмутилась я.

---

[15] Примечания: 15

Ник Кэннон (р. 1980) — медийная личность, шоумен, ведущий многих программ на телевидении. Является отцом двенадцати детей от шести женщин.

— Хорошо. Извините. Просто… мы должны както объяснить полиции, почему вы отправились туда, где должна была быть его девушка. Немногие решились бы на такое.

У меня сложилось впечатление, что Гектор не знал женщин, кроме своей жены. Женщины — страшные, мстительные создания. Мы преследуем соперниц онлайн и безжалостны к ним в реальной жизни. Мы бы вырвали бьющееся сердце из груди другой женщины, если бы оно могло придать нам силы. Наша перепалка с Норой была проявлением ненависти, которая способна возникнуть только между двумя женщинами, если обеим нужно одно и то же. И эта ненависть совершенно естественна.

— Кстати, вы рассказали родителям, что происходит в вашей жизни? — спросил Гектор. — Лучше им быть в курсе — на случай, если полиция захочет расширить круг расследования и ознакомиться с вашей биографией.

— Моего отца уже нет на свете, — сказала я.

— Ваш отец умер? — Он снова обеспокоился.

— Да, — ответила я.

— От чего?

Господи Иисусе, он правда решил, что я убила своего отца?

— Сел за руль в пьяном виде. Я была еще маленькая. Правда, мы с ним все равно не общались.

— Хм, — сказал Гектор, переваривая услышанное.

Многие полагали, что отсутствие отца объясняет все, что со мной происходило и происходит. Людям проще представить себе, что у меня непростой характер из-за какой-то глубокой детской травмы, чем принять реальность: я такой родилась. Я обдумывала предложение Гектора рассказать все маме и гадала, как она отреагирует. Уже целую неделю я не отвечала на ее звонки. Слала ей сообщения, чтобы не волновалась, но избегала телефонных звонков. Я знала, что стоит нам заговорить, и я больше не смогу скрывать от нее эту новость. Но теперь я решила последовать совету своего адвоката.

— Я расскажу маме, — сдалась я.

— Хорошо, — сказал Гектор.

Я поднялась и собрала свои вещи. С каждой нашей встречей Гектор терял для меня свою привлекательность. Я напомнила себе, что это к лучшему.

— Вы ходите в церковь? — вдруг спросил Гектор.

— Что? — опешила я.

— Это могло бы пойти вам на пользу.

Итак, теперь еще и прозелитизм! Может, не поздно сменить адвоката? Но нет, я уже дала ему данные кредитной карты Джейми и внесла аванс в фирму «Хименес и сыновья». К тому же Гектор в курсе всех подробностей моего дела. Обратной дороги не было.

— Мне не нужен Иисус, — отрезала я. — Мне нужен адвокат.

Я схватила свою сумку и вылетела из офиса.

* * *

По дороге домой я позвонила маме из автобуса. В глубине души я надеялась, что из-за плохой связи у меня появится повод отложить беседу с ней ненадолго. С другой стороны, наш разговор мог бы сильно развлечь остальных пассажиров. Как они выпучат глаза, когда поймут, что вот эта бедная девушка потеряла своего парня! Это даже приятно — стать темой для беседы незнакомых людей. Я никогда не боялась быть главным действующим лицом в чужой жизни.

Мама ответила сразу. Грустно, что ей больше нечем заняться, кроме как ждать моих звонков. Она все еще работала в том же офисе, что и во времена моего детства, разве что из секретаря за

двадцать лет доросла до офис-менеджера. Благодаря повышению в должности и стажу ее годовая зарплата увеличилась с двадцати пяти до сорока трех тысяч долларов. При мысли об этом мне хотелось пойти и утопиться в реке Чарльз.

— Ну наконец-то! — ответила мама.

— Привет, мам.

— Что случилось? — спросила она автоматически.

— Генри умер.

Девушка, сидевшая напротив, оторвалась от книги и посмотрела на меня, внезапно осознав, что рядом с ней находится интересный человек. Я встретилась с ней взглядом, и она смущенно опустила глаза.

— ОХОСПОДИ! — выдохнула мама; у нее, как всегда в волнующие моменты, прорезался бостонский
акцент. —
ЧТОСЛУЧИЛОСЬДЕТКАТЫВПОРЯДКЕОХОСПОДИ.

— Я в порядке, — сказала я. — А его ударили ножом…

— ОХОСПОДИДЕТКАОХОСПОДИ! — аж захлебнулась она.

Несколько человек в автобусе пожирали меня глазами. Я ответила на их взгляды, придав лицу

выражение: «Да, вот такая у меня дерьмовая жизнь, мой парень мертв».

— Я приеду к тебе сегодня вечером, — заявила мама.

— Нет! Мам, не надо! — взмолилась я.

— Лиллиан, не говори глупостей! — возопила она. — Я тебе сейчас нужна!

Последнее, что мне было нужно, — это мамино присутствие в моей квартире. Элиза уже беспокоилась, не стоит ли нам все-таки сообщить полиции, что в ночь убийства у нее в ушах были беруши. Она настаивала, что это «важная информация», я уверяла ее в обратном. Я сказала ей, что если сообщать полиции каждую микроскопическую деталь, то Элизе стоит также рассказать им, что в день смерти Генри она оставила след от какашки на дне унитаза. Может, им понадобится взять частицы на анализ и подтвердить, что это не фекалии Генри в нашей с ней общей уборной. Это заставило ее заткнуться. Но она была ближе, чем когда-либо, к тому, чтобы дать мне отпор. Я не хотела доводить ее до крайности. Если моя мать приедет, она будет спать на диване, пить вино «Берфут» и снова и снова слушать «Fast Car» Трейси Чепмен, пока Элиза со злости не разрушит мое алиби. И тогда полиция займется

мною всерьез, залезет в мой компьютер и откопает недавно удаленный поисковый запрос «проклятие», я уже не говорю о сомнительном порно, которое я иногда смотрю. А еще они могут выяснить, что я несколько лет не подавала налоговую декларацию. Я не причиняла вреда Генри, но не желала доказывать это, позволив полиции Бостона копаться в моей жизни.

— Я хочу побыть одна, — сказала я. — Джейми мне очень помогает…

— Ну, Джейми в тебя влюблена.

— Мне пришлось пообщаться с полицией, но все в порядке. У меня есть адвокат…

— С полицией! И у тебя есть адвокат?! Ох, дорогая, это не к добру!

Ну, кажется, начался новый виток. Я представила себе искаженное тревогой лицо матери. Вот она обрывает заусенец, засовывает палец в рот, чтобы остановить кровь, прижимает телефон плечом к уху.

— Это адвокат на всякий случай, для подстраховки, — сказала я, пытаясь ее успокоить.

— Дорогая подстраховка! — не унималась она.

— Он помогает мне бесплатно, — солгала я. — У него есть дочь. Он сказал, что я ему ее напоминаю.

— О-о-о! — Мама оживилась. — А он не женат?

Я так и не поняла, приметила ли она его для себя или для меня. Но поняла, что нужно скорее заканчивать разговор. Я еще раз десять пообещала ей, что все будет хорошо и что я буду держать ее в курсе. Через тридцать секунд после того, как мы попрощались, она написала мне:

> Я ВСЕГДА РЯДОМ И ВСЕГДА БУДУ РЯДОМ.
>
> ВСЕ ОБРАЗУЕТСЯ.
>
> Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.
>
> ТЫ УВЕРЕНА, ЧТО НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я ПРИЕХАЛА?
>
> ТОЛЬКО ЧТО УВИДЕЛА СТАТЬЮ.
>
> ЧЕТЫРЕ УДАРА НОЖОМ!
>
> ОХ!
>
> ☹ КАК ГРУСТНО

Я засунула телефон в сумку. Автобус резко остановился, я сообразила, что мне выходить, и встала. За все это время девушка напротив не перевернула ни одной страницы.

Глава девятнадцатая

Когда я вернулась домой, Элиза была на работе. Я решила еще немного поохотиться на Нору в сети. Искать ее пришлось в режиме инкогнито — теперь, когда над моей жизнью, как грозовая туча, нависло внимание полиции, я стала осторожнее. Я налила бокал вина до краев, чтобы не вставать за добавкой, и устроилась на диване.

После прощания с Генри Нора заблокировала меня в «Инстаграме». Сначала меня это задело. Затем обида переродилась в гнев — она отняла у меня возможность заблокировать ее первой! Норе повезло, что я не настоящая сталкерша, потому что ей не хватило смекалки, чтобы ускользнуть от моего взора в сети. У нее был открытый аккаунт, и наверняка после нашей встречи Нора задумалась, не сделать ли его закрытым, но я знала, что она ни за что не упустит шанс привлечь новых подписчиков смертью своего парня.

Чтобы незаметно следить за Норой, спрятавшись в тень, я создала фейковый аккаунт под именем goblingirlxo, со Смеаголом из «Властелина Колец» на аватарке. Поздно ночью я спохвати-

лась, что все еще наблюдаю за Норой. Интересно, следит ли за ней полиция так же зорко, как я?

После смерти Генри число подписчиков Норы выросло с семисот до почти шести тысяч. Ей по-прежнему было далеко до того, чтобы стать микроинфлюенсером и получить контракт с компанией «Хеллоу фреш», но она шла к этому. Иногда я мастурбировала, глядя на ее фотографии, — не потому, что она мне нравилась. Мне просто хотелось попробовать, каково это, и оказалось, что довольно приятно.

За прошлую неделю я успела выяснить, что Нора не только организует мероприятия и подписана на тридцать четыре аккаунта с голдендудлями, но и является начинающей писательницей. В разделе «Актуальное» у нее были закреплены сторис под общим названием «Слова», куда она сохраняла свои дерьмовые стишки и куцые рассказики.

Я не проверяла «Инстаграм» Норы с тех пор, как утром ушла в офис Гектора, но предполагала, что вернусь и увижу там примерно тот же контент: уже неактуальные новости об убийстве Генри, многословные посты о том, как долго они были вместе, фотографии чашки дымящегося чая с подписью: «Забота о себе», цитаты о мученичестве,

которые, как она полагала, имеют какое-то отношение к тому, что она теперь переживает, — одна из цитат, разумеется, будет из Майи Анджелу[16].

Но, открыв ее профиль, я увидела новый пост. Это был скриншот статьи из «Тин Вог». Заголовок гласил:

> **Мой парень умер… Потом я узнала, что он изменял мне.**

У меня внутри все упало, да так стремительно, что я испугалась, не вывалится ли оно из меня через задний проход, вынося с собой на волю волшебный школьный автобус, полный детей[17]. Текст начинался так:

> Я долго размышляла, стоит ли писать это. Но иногда единственный способ разобраться со своими переживаниями – это выплеснуть их наружу, на всеобщее обозрение. Заранее благодарю за вашу

---

[16] Примечания: 16

Майя Анджелу (1928–2014) — одна из самых значимых американских писательниц, поэтесс и активисток движения за гражданские права.

[17] Примечания: 17

Имеется в виду познавательный мультфильм «Волшебный школьный автобус», герои которого отправляются в разные захватывающие экспедиции в космос, на дно океана и в том числе внутрь человеческого тела.

доброту и сочувствие.

Я перешла по ссылке.

Опубликовано 18 февраля 2025 г.

Мой парень умер… Потом я узнала, что он изменял мне.

Автор: Нора МакКормик

Мы с Генри познакомились на первом курсе в Университете Брауна. Он изучал экономику, а я – коммуникации и медиа. У нас были общие друзья в общежитии, и однажды вечером мы оказались в одной компании. Мне понравились его взъерошенные волосы и то, что он читал книги для удовольствия. А ему – что я играла в «Марио карт» и почти не красилась. Когда он протянул мне пиво, у меня вдруг возникло ощущение, что я принимаю этот пластиковый стаканчик от своего будущего мужа. Казалось, это судьба. Более того, счастливая судьба. Позже тем же вечером, после лишней банки «Миллер лайт», мы впервые поцеловались. И с тех пор целовались не переставая.

Две недели назад я узнала, что Генри,

моего парня, с которым мы были вместе почти десять лет, хладнокровно зарезали у бара в Сомервилле, штат Массачусетс. Если вы из Бостона, то, наверное, видели это в новостях. Убийца до сих пор не найден, и каждый день я жду звонка из полиции в надежде на справедливость. Я не вставала с постели почти три дня после того, как узнала, что он, мужчина моей жизни, умер. Мы жили в одной квартире, и каждая вещь в нашем доме до сих пор кричит: «Генри!» Там до сих пор сохранился его запах. В ванной висит полотенце, которым он пользовался. Оно все еще немного влажное.

Я в отчаянии оттого, что Генри ушел от нас слишком рано. Каждый день я скорблю вместе с его семьей и друзьями об этой невыносимой утрате. Я лишилась своей второй половинки. За этого человека я мечтала выйти замуж, родить ему детей. Именно с ним мне хотелось поговорить после тяжелого дня, именно он поддерживал меня, когда в прошлом году умерла моя бабушка, с которой мы были очень близки. Мы с Генри даже планиро-

вали завести голдендудля и назвать его Наггет. Нам казалось, что впереди у нас долгая жизнь.

Но выяснилось, что я не все знала о своем бойфренде.

Во время расследования убийства Генри полиция сообщила мне, что последние четыре месяца своей жизни он встречался с другой женщиной. Когда я узнала об этом, он умер для меня во второй раз. Я буду называть женщину, с которой встречался Генри, Джейн. В действительности ее зовут не так, но я не хочу раскрывать ее личность.

В прошлом году я начала работать ивент-менеджером в небольшой бостонской компании. Я всегда была писателем в душе, но на жизнь зарабатываю организацией мероприятий. По большей части мне это нравится. Это трудное, но благодарное дело. В месяц я совершаю от двух до трех поездок по стране и обычно работаю допоздна как минимум три раза в неделю. Я люблю своих клиентов и свою компанию, но нам с Генри было тяжело находиться так долго порознь. Я

думала, что мы справляемся с разлукой с помощью частых сообщений и звонков по «Фейстайму», а также изредка отправляя друг другу ролики из «ТикТока». Но оказалось, что, пока я налаживала отношения с коллегами и клиентами, Генри налаживал их с кем-то другим.

Когда полиция показала мне переписку Генри и Джейн, я чуть не упала в обморок. Я не могла поверить, что человек, с которым мы провели вместе десять лет, мой милый Генри, способен на такое. И женщина, которую он выбрал, тоже меня удивила. Она была полной моей противоположностью. Я феминистка, поэтому не буду тратить время на описание всех наших физических различий; как говорит наша королева Тейлор Свифт: «Я отказываюсь натравливать женщин друг на друга». Все, что вам нужно знать, – эта женщина совсем не похожа на меня.

Поначалу я не хотела винить Джейн в неверности моего парня. В конце концов, она могла не знать о том, что я вообще существую. Но после смерти Генри я прочитала переписку в его телефоне и увидела,

что ее сообщения к Генри были не только вызывающими, но и крайне агрессивными. Я никоим образом не оправдываю поведение Генри, а лишь констатирую, что любому мужчине было бы трудно не откликнуться на такие авансы. На самом деле Генри многократно пытался вежливо отвадить Джейн, но она настаивала на встречах. Повторюсь, я не хочу возлагать вину исключительно на Джейн. Как говорится, для танго нужны двое. Я даже была готова простить Джейн.

Пока она не появилась на прощании с Генри.

И это вы могли видеть в новостях: мы провожали Генри в последний путь на его любимой хоккейной площадке. Это было особенное место, знаковое для нас как для пары. Я бесчисленное количество раз сидела на трибунах, болея за его хоккейную команду, и выпила здесь столько горячего шоколада, что от одной мысли об этом у меня начинает болеть живот.

Мы с Джейн столкнулись в туалете. Опять же, не хочу показаться злобной, но я заметила, что в туалете есть кто-то

еще, когда услышала, как кто-то громко пукнул. Ничего страшного! Все пукают! В этом Джейн не виновата. Джейн вышла из кабинки. Не успев опомниться, я поздоровалась. Наверное, мне хотелось поговорить с этой женщиной и попытаться понять, что нашел в ней мужчина, которого я так сильно любила. Можете считать меня сумасшедшей, но я должна была с ней поговорить! Я старалась быть вежливой, правда старалась! Но то, что произошло, с того дня не выходит у меня из головы. В конечном счете, именно это и побудило меня написать то, что вы сейчас читаете.

Джейн ни капли не было стыдно за то, что Генри изменил мне с ней. Она вела себя грубо и наговорила мне таких ужасных вещей – у меня до сих пор слезы на глаза наворачиваются, стоит вспомнить. Она утверждала, что Генри меня не любил, и не стала скрывать, что знала обо мне с самого начала. Стало совершенно ясно, что Джейн пришла с одной-единственной целью: сделать мне больно. И, спойлер: у нее это получилось!

Разговор закончился крайне напряженной перепалкой, которую прекратили мать и сестра Генри, когда обнаружили, что Джейн буквально загнала меня в угол и яростно кричит на меня. После я много думала и поняла, что против некоторых вещей бессильна: я не могу предъявить Генри обвинение в том, что он обесценил наши отношения, не могу изменить то, что произошло между ним и Джейн. Но какой я человек – это зависит только от меня. Я твердо верю, что в этом мире есть два типа женщин: одни поддерживают друг друга, а другие уничтожают себе подобных. Джейн – из тех, кто стремится уничтожить других женщин. И в тот день ей это удалось. Она победила.

Посоветовавшись с психотерапевтом, я решила больше не молчать о своей истории, а сделать то, что всегда приносит мне облегчение, когда уже ничего не помогает: написать об этом. Женщины, которым изменили: я с вами. Женщины, которые потеряли своих любимых: я с вами. Женщины, которые потеряли любимых, которые им изменяли: я с вами!

Это нормально – испытывать сложные, противоречивые чувства. Это нормально – любить ушедшего партнера и в то же время ворочаться ночами без сна, не понимая, как он мог так с тобой поступить. Может быть, нас утешит мысль, что мы не одиноки. Может быть, мы сможем опереться друг на друга, поддержать друг друга. Может быть, мы сможем встретить ту доброту и сострадание, которые мне так хотелось получить от Джейн в тот день. Я надеюсь, что эта статья поддержит тех, кто прошел через подобное.

Давайте будем такими, как Тейлор Свифт, в мире, где много таких, как Джейн.

Глава двадцатая

Меня корежило от ярости. Как она посмела опубликовать это обо мне? Слабым утешением служило то, что писателем Нора была дерьмовым. Ее опус читался как проза шестнадцатилетней девчонки с «Ваттпада», что-то вроде диссертации о том, почему Джейкобу и Эдварду стоит бросить Беллу и заняться сексом друг с другом. Я вернулась на страницу Норы в «Инстаграме», чтобы почитать комментарии, которые, надо сказать, сыпались с пугающей скоростью. Десятки людей не только прочитали текст, но и были готовы поделиться своим мнением. Многие хвалили Нору за храбрость и стойкость, другие просто оставляли эмодзи с сердечками. Один мужчина сказал, что писать о Генри так скоро после его смерти — дурной тон, что это несправедливо, потому что Генри теперь не может защитить себя. Меня порадовало, что в Интернете осталось хотя бы несколько здравомыслящих людей.

Я встала, взяла со стола бутылку вина, которую планировала растянуть на всю ночь, вернулась с ней на диван, глотнула из горлышка, а остаток

вылила в свой бокал. Из своего секретного аккаунта я прокомментировала пост Норы:

Что за фигню она написала!
(Отправить)
Это она его и убила! Еще кто-нибудь так думает?
(Отправить)
Ммм… Чую мотив!
(Отправить)
Справедливости для Джейн! Хочу услышать ее версию!
(Отправить)
Какая пошлость…
(Отправить)

Я вся чесалась от злости, не находящей себе выхода. Мне нужно было что-то сделать, чтобы это исправить! Мне хотелось наорать на Нору. Возможно, вырвать ей зуб без анестезии, как в фильмах про мафию. Мне хотелось добиться увольнения редактора «Тин Вог», заказавшего эту паршивую статью. Я стала обдумывать это. Какой самый быстрый способ добиться «отмены» человека? Решила, что позже изучу твиты редактора на предмет сомнительных высказываний, и вернулась к комментариям. Я обновляла стра-

ницу снова и снова — ждала, что кто-нибудь из пользователей поддержит позицию goblingirlxo. Но не дождалась.

Тогда я вернулась в «Тин Вог». Не помешало бы оставить и там несколько комментариев. В конце концов, «Тин Вог» — детище престижного бренда. Им следовало бы более ответственно подходить к тому, что они публикуют. Интернет — бездонная информационная яма. Кто-нибудь догадается, что речь в этом тексте идет обо мне, это лишь вопрос времени.

Фактически это была клевета. Я написала у себя в заметках: спросить у Гектора, могу ли я подать на Нору в суд за диффамацию. Не важно, что она не назвала никаких моих примет. Позиционируя себя как Тейлор Свифт, а меня как враждебную ей Джейн, она могла легко настроить против меня темные массы. Свифтис могут сделать все, что угодно, если сильно захотят: обрушить фондовый рынок, решить проблему изменения климата, убедить весь мир, что Гарри Стайлс последние десять лет носит парик. Я не хотела бы оказаться в числе их врагов.

Я прокрутила до комментариев.

Кто только это редактировал?

(Отправить)

Как вообще это можно публиковать?

(Отправить)

Его тело еще даже не остыло. Я была лучшего мнения о «Тин Вог».

(Отправить)

Больше не буду финансово поддерживать «Тин Вог».

(Отправить)

Честно говоря, я ни разу не жертвовала деньги «Тин Вог», да и какому бы то ни было изданию в принципе. Я никогда в жизни не занималась благотворительностью, если не считать того, что однажды отдала бездомному остатки ливанской еды. Но я знала, что заставить компанию забеспокоиться может только финансовая угроза. Ни у одной корпорации нет моральных принципов. «Глоссье» продавал бы ручные гранаты пастельно-розового цвета, если бы клиенты проявили к ним интерес. Я вернулась к началу статьи. Под заголовком висела фотография мужчины, лежащего в постели между двумя женщинами. На лице мужчины красовалось эмодзи черепа. Генри перевернулся бы в гробу, если бы увидел это. «Вот эту сучку ты предпочел мне», — сказала

я его призраку.

Мой телефон завибрировал. Это была Джейми. Видимо, прочитала статью. Она же помешана на мне и не нашла ничего лучшего, чем пристально следить за ситуацией. Сначала я хотела проигнорировать ее звонок, но потом поняла, что мне нужно с кем-нибудь поговорить.

— Алло? — ответила я.

— Ты видела? — спросила Джейми.

Я была благодарна ей хотя бы за то, что она сразу честно задала вопрос. Сейчас у меня не хватило бы душевных сил разыгрывать с ней дешевую мелодраму.

— Только что прочитала.

— Ты в порядке?

— А ты как думаешь? — холодно огрызнулась я.

Не знаю, почему я всегда так гадко вела себя с Джейми. Она слишком легко позволяла мне быть грубой и слишком быстро прощала мне грубость. Я понимала, что должна быть благодарна ей за дружбу. Остальные мои друзья отвечали на сообщения не так уж регулярно и редко баловали меня личными встречами. У меня была подруга по йоге Алекса, но я и видела ее только на занятиях, к тому же она работала инструктором. Еще

было несколько школьных подруг: Дженна, Сара и Кортни, но все три в прошлом году вышли замуж, и ни одна из них не удосужилась пригласить меня на свадьбу. Теперь они все, словно какой-то гетеросексуальный культ, разом забеременели. Джейми, пожалуй, была моим единственным настоящим другом, если не считать маму, и я это ценила. Но в последнее время в голосе Джейми все чаще слышался намек на осуждение, и поэтому было практически невозможно не сорваться на нее.

— Хочешь, я приеду? — спросила Джейми.

Сидит, наверное, одна, уставившись в телефон, и, как слишком услужливый джинн, ждет, когда я позову ее. Я задумалась, хочу ли сейчас ее общества. Было бы неплохо выпить с кем-нибудь. Пить в одиночку — верный признак настоящего алкоголизма, а я не хотела быть настоящей алкоголичкой. Нет, я пью только за компанию.

Когда возраст подбирается к тридцати, беспробудно пить и страдать от похмелья в среду уже не кажется забавным. Пьянство выглядит скорее как попытка заглушить что-то более серьезное. Элиза должна была вернуться лишь через пару часов, да и проводить с ней время — все равно что тусить с вареной лапшой: никакой обратной

связи.

— Ага, приезжай, — сказала я Джейми.

* * *

У Джейми дома давно пылилась бутылка дешевой водки, ее она и принесла. Она сказала, что хотела купить нам вина, но экономит, чтобы платить за адвоката. При этом она выразительно посмотрела на меня, видимо, ожидая, что я скажу: «Я тебе верну», но скорее у Рианны выйдет новый альбом, чем я отдам Джейми хоть пенни. Я начала воспринимать услуги адвоката как нечто бесплатное, раз они не оплачивались из моего кармана. Какое это облегчение — избежать хотя бы финансового бремени в дополнение к эмоциональным тяготам от потери близкого человека! Переписка с Гектором стала неотъемлемой частью моей повседневной жизни. Я даже начала слать ему мемы по ночам, не особенно заботясь о том, что все эти сообщения могут спрессоваться в один большой оплачиваемый час. Он не отвечал, но иногда реагировал на сообщение большим пальцем вверх, и я воспринимала это как маленькую победу.

Мы с Джейми быстро прикончили водку, пока я перечисляла все физические недостатки Норы

и делилась своими крепнущими подозрениями, что именно она убила Генри. Джейми кивала и говорила «ага» или «вот именно» в нужные моменты, но все это было неискренне. Я это чувствовала. Примерно через час едких замечаний в адрес Норы и размышлений о том, узнают ли меня в «Джейн», я начала выдыхаться и, чтобы отвлечься, включила «Королевские гонки РуПола». По реакции Джейми я поняла, что мои комментарии к статье Норы балансируют на грани между забавными и такими, за которые женщин называют антифеминистками. Сегодня мне не хотелось слушать нотации.

После одной серии «Королевских гонок» я поняла, что изрядно пьяна. Я ведь уже выпила бутылку вина до прихода Джейми, и теперь погружалась в диван, как в ванну, и полностью расслаблялась. Не знаю, от опьянения или от одиночества, но с каждой минутой шоу я придвигалась все ближе к Джейми. Я не заглядывала в приложения для знакомств с тех пор, как умер Генри. Мне казалось непорядочным искать секса чуть ли не сразу после того, как твой парень раньше положенного сыграл в ящик.

Но мне так хотелось ласки. От физических прикосновений вырабатывается окситоцин,

полезный для тела и мозга. Я попыталась вспомнить, когда в последний раз до меня кто-то дотрагивался. Иногда мне пожимали руку: одно рукопожатие с Гектором, два — с родственниками Генри. Иногда в переполненном метро я ловила себя на том, что задевала плечом кого-нибудь, от кого приятно пахло. Но после Генри никто ко мне не прикасался по-настоящему. Да и наша с ним последняя ночь вместе была далеко не идеальной. Наутро мне хотелось прополоскать рот.

Я посмотрела на Джейми. Она общалась и со мной, и с телевизором, вернее, бормотала какие-то фразы, которые даже не старалась договорить до конца. Для женщины, не умеющей наносить макияж, у нее было слишком много замечаний насчет бровей дрэг-квин. Стоило Джейми чем-то увлечься, как она становилась довольно привлекательной. Я понимала, что она многим нравится. На улице и в пабах на нее заглядывались и мужчины и женщины. В колледже девушка по имени Рэйчел была без ума от Джейми, все звала ее в университетскую команду по кикболу и предлагала участвовать в разных гей-мероприятиях. Джейми и Рэйчел тогда очень сблизились. Когда мы с Джейми разговаривали, Рэйчел постоянно вертелась поблизости, словно агент МИ-6.

Джейми была слишком наивна, чтобы заметить нездоровое увлечение Рэйчел. Чтобы защитить Джейми, я сказала ей, что гадалка предостерегала меня от общения с лживой и коварной женщиной по имени Рэйчел. Конечно, никакая гадалка ни от чего меня не предостерегала, но Джейми всегда была суеверной, поэтому перестала видеться с Рэйчел, а я вернула свою подругу. Судя по «Фейсбуку», Рэйчел стала активной фанаткой «Диснея», так что мой «родительский» инстинкт в конечном счете оказал Джейми большую услугу.

Мы с Джейми уже однажды целовались в колледже. На студенческой вечеринке, в настоящем аду: в подвале где-то в Оллстоне, штат Массачусетс. Я тогда пыталась привлечь внимание парня по имени Сэм Френкель. Он мне нравился, а его, как мне было известно, привлекали квир-женщины. Я понимала, что использовать подругу, чтобы привлечь *любителя* квир-девушек, неправильно, но мне очень хотелось переспать с Сэмом, поэтому я была готова на все, лишь бы он обратил на меня внимание. Я поцеловала Джейми, слегка прикрыв глаза, чтобы видеть, смотрит ли на нас Сэм. Сам поцелуй не запомнился мне, разве только то, что он получился каким-то неловким, но Сэм все-таки меня заметил. Когда мы с Джейми

отстранились друг от друга, на ее лице сияла широкая улыбка. Пятнадцать минут спустя я бросила ее и занялась сексом с Сэмом в пустой спальне наверху. Не помню, почему у нас не сложилось с Сэмом. Кажется, он в итоге увлекся лесбиянкой, которая возглавляла альянс геев и натуралов в кампусе. Джейми периодически вспоминала наш поцелуй, как будто он был доказательством того, что мы действительно когда-то учились в универе. Что касается меня, до сегодняшнего вечера мне и в голову не приходило снова ее поцеловать. Я мысленно составила список всех за и против.

За:

• Она хорошо выглядит в свете телевизора.

• Мне скучно.

• Это отвлечет меня от неприятных мыслей.

• Ко мне давно (относительно) никто не прикасался.

• Она просто без ума от меня.

• Это ее осчастливит.

• Она чистоплотна.

• Она, вероятно, недавно чистила зубы.

• Возможно, со времен колледжа она научилась целоваться.

• Возможно, она хорошо дает.

Против:

• Она влюблена в меня.

• Она единственная, условно говоря, подруга, которая у меня осталась.

• Она слишком простодушная.

• У нее нет чувства юмора.

• Мне не нравятся ее пальцы на ногах.

• Мне не нравится, как она жует.

• Она может внезапно расплакаться при мысли о Стиве Ирвине.

• Она всегда готова поговорить о политике.

• Все-таки у нее странное лицо.

• Я вовсе не хочу видеть ее вагину.

И все же причины поцеловать Джейми оказались гораздо весомее причин не целовать ее. Это ненадолго отвлекло бы меня от текущих проблем, а ее, скорее всего, смутило бы. Но могло так случиться, что это доставило бы удовольствие нам обеим. Интересно, станет ли она ждать какого-нибудь романтического признания после поцелуя или легко забудет его? Мне было почти тридцать. Я знала, что пора уже учитывать последствия своих поступков, но с возрастом чувство ответственности у меня не обострилось. Я лишь острее осознавала, что должна бы испытывать стыд. Мое состояние напоминало ощущения Декстера Мор-

гана: я принимала решения, которые в конечном счете были правильными, но это невозможно было объяснить окружающим. Правда, в отличие от Декстера, я не была убийцей.

Между тем, РуПол перешел к судейству. Мишель Визаж, член жюри, разносила в пух и прах одну из девушек за то, что та вышла на подиум в трико и колготках. Сколько еще раз Мишель придется повторять этот урок, прежде чем дрэг-квин наконец усвоят его? Джейми с энтузиазмом кивала, соглашаясь с критикой, это на мгновение вызвало у меня раздражение, но я отмахнулась от этого чувства. Я плеснула себе еще водки, для порядка добавив немного содовой «Лакруа», сделала глоток, потом наклонилась к Джейми и обхватила ее лицо руками. Она была потрясена, как ребенок, которому только что сказали, что ему прямо сейчас нужно удалить зуб. Я проигнорировала ее испуг и поцеловала ее. Джейми на мгновение замерла, а потом медленно приоткрыла рот и позволила моему языку проникнуть внутрь. Мой язык блуждал по ее рту, словно Николас Кейдж в поисках Декларации независимости[18]. Она, Декларация, должна была разжечь

[18] Примечания: 18
Из фильма «Сокровище нации» (2004).

искру между нами, но найти ее оказалось невероятно сложно. После минуты бессмысленного пускания слюней Джейми отстранилась.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Разве не понятно?

— Понятно, но… зачем ты это делаешь?

— Я подумала, что это может быть приятно.

— Я тебе нравлюсь?

— Конечно.

— Я не знала, что нравлюсь тебе… ну, то есть в этом смысле нравлюсь.

Ей бы замолчать, пока все не испортила.

— Да, ты мне нравишься, — успокоила ее я. — Ты такая милая.

Мне показалось, что Джейми составляет свой собственный список за и против.

Она открыла рот, будто собиралась еще о чем-то спросить, но тут же закрыла его. Она снова взглянула на телевизор, где РуПол уже собирался объявить победительницу, потом снова посмотрела на меня.

— Да ничего страшного, — заверила я ее.

Джейми не очень-то легко вступала в интимные отношения. Возможно, она была демисексуалкой, если, конечно, это не очередной термин, который придумало мое поколение, чтобы чувствовать

себя особенными. Насколько я понимаю, демисексуальность подразумевает, что тебе важнее интеллектуальная и эмоциональная связь с человеком, чем его физическая привлекательность. Мне говорили, что у меня невероятно интересный склад ума, так что ее влечение ко мне вполне объяснимо, если она демисексуалка. Джейми снова открыла и тут же закрыла рот. Я наклонилась к ней, как торговка на блошином рынке, типа: «Ну что, берешь или нет? Больше предлагать не буду». В конце концов Джейми подалась ко мне и наши губы соприкоснулись.

Теперь, когда мы обе вкладывались в поцелуй, дело пошло лучше. До сих пор я подозревала, что Джейми девственница, но целовалась она вовсе не как невинная девушка. Ее поцелуи были неторопливые и ритмичные. Романтично, конечно, но не слишком сексуально. Я положила руку ей на шею и притянула ее ближе. Я собиралась только поцеловать Джейми, но теперь желала большего. Было бы неплохо рассмотреть получше ее тело. Новый сексуальный опыт сейчас не помешал бы мне — паршиво сознавать, что последнего, с кем ты занималась любовью, уже нет в живых.

— Может, пойдем в твою комнату? — нерешительно предложила Джейми.

Перемена места могла все испортить. Не стоило давать себе время задуматься о том, что, собственно, происходит.

— Здесь нормально, — наконец ответила я.

Я вовсе не была в этом уверена, особенно если сейчас придет Элиза, но не хотела помнить о ее существовании и рисковать потерять ту скудную влагу, которую мне принес этот поцелуй. Я забралась под рубашку Джейми и с удивлением нащупала там спортивный бюстгальтер. Просунув руку под тугую резинку, я поняла, что у Джейми великолепная грудь. Я через голову стянула с нее рубашку и, продолжая целовать ее губы, отвела ее руки, когда она инстинктивно прикрыла свой голый живот. Джейми ответила на поцелуй с таким пылом, что я окончательно убедилась: она от меня без ума. Ее голова энергично двигалась, но руки были крепко прижаты к бокам, словно она боялась, что если переусердствует, я откажусь от этой затеи. Я взяла ее руки и положила себе на талию, и она благодарно сжала меня в объятиях.

Я не заметила прихода Элизы, пока Джейми резко не отстранилась и не начала лихорадочно натягивать рубашку. Элиза стояла на пороге, уставившись на нас. Может быть, ей нравилось

то, что она видела? Ладно, пусть спрячет это в свою копилку — пригодится при мастурбации. Элиза преувеличенно глубоко вздохнула, и я поняла, что она недовольна происходящим. Может, она гомофобка? Мы с ней никогда не говорили о квир-людях, но одевалась она как замужняя женщина из традиционной семьи, так что я находила это возможным.

— Я скоро съеду, — сказала Элиза.

— Что? — изумленно спросила я. — Из-за этого?

— Нет. Я уже давно планировала съехать.

Она бросила сумку на пол.

— Почему? — спросила я.

— Мне все это очень не нравится… вся эта история с твоим парнем. И ты совершенно не уважаешь мои границы. Мой психотерапевт считает, что ты нарциссическая личность, — сказала она, свалив все в одну кучу.

Господи Иисусе, теперь все ходят на терапию?

— Ты гомофобка?

Элиза смутилась и мгновенно покраснела. Джейми, казалось, тоже удивилась моему вопросу.

— Что? Нет. — После небольшой паузы Элиза спросила: — Ты лесбиянка?

— Я бисексуальна, — ответила я.

Раньше я никогда не утруждала себя тем, чтобы публично заявлять о своей сексуальной ориентации, но сейчас это было как нельзя кстати, и, в конце концов, этот момент был не хуже любого другого.

— И это очень гадко с твоей стороны — обвинять меня… — продолжала я.

— Ты занимаешься сексом в нашей общей гостиной! — воскликнула она.

— Мы просто целовались, — спокойно сказала Джейми.

— Я плачу за этот и следующий месяцы, потом съезжаю, — заявила Элиза.

Я забеспокоилась: что, если теперь, когда у Элизы есть повод свинтить, она возьмет и откажется от своих показаний в полиции и расскажет про дурацкие беруши? Нужно быть с ней повежливее и разойтись мирно, умаслить ее, чтобы она не подставила меня со злости.

— Если ты так решила, что ж, я уважаю твое решение, — сказала я. — Мне, конечно, будет тебя недоставать… но уважаю. — Элиза и Джейми даже не старались скрыть, что удивлены такой моей реакцией.

— Что? — спросила Элиза. — Правда?

— Я желаю тебе счастья, — добавила я, изо всех сил стараясь, чтобы это прозвучало искренне.

— О… Ну, спасибо, Лиллиан. — Больше она не нашлась что ответить.

На самом деле мне было плевать на счастье Элизы, но мне нужно было, чтобы она выполняла команды, как послушная собака. Элиза смотрела на меня с недоверием, как будто подозревала, что ее заманивают в ловушку. Она сложила руки на груди, потом опустила их; в общем, растерялась и, возможно, уже пожалела о своем импульсивном решении. Мы платили две тысячи сто долларов за двухкомнатную квартиру в Мишн-Хилл с двумя ванными комнатами, деревянными полами и естественным освещением. Наш дом был в нескольких минутах ходьбы от Зеленой линии и нескольких ресторанов. До моего переезда Элиза жила в этой квартире целый год, и за последние три года наш арендодатель поднимал арендную плату редко и незначительно. Она больше никогда не найдет таких выгодных условий — и такой соседки, как я.

— Обсудим детали позже… Переоформим Интернет на тебя… — сказала Элиза, отступая к двери в свою комнату.

От мысли о том, что придется создавать новые

пароли с обязательными заглавными буквами, специальными символами и частичкой моей души, мне захотелось выцарапать Элизе глаза. Я подавила в себе этот порыв, вежливо улыбнулась ей и ответила:

— Хорошо. Разберемся.

Может, Джейми поможет мне с этими компьютерными заморочками. Постояв немного в нерешительности, Элиза извинилась, что помешала нам, и удалилась в свою спальню. Когда она ушла, Джейми с облегчением выдохнула.

— Черт. Прости, — сказала она. — Это было просто безумие какое-то.

Я пожала плечами:

— Ничего. Я ее ненавижу. Без нее будет только лучше.

— Хочешь, пойдем в спальню? — спросила Джейми с надеждой.

Она пожирала меня глазами, будто я была капитаном команды на физкультуре, в которую она отчаянно хотела попасть.

— Я устала, — сказала я и плюхнулась на диван.

Момент был упущен. И вероятно, навсегда.

Глава двадцать первая

Я не появлялась в офисе уже две недели, и, если не считать шквала подарочных сертификатов и посылок в начале моего отпуска, не получала от коллег никаких вестей. Периодически я сообщала Кэндис, что пока не готова выйти на работу, что мне нужно еще некоторое время. Она всегда отвечала одинаково:

Конечно, сколько нужно!

У меня не было ни малейшего желания возвращаться в офис, но все сроки, отпущенные сотруднику на скорбь в связи с утратой, вышли, и теперь, когда Элиза собиралась съехать, я не могла позволить себе тратить свои сбережения. Гектор согласился, что возвращение на работу — хорошая идея. Он сказал, что мне будет полезно «побыть среди людей», пока полиция продолжает расследование. У меня возникло ощущение, что он и вправду считает меня убийцей, которой нужно вечно быть на людях — обеспечивать себя надежными алиби. Я написала Кэндис, что выхожу на работу. Она ответила почти мгновенно:

Уже? Ладно. Поговорим, когда ты придешь.

Наверное, она подумала, что я возвращаюсь слишком рано. И она была права. Если бы в мире существовала справедливость, у меня было бы несколько месяцев, чтобы как следует оплакать Генри. Почему бы компании не сделать отпуск по случаю утраты близкого человека сопоставимым по длительности с декретным отпуском? Почему, собственно, на рождение дается больше оплачиваемого времени, чем на смерть? Я представила, как Кэндис суетливо покупает цветы и шоколад в ожидании моего возвращения. Может, она выдаст мне материальную помощь на посещение психотерапевта или подарочный сертификат в спа-салон, чтобы я могла сосредоточиться на уходе за собой? В первый день я пришла на работу в черном. Я читала, что у гречанок принято целый год после смерти мужа носить черное. А некоторые так чтят традиции, что носят черное до конца жизни. Большая часть моего гардероба и так состояла из черной одежды, к тому же этот цвет стройнит, так что я была не прочь перенять греческий обычай.

Войдя в офис, я проследовала к своему столу,

опустив голову и сделав угрюмое лицо. Насколько печальной мне следует выглядеть, я точно не знала. Конечно, смерть Генри меня расстроила, но я не чувствовала, что скорбь проникла в каждую клеточку моего организма, как это, возможно, бывает у других людей. Если начистоту, то иногда я и вовсе забывала, что он умер, мне казалось, что я просто в отпуске от своей настоящей жизни. Я понимала, что это, вероятно, своего рода реакция на травму — защитный механизм, который выработал мой мозг, чтобы блокировать сложные эмоции, с которыми мне приходилось справляться. Возможно, горе перестроило мой мозг, проложив такие нейронные пути, которые обходили грусть стороной.

Пробираясь к своему столу, я слабым голосом поздоровалась с несколькими коллегами. Некоторые ответили, а одна — Маргарет — отвернулась к монитору, словно не слышала меня. Чего они себя так странно ведут? И почему никто не бросился помочь мне снять пальто? Или обнять меня? Или вручить цветы? Может, Кэндис не предупредила их, что я возвращаюсь? Наверное, мне следовало еще посидеть дома, чтобы дать им подготовиться.

Джессика была поглощена своим паршивым

информационным бюллетенем. Она каждую неделю его составляла.

— Привет, Джесс, — сказала я.

Она повернулась на офисном кресле и, увидев меня, вроде как опешила:

— А-а, привет. Так ты вернулась…

— Да. Хотела взять отпуск подольше, но капитализм, сама понимаешь, — пошутила я.

Джессика вяло кивнула:

— Конечно.

— Бюллетень составляешь? — спросила я.

— Угу, — кивнула она.

— Интересно будет почитать, — сказала я.

У меня хватило сил быть с ней великодушной — все-таки я некоторое время не занималась их офисной ерундой.

— Спасибо. — Она натянуто улыбнулась.

Что-то она холодновато реагирует, или мне показалось? Обычно Джессика кипятком писает от любой похвалы или притворяется, что не расслышала, чтобы комплимент повторили еще раз. Я допускала, что мои коллеги не знают, как вести себя после обрушившегося на меня удара судьбы. Когда в прошлом году у Марии умер отец, я тоже повела себе довольно-таки нелепо. Узнав о случившемся, я отправилась в аптеку «Си-ви-эс»,

в отдел открыток, в секцию соболезнований. Открытки показались мне чересчур религиозными, а цены — явно завышенными. В конце концов, я махнула на это дело рукой и купила себе упаковку жевательных конфет «Твизлерс». Возможно, мои коллеги тоже растерялись, поняв, что не в силах компенсировать мне мою утрату.

Я подошла к своему столу. На нем не было ничего, кроме нескольких оставленных мной вещей. Вероятно, уборщица вытерла пыль со столешницы, но в остальном все было так же, как в день моего ухода. Дверь кабинета Кэндис распахнулась, и она вышла к нам, поскрипывая своими кроксами. Сегодня они были ослепительно белыми, что должно было сочетаться с черным платьем в белый горошек и ярко-красными серьгами. Неужели она надела черное ради меня? Ну что ж, безвкусно, но свидетельствует о солидарности.

— Привет. Есть минутка поболтать? — спросила Кэндис.

В ее голосе я уловила раздраженные нотки. Может, она недовольна, что я слишком рано вернулась? Не собирается ли она выступить в роли вечно виноватого босса-милленниала, настаивающего, чтобы работник пошел домой и

еще немного отдохнул? Я представила, как она с напускной заботой наказывает мне: «И только попробуй зайти в мессенджер! Я требую, чтобы ты была офлайн!» Что ж, пусть. Я с радостью отправлюсь домой, если она этого хочет. Главное, чтобы отпуск мне оплатили. Мы проследовали в кабинет Кэндис, она закрыла за нами дверь и опустила жалюзи на своих панорамных окнах. Вот это было странно. Кэндис опускала жалюзи, только когда кого-то увольняли или выносили последнее предупреждение.

— Как дела? — спросила она, одарив меня скептическим взглядом.

— Не очень, конечно. Просто пытаюсь идти вперед, шаг за шагом. Жить сегодняшним днем, проживать час за часом, — сказала я.

Такой совет я услышала в подкасте о ментальном здоровье — посмотрела четыре видео в «ТикТоке». Не то чтобы этот совет меня впечатлил, но мне казалось, что именно такое высказывание Кэндис должна одобрить теплым кивком. Однако ее лицо оставалось каменным.

— Даже не знаю, с чего начать… В общем, мне нужно поговорить с тобой о нарушении личных границ клиента.

Она положила руки на стол. Я попробовала

вспомнить, не намекала ли недавно кому-нибудь из наших клиентов на секс. Полгода назад я притворилась, что ошиблась дверью, и зашла в мужской туалет, чтобы «случайно» столкнуться с симпатичным инфлюенсером, который приходил тогда к нам в офис. Но это было так давно! Сомневаюсь, что он нажаловался бы на меня именно сейчас.

— Ведьма Велнесс говорит, что ты отправила ей несколько сообщений, — продолжала Кэндис. — Она подняла этот вопрос вчера на встрече.

А, точно! Я совсем забыла. После прощания с Генри я приняла снотворное, а, проснувшись, обнаружила, что отправила Беке, то есть Ведьме Велнесс, целую кучу сообщений в «Инстаграме». К счастью, в них не было ни слова о проклятии. Вот что там было:

Lilz1290
22:47
есть заклинание чтобы стать полной лебсиянкой
*****лесбиянкой?

Lilz1290
23:03
а еще от запора лол

ты наверное не отвечаешь в личку

Lilz1290
00:13
ты смотрела пратк
практ
практическую магию
ты смотрела «практическую магию»?

Lilz1290
00:25
хочешь сгонять за кофе?

Lilz1290
00:34
Ййййййййййййййййййй

Lilz1290
00:42
да ты по ходу сама ни хрена не шаришь
какая нафиг магия
сек
секта
сект лидер
но я б вступила лол:)

У Беки было очень много подписчиков, и я пред-

полагала, что эти сообщения попадут в папку «Запросы» и останутся незамеченными. Я не ожидала, что она их вообще увидит, не говоря о том, чтобы наябедничать на меня моему работодателю. Надо бы удалить из профиля в «Инстаграме» информацию о месте работы. Возможно, стоит сделать аккаунт закрытым, хотя это, пожалуй, уже слишком. У меня почему-то стало расти число подписчиков из Индии, и я не хотела, чтобы этот поток иссяк. Личка у меня была забита письмами от мужчин, которые утверждали, что я прекраснее восхода солнца и что из меня выйдет великолепная жена.

Я не знала, как выкрутиться из этой ситуации. Кэндис явно чувствовала себя неловко в своей вынужденной роли наставницы. Она не хотела меня наказывать, это я знала точно. Все ограничится, так сказать, простым выговором, а потом она снова станет прежней пугающе бодрой Кэндис.

— Я приняла таблетку, которую мне прописал мой психотерапевт, чтобы пережить ту ночь. Не помню, как отправляла это, — сказала я, смешав правду и вымысел.

Я надеялась, что если приплести воображаемого психотерапевта, это вызовет у начальницы хоть каплю жалости.

— Подобного быть не должно. Мы чуть не потеряли клиентку. — Кэндис нахмурилась.

— Я могу лично связаться с ней и извиниться, — предложила я.

— Нет. Пожалуйста, не надо, — тут же ответила Кэндис. — Ни в коем случае больше ей ничего не пиши.

Я с тоской посмотрела на свои колени.

— Просто у меня сейчас очень тяжелый период, понимаете?

— Из-за смерти твоего парня?

— Да, — сказала я, глядя на нее так, будто она только что проиграла в шоу «Ты умнее пятиклассника?».

— Ясно… — осторожно протянула Кэндис. — Что ж… Это не имеет отношения к работе, но… в общем, кое-кто из сотрудников догадался, что ты встречалась с тем мужчиной, которого зарезали у бара.

Я бы предпочла, чтобы они услышали о смерти Генри непосредственно от меня. Я планировала в подходящий момент рассказать коллегам тщательно выверенную версию его гибели, чтобы сблизиться с ними, но… и так сойдет. С этим еще можно было работать.

— Да. Это ужасно, — сказала я.

— А потом мы прочли статью его девушки в «Тин Вог», — добавила Кэндис.

У меня сжались челюсти, все поплыло перед глазами. Уж не инсульт ли, испугалась я. Разве инсульты случаются в двадцать девять лет? Может, поэтому коллеги вели себя так отстраненно? Потому что они догадались, что я та самая «Джейн»? Этот бредовый рассказ Норы о том, что произошло в туалете, совершенно исказил мой образ. Интересно, как они вычислили, что это я? Неужели Нора написала в нашу компанию, чтобы отомстить мне? Я не знала, как далеко она готова зайти, чтобы разрушить мою жизнь. Во всяком случае, такой вариант не стоило сбрасывать со счетов. И если она наехала на меня, возможно, она и с Генри была так же эмоционально нестабильна. Чем больше я узнавала о Норе, тем больше видела в ней голодную до славы пиявку, которая использовала смерть своего парня для привлечения внимания — а может, и сама организовала его убийство ради этого.

— Все это надо делить на десять, — сказала я. — Эта женщина сумасшедшая. Ее даже еще не исключили из числа подозреваемых.

Я объяснила Кэндис, что Генри обманывал нас обеих, и уточнила, что Нора первая подошла ко

мне на спортивной площадке, куда я пришла отдать дань уважения семье покойного и попрощаться с мужчиной, которого любила.

— Она набросилась на меня с оскорблениями, — настаивала я. — Я даже подумала, что дело может дойти до рукоприкладства.

Упоминание статьи Норы пробудило во мне жгучую потребность защитить себя. Я наконец почувствовала, что у меня есть возможность пролить свет на те детали, которые Нора скрыла от тысяч читателей в сети. Я сказала Кэндис, что имела такое же право попрощаться с Генри, как и Нора. Я признала, что наши с Генри отношения были сложными, но это не делало мою потерю менее значимой. Я сказала Кэндис, что его смерть разбила мне сердце, а статья Норы лишь усугубила мою травму. Все это я говорила, вжившись в образ Тараджи П. Хенсон[19] в роли Куки. Я не позволю себя растоптать только потому, что Нора навесила на меня ярлык шлюхи. Я не позволю ей победить. Кэндис была удивлена, увидев, как яростно я обороняюсь. А чего она ожидала? Что я сдамся и покорно приму эту клевету? Я мысленно

[19] Примечания: 19

Тараджи П. Хенсон (р. 1970) — американская актриса, прославившаяся благодаря роли Куки Лайон в музыкальной телевизионной драме «Империя».

отметила, что нужно рассказать об этом Гектору. Мой потенциальный иск о диффамации приобретал все более четкие очертания.

— Похоже, у тебя сейчас много чего происходит в жизни, Лиллиан, — сказала Кэндис. — И рискну предположить, что ты еще и пьяна…

Я задумалась о том, насколько это соответствует истине. Возможно, я еще не полностью протрезвела с прошлой ночи, а с утра я выпила большой бокал вина, чтобы снять напряжение, но это же не существенно.

— Это абсолютно не так, — возразила я.

Кэндис глубоко вздохнула:

— Боюсь, что, учитывая дискомфорт, причиненный Ведьме Велнесс, я должна защитить компанию и душевный покой наших сотрудников.

— Вы меня увольняете? — Я даже не попыталась скрыть яд в своем голосе.

— Нет. Мм… Пока нет, — сказала Кэндис. — Но я считаю, что тебе следует некоторое время поработать удаленно, пока мы не выработаем оптимального для всей команды решения.

— То есть меня поставили в угол? — выпалила я.

Похоже, и правда можно было решить, что я

немного подшофе. Ну и что? В конце концов, я ведь не за рулем.

— Нет, просто… сделаешь паузу, — заключила Кэндис.

Меня отстраняли от работы с клиентами. Кэндис собиралась поручить мне ввод данных в компьютер. Я была в ярости. Вероятно, план компании состоял в том, чтобы постепенно выжить меня, превратить в изгоя и вынудить уволиться. Я работала в сфере маркетинга больше восьми лет! Я специалист! Ладно, суть маркетинга чаще всего сводится к тому, чтобы с видом эксперта заявлять, что какая-то фигня сработает для определенной группы людей, и молиться, чтобы никто не полез проверять. Но у меня это хорошо получалось! Если Кэндис и остальные верят, что могут запугать меня и заставить сдаться, они жестоко ошибаются. Ладно, будем чертить таблицы, забивать в них данные… и тратить на эту отупляющую работу не больше часа с четвертью в день. Если они готовы платить мне восемьдесят семь тысяч долларов в год за то, чтобы я раскрашивала ячейки в «Экселе», — так тому и быть. Буду выжимать из них все до последнего пенни, пока смогу. Я догадывалась, что наказана не только за профессиональный промах. Статья Норы запустила такую махину

сплетен, что мои коллеги струхнули: а вдруг я пересплю с их бойфрендами, если оставить тех без присмотра? Опубликовав этот материал, Нора фактически изгнала меня из моей же жизни.

И я отомщу ей за это.

Глава двадцать вторая

Гектору не понравилось, что меня перевели на удаленку. Он считал, что я окажусь в изоляции, особенно теперь, когда Элиза съезжает с квартиры, что я начинаю походить на затворницу, и это вряд ли расположит ко мне присяжных. Видимо, Гектор в своем воображении раздул мое дело до масштабов телесериала. У меня вошло в привычку звонить ему каждый день, чтобы рассказать о том, что происходит в моей жизни. Он уже знал о пристрастии Кэндис к резиновой обуви, о романтических иллюзиях Джейми и даже о гомофобии Элизы. Гектор не раз напоминал мне, что за время, потраченное на наши разговоры, мне придется платить. Но меня это не волновало. Платила Джейми.

Мы с Джейми почти не переписывались после того поцелуя. Меня не отпускало ощущение, что она ждет, что я снова подниму эту тему — подтвержу, что мне хотелось целоваться с ней, что мы не споткнулись и случайно столкнулись губами. На следующее утро после нашей встречи она написала мне: «Вчера было очень весело!» —

и прислала гифку из «Королевских гонок», где дрэг-квин говорит: «Опа!» Меня аж передернуло. Это больше никогда не повторится. Я даже признаваться себе не буду в том, что это произошло. Клянусь. Я решила избегать любых упоминаний о поцелуе, тянуть время, пока сама Джейми не начнет сомневаться, был ли он вообще, этот поцелуй. Заметем под ковер эту историю, как и все остальное, на что мне не хочется смотреть. Воспоминание об этом растает у меня в голове и вытечет из ушей на пол. Кто-нибудь подотрет, пустяки. А Джейми сама виновата: не надо было обольщаться. Я никогда ничего ей не обещала.

На третий день моей удаленной работы Гектору позвонили из полиции и сообщили, что снова вызывают меня на допрос. Они сказали, что семья Генри настаивает на «повторной проработке старых версий». По-видимому, это означало, что козлом отпущения хотят сделать меня. И я была уверена, что к этому причастна Нора.

Перед тем как отправиться в участок, мы с Гектором встретились в его офисе, чтобы условиться о, как он это назвал, «запретных темах». В список вошли: моя сексуальная жизнь, отстойная стрижка Норы, «гусиные лапки» у глаз матери Генри, мои соображения о характере его ранений, то,

что меня отстранили от работы с клиентами, и количество выпитого мною в ту ночь. Гектора ужасала мысль, что я могу быть самой собой в присутствии работников правоохранительных органов.

— Просто говорите как можно меньше! — внушал он, расхаживая по кабинету.

— Не учите меня, как разговаривать с людьми.

— Вы меня именно для этого и наняли, — возразил Гектор, выразительно посмотрев на меня.

Я гордо выпрямилась:

— Не понимаю, почему они снова меня вызывают. У меня есть свидетели, которые могут подтвердить мое алиби.

— Одной из свидетельниц не было с вами в промежуток времени, когда убили Генри, а вторая, возможно, спала.

— Элиза не спала. Она всегда все слышит, — заявила я. — К тому же, если бы я поехала из Мишн-Хилл в Сомервилль посреди ночи, кто-нибудь да заметил бы. Дорога ведь неблизкая! Я обязательно попала бы на камеры слежения в общественном транспорте или на улице.

— Надо постараться сотрудничать со следствием, — заключил Гектор.

Гектор заставил меня распечатать выписку по

кредитной карте за неделю, когда умер Генри, — в доказательство того, что я не пользовалась ни «Убером», ни метро. Как и ожидалось, никаких подозрительных трат на транспорт не было. Правда, я заказала вибраторов на триста двадцать один доллар и девяносто девять центов на сайте «Адам энд Ив» и как-то вечером потратила шестьдесят два доллара в «Тако белл», но этим, я надеялась, полиция не заинтересуется.

— Еще я считаю, что вам не помешало бы пройти психиатрическую экспертизу, — добавил Гектор. — Чтобы подстраховаться.

Я напряглась. Мне не нужен психиатр, чтобы доказать свою невиновность. Все-таки не следовало рассказывать Гектору о проклятии. Все у нас с ним пошло наперекосяк с тех пор, как я призналась, что, возможно, в каком-то мистическом смысле несу ответственность за смерть Генри. С той самой минуты, как я это сказала, он перестал видеть во мне невиновного человека и стал смотреть на меня как на одну из девушек Мэнсона. Мы и так находились в проигрышной позиции, а он еще и хочет, чтобы я пошла к психиатру.

— Вы действительно считаете, что это необходимо? — спросила я, скрывая ярость, которая зрела под кожей и заполняла все мои поры, точно

влажный цемент.

— Кто знает. Но это может помочь. У меня много клиентов, которые проходят психиатрическую экспертизу даже во время бракоразводного процесса. Это сделает ваши свидетельские показания более весомыми, если дело дойдет до суда. Я могу порекомендовать несколько специалистов.

Я представила себе, каково это — пойти к такому специалисту. Пугала сама мысль о часовом сеансе, единственная цель которого — получить справку с печатью, чтобы избежать тюрьмы. А вдруг они не поймут моего чувства юмора или не оценят моей честности, граничащей с прямолинейностью? А вдруг у меня диагностируют все то, чего я так боялась? Или, что еще хуже, ошибутся с диагнозом? А если врач скажет Гектору, что я социопатка? Или что я способна на убийство? Как мне жить дальше после такого?

На карточках были разные фамилии, и напротив каждой была указана медицинская квалификация. А может, Гектор уже поговорил обо мне с этими людьми? Какое предательство! Может, он и вовсе дружит с кем-то из них. Я представила, как Гектор и человек пять невзрачных мозгоправов сидят в баре и смеются над тем, какая я психопатка.

— Не отказывайтесь сразу от этой идеи, — попросил он.

— Ладно. Как хотите, мне пофиг. — Я выхватила у него визитные карточки.

Гектор прокашлялся, словно ему нужно было еще что-то сказать. Я сверкнула на него глазами.

— Не хочу показаться грубым, — он сделал паузу, — но если бы я, будучи латиноамериканцем, оказался в такой ситуации, как вы, то, наверное, уже сидел бы в тюрьме. — Он снова кашлянул, как будто эта мысль застряла у него в горле. — После эсэмэс, которое вы отправили, меня как минимум задержали бы на ночь. Да, я знаю, вы испытываете сейчас… некоторые неудобства, но уверяю, вам очень повезло, особенно учитывая ваши сложные отношения с покойным.

— Это вы к чему? К тому, что я на свободе только потому, что я белая? — спросила я, подняв бровь.

Я подумала, а не сказать ли сейчас Гектору, что у меня есть и сицилийские корни. Моя принадлежность к европеоидной расе не имеет никакого отношения к тому, что полиция не рассматривает меня как подозреваемую. Конечно, нельзя не признать, что у меня есть определенные преимущества. Поэтому я никогда не паниковала, если меня останавливали за превышение скорости, и

меня ни разу не обвинили в краже в магазине, хотя случалось, что я воровала. Но в этом деле то, что я белая женщина, роли не играло — гуманное отношение полиции ко мне объяснялось исключительно моей невиновностью. Как Гектор смеет утверждать обратное?

— Я невиновна, Гектор, — твердо заявила я, — вне зависимости от цвета моей кожи.

Гектор поднял руки, сдаваясь:

— Я лишь к тому, что защищать того, кто невиновен, проще.

— Тогда сегодня ваша работа будет проще пареной репы, — процедила я.

* * *

Когда мы приехали в полицейский участок, мне сказали, что меня будут допрашивать два детектива, Роберт и Джимми. Оба настаивали, чтобы я обращалась к ним по именам. Я сразу поняла: это уловка, чтобы я потеряла бдительность. Возможно, они собрались играть в злого и доброго полицейского, но пока было непонятно, кто из них кто. Я заметила детектива Дженнингс, сидящую за столом, и попыталась встретиться с ней взглядом, но она работала, не поднимая головы. Что ж, поздороваюсь с ней, когда буду

уходить. Роберт и Джимми провели нас с Гектором в небольшую комнату со столом и четырьмя стульями — словно мы собрались на самый неприятный в мире ужин. Они спросили, не хочу ли я кофе или воды, и я ответила, что с удовольствием выпила бы газированной воды, если она есть. Гектору явно не понравились мои запросы, но Джимми сказал, что в общем холодильнике завалялась банка «Лакруа». Он вернулся с банкой воды со вкусом грейпфрута — мой самый нелюбимый вкус, но я решила не выпендриваться, а показать, что готова идти на уступки.

— Итак, мы хотели бы поговорить о том, что произошло на прощании с покойным, — начал Джимми.

Я откашлялась:

— Я столкнулась там с семьей Генри и Норой. Вот, собственно, и все.

— А вот у Норы несколько иная версия, — вступил в разговор Роберт.

Он достал распечатанную статью Норы из «Тин Вог» и швырнул ее на стол, словно фотографию места преступления. У меня вызвало раздражение, что они потратили государственные деньги на распечатку этой ерунды.

— Этот материал набирает популярность в

сети. Вы его видели? — спросил Роберт.

Я посмотрела на Гектора, и он кивнул, разрешая мне говорить правду.

— Видела, — ответила я.

— Здесь написано: «Стало совершенно ясно, что Джейн пришла с одной-единственной целью: сделать мне больно», — процитировал Джимми. — Это так? Вы хотели сделать Норе больно?

— Нет. Я хотела проститься с Генри, — ответила я, придерживаясь заранее выработанной стратегии.

Я пошла туда не для того, чтобы причинить Норе боль; по крайней мере, не для того, чтобы причинить ей боль физическую. Я пошла туда, чтобы лучше ее понять. Мне хотелось узнать, какой у нее голос, запомнить, как она пахнет. Представить себе Генри рядом с ней, а затем — рядом со мной. Воочию увидеть женщину, которая встала между мной и будущим, которого я заслуживала. Я ее увидела и поняла, как она отвратительна. После выхода статьи ее стремление привлечь к себе внимание возросло еще больше. Она начала публиковать пространные посты в «Инстаграме», где в мельчайших подробностях описывала каждую свою эмоцию, и сопровождала их черно-белыми селфи — этакий халтурный

перфоманс. Она утверждала, что хочет быть «честной» со своими подписчиками во всем, что касается ее утраты, и притворялась уязвимой, а на деле выжимала максимум из смерти Генри, стараясь заполучить побольше лайков.

— Мать Генри упомянула, что она и ее дочь Амелия стали свидетельницами довольно напряженного разговора между вами, — сказал Роберт, откинувшись на стуле и приподняв брови, словно делился пикантной сплетней.

Я посмотрела на Гектора, ища у него подсказки, но тот что-то рассеянно рисовал в своем блокноте. Что ж, вольно мне было нанимать самого дешевого адвоката в городе!

— Если они имеют в виду, что Нора вела себя по отношению ко мне крайне грубо… — начала я.

Джимми заметно оживился:

— Агрессивно? — уточнил он.

Неужели они наконец-то заподозрили Нору? Мое сердце радостно забилось. Ну в кои-то веки хоть кто-то рассуждает здраво! Я-то с самого начала ее подозревала. Она единственная, кто выиграл от смерти Генри: число подписчиков растет, внимание к ее особе — тоже, да еще и несколько килограммов сбросит заодно. Хорошо, что полиция наконец поняла, как подозрительно

ее поведение. Пульс учащался по мере того, как крепли мои сомнения на ее счет. Я представила себя наедине с убийцей Генри в той самой раздевалке. Интересно, хватило бы у Норы сил одолеть меня и как именно она бы меня убила, решись она на это? Разбила бы мне голову о фаянсовую раковину? Утопила бы меня в унитазе? Удавила бы? Смогла бы я дать ей отпор, одолеть женщину весом в пятьдесят пять килограммов, если бы она набросилась на меня? Генри не сумел остановить ее, у меня тоже вряд ли получилось бы. Я содрогнулась от этой мысли.

— Да, я бы сказала, что агрессивно. Она явно была настроена против меня. Я только хотела спокойно оплакать Генри, а она подошла и начала обвинять меня. Что будто бы я вела себя как шлюха и совратила Генри. Я вообще понятия не имела о том, что она существует, — сказала я.

— У нас другие сведения, — возразил Джимми. — Нора утверждает, что вы знали о ней, но все равно добивались Генри.

— Он сказал мне, что недавно расстался с женщиной. И все. — Я повторила ту же ложь, что выдала Норе в тот день. Они полиция нравов или ищут убийцу? — Я не бегаю за несвободными мужчинами, — добавила я, пожалуй, более резко,

чем планировала.

Гектор оторвался от блокнота, встревоженный моим тоном.

— Моя клиентка все еще сильно переживает утрату своего, э-э, возлюбленного. Полагаю, нам следует отнестись к этому с пониманием, — сказал он и взглянул на меня так, словно я не прошедшая дрессировку собака, готовая укусить.

— Разумеется. Мы просто стараемся лучше понять контекст, — заверил нас Роберт.

— Нора — нехороший человек. Это я могу сказать точно, — уверенно заявила я.

Гектор окинул меня таким взглядом, будто хотел надеть мне на голову пластиковый пакет.

— Семья Генри тоже заметила, что в последнее время Нора стала… эмоционально неустойчивой, — признал Джимми. — Даже странно, до чего она старается привлечь к себе всеобщее внимание.

Я закусила губу, чтобы скрыть улыбку. Конечно, семье Генри не понравилось, что Нора опубликовала эту статью и жаждала широкого резонанса. Она же запятнала репутацию их золотого мальчика — выставила его изменщиком. А вот я сохраняла достоинство и молчала, как добропорядочная жена оскандалившегося политика.

Это я должна была стоять рядом с его родителями и принимать соболезнования, а не она.

— Возможно, Нора узнала о ваших отношениях еще до смерти Генри. Например, нашла переписку… фотографии… что-нибудь в этом роде, — предположил Роберт.

Я нахмурилась, делая вид, что обдумываю эту версию, а в душе ликовала и прыгала от восторга. Наконец-то они увидели Нору такой, какая она есть: злобной манипуляторшей, безжалостной волчицей в одежде от «Лулулемон».

— Женщина в таких делах лучше любого детектива. То есть… конечно, не лучше вас, профессионалов… Но женщины бывают весьма сообразительны, — сказала я, прибегнув к лести и рассчитывая сыграть на сексизме. — Вполне возможно, Нора узнала, что мы встречаемся, и была в ярости в момент убийства Генри.

— Возможно, — подтвердил Роберт.

— Вы правы, она могла залезть в мобильный. Да, в таких делах женщина лучше любого детектива, — усмехнулся Джимми. — Моя жена даже не разрешает мне блокировать телефон.

Судя по всему, Джимми изменял жене. Гектор заерзал на стуле, не зная, как реагировать на такой поворот событий.

— Полагаю, моя клиентка продемонстрировала полную готовность сотрудничать со следствием. У вас есть к ней конкретные вопросы? — сказал Гектор, пытаясь доказать, что стоит своих двухсот девяноста долларов в час. — Потому что все это больше похоже на домыслы.

— Последний вопрос: чувствовали ли вы когда-нибудь угрозу со стороны Норы? — спросил Роберт.

— Определенно, — без колебаний ответила я.

В глазах Гектора мелькнуло искреннее удивление.

Да, да, я чувствовала угрозу со стороны Норы! Возможно, не физическую и внешне не выраженную, но в ее поведении было что-то зловещее. Она перевернула мою жизнь с ног на голову — и вполне вероятно, что ее обвинения в мой адрес были лишь попыткой отвлечь внимание от собственных темных делишек.

— Это важно знать, — сказал Роберт. — Мы восстанавливаем картину душевного состояния всех причастных.

— Большое спасибо за сотрудничество, Лиллиан. — Джимми улыбнулся, щелкнув выключателем диктофона.

— Конечно, — ответила я. — Все, что угодно,

лишь бы нашли виновного.

* * *

Мы с Гектором неуверенно топтались у входа в полицейский участок, как будто только что закончилось наше свидание и мы еще не решили, что теперь предпринять. Было холодно, наше горячее дыхание превращалось в легкие облачка, которые плясали в воздухе. Я придвинулась к Гектору, пытаясь вдохнуть частичку его облачка: мне было интересно, какой у него вкус. Гектор отступил на шаг.

— Ну, как я держалась? — спросила я.

— Нормально. — Он переступил с ноги на ногу. — Я не знал, что вы и вправду считаете, что Нора опасна.

— Она очень даже может быть опасна. Вы же не видели ее тогда в раздевалке. Она была явно не в себе, — небрежно заметила я.

Гектор хотел было что-то сказать, но проглотил свои слова. Он обхватил себя руками, пытаясь согреться. После допроса меня переполнял адреналин. Я взглянула на своего адвоката: как приятно, что он значительно выше меня. Мне представилось, как я стаскиваю с него дешевый костюм и прижимаюсь к нему голая, и он едва

успевает вспомнить о своей жене.

— Что ж, надеюсь, на этом все и закончится, — сказал Гектор, прервав мои фантазии.

— Что будем делать теперь? — спросила я в надежде, что он предложит пойти отпраздновать успех.

Я была слишком взвинчена, чтобы идти сейчас домой. Элиза теперь почти всегда ночевала в своем новом жилище. Она по-прежнему платила за жилье, но каждый раз, возвращаясь в квартиру, я замечала, что вещей становится меньше — словно нас вежливо обворовывали. Сначала исчезли все сковородки, потом книжный шкаф, затем телевизор. В качестве временного решения я поставила ноутбук на раскладной стул в гостиной. Помимо пустоты в квартире, мои проблемы усугублялись неисправным унитазом, который громко стонал при каждом смыве. Не засорила ли его Элиза в отместку перед уходом? К сожалению, я не могла обратиться за помощью к Джейми, которая, вообще-то, была рукастая. Я пока не была готова обсуждать наш поцелуй.

— Просто займите себя чем-нибудь, пока все окончательно не уляжется, — сказал Гектор, потирая руки, чтобы согреться.

— Не хотите пойти выпить? — спросила я, на-

деясь, что нотки отчаяния в голосе не слишком заметны.

— Нет, спасибо. Я пойду. Звоните, если что, — сказал он, доставая из кармана свой проездной.

Гектор быстро зашагал к метро, оставив меня в одиночестве. Я понимала, что должна бы испытать облегчение: все прошло хорошо, полиция явно переключилась на другие, более перспективные версии. Скоро это останется позади. Кредитная карточка Джейми не будет полностью опустошена гонорарами Гектора, а я не окажусь в тюрьме за преступление, которого не совершала. Но моя энергия не находила себе выхода. Пустота, которую когда-то заполнял Генри, а затем — вся эта история с его гибелью, снова развертывается внутри меня. Казалось, никто и ничто не сможет заткнуть эту дыру.

Я бесцельно брела по улице, ища, чем бы заняться, словно зомби, чье сознание пробуждается лишь от определенных звуков или запахов. Я прошла мимо ресторана. За столиком у окна сидела пара. Оба облокотились на стол и, склонившись друг к другу, оживленно беседовали. Я замерла перед окном и смотрела на них, пока они недоуменно не уставились на меня в ответ.

Я продолжила глазеть на них еще мгновение.

Потом плюнула на тротуар и пошла дальше.

Глава двадцать третья

То, что обычно вводило меня в состояние приятного отупения, больше не действовало. Моя толерантность к алкоголю достигла рекордного уровня, и я посмотрела четыре сезона «Настоящих домохозяек Нью-Йорка», два сезона «За бортом» и один ужасный фильм от «Нетфликса» о десяти вспыльчивых родственничках, ссорящихся из-за денег. Элиза окончательно съехала, и в результате моя квартира приобрела ауру жилища серийного убийцы. Я поставила раскладной стул в бывшей спальне Элизы, чтобы комната не выглядела такой пустой, но от этого она стала похожа на подвал, где похититель пытает своих жертв.

Моя жизнь теперь была пугающе безмолвной. Джейми почти перестала со мной разговаривать. Она все еще реагировала на мои попытки привлечь ее внимание, но больше не начинала диалог первой. Ее ответы теперь были краткими и без единого эмодзи. Полиция после нашей беседы не сообщала нам с Гектором никаких сведений о расследовании. Гектор сказал, что

отсутствие новостей — это хорошая новость, но недостаток информации очень напрягал меня. Я подумывала сходить в полицейский участок и все-таки попробовать добиться расположения детектива Дженнингс. Наличие любовника или любовницы в полицейских кругах, безусловно, помогло бы мне оставаться в курсе событий. Но это не стоило неизбежной лекции, которую мне пришлось бы выслушать от Гектора, если бы он узнал, что я сплю с сотрудниками правоохранительных органов ради доступа к информации.

Пока полиция присматривалась к Норе, а также разрабатывала другие возможные версии, я решила хотя бы убедиться, что Генри умер не из-за моих мистических экзерсисов. Я углубилась в изучение истории проклятий. Оказалось, они ровесники самой человеческой цивилизации. Упоминания о проклятиях встречаются в древнегреческих, египетских и римских текстах, а позже они использовались в языческих ритуалах. Даже в Библии говорится о заклинаниях, похожих на проклятия. В общем, сколько существовал род людской, столько существовала и жажда мести. Чем больше я об этом размышляла, тем яснее становилось, что есть три версии, объясняющие смерть Генри: 1. Я случайно убила его, применив

никому доселе не ведомую магическую силу. 2. Нора убила его в порыве страсти. 3. Его убил случайный человек по неизвестной причине; например, Генри не придержал перед ним дверь или задел его плечом в баре.

Выпив три порции водки с содовой, я решила, что единственный способ исключить свою причастность к смерти Генри — поговорить с Ведьмой Велнесс. Я понимала, что Кэндис это не понравится. Мне строго-настрого запретили беспокоить клиентов компании «Физзл», особенно Беку, но получить ответы на мои вопросы мне показалось важнее, чем соблюсти какие-то дурацкие границы, установленные начальницей. К тому же я была почти уверена, что при личной встрече Бека не узнает меня, не вспомнит фото из «Инстаграма». Возможно, ей польстит внимание поклонницы, интересующейся ее деятельностью. Может, мы даже подружимся, когда познакомимся поближе. Я не особенно хотела дружить с такой, как она, но сейчас, пожалуй, не стоило привередничать.

Узнать, где именно в городе находится Бека, оказалось проще простого. Она была из тех невыносимых людей, которые выкладывают в соцсети и тегают каждое место, где они ужинают, делают

покупки или — в ее случае — проводят мероприятия. Такие, как Бека, страдают неутолимой жаждой внимания к себе. В каком-то смысле мне было ее жаль. Печально, что она не умела черпать силы и уверенность в себе самой, как это делала я.

В тот вечер в восемь часов Бека устраивала небольшую звуковую медитацию в католической церкви. Темой встречи было избавление от токсичных людей. Это просто судьба, что она решила организовать мероприятие в церкви! Теперь я смогу сказать Гектору, что была на мессе. На месте я узнала, что вход платный. Бека брала по сорок пять долларов с человека за возможность полежать на полу и послушать, как она бьет по чашам. Все захватили с собой коврики для йоги, о чем, как мне казалось, следовало бы упомянуть в анонсе. Я колебалась, платить ли за вход, и решила, что за последние недели и без того изрядно потратилась. Ни к чему расставаться с сорока пятью долларами, на которые можно купить как минимум три бутылки приличного вина. Опустив голову, я проскользнула мимо женщины, собиравшей деньги у входа, — та как раз отвлеклась, обдирая другого посетителя. Внутри церкви несколько дамочек уже лежали

на ковриках, закрыв глаза; Бека поставила им через блютуз-колонку хор монахов.

Я сняла куртку и расстелила ее на полу как подстилку. Координатор мероприятия в майке с надписью «Выздоравливай, подруга!» (слоган Ведьмы Велнесс) поднялась со своего коврика и направилась ко мне. Я испугалась, что сейчас меня постигнет кара за неоплаченный вход, но дама была настроена мирно и, наклонившись ко мне, спросила:

— Не хотите ли взять коврик? — Она указала на стопку синих ковриков для йоги в углу.

Я покраснела, смущенная тем, что не заметила их. Чтобы не выглядеть слепой курицей, я решила стоять на своем:

— Нет, спасибо, — ответила я. — Они очень вредны для окружающей среды. И плохо заземляют.

Женщина нахмурилась:

— Ой. Блин. Ясно… Простите, пожалуйста.

Она вернулась на свое место, села и по-новому, осуждающе, посмотрела на кусок резины под собой. Потом сползла с коврика и села прямо на пол.

— Как только все устроятся, мы начнем, — сказала Бека совсем не тем властным голосом, каким

говорила на деловой встрече.

Бека стояла там, где обычно находится священник. Свет приглушили, церковь освещалась лишь свечами в алтаре. Я легла на свою куртку и попыталась расслабиться. Внезапно меня охватила паника. Меня воспитали католичкой, в основном потому, что в церкви, которую мы с мамой посещали, когда я была маленькая, по воскресеньям раздавали бесплатную еду. Я вспомнила, как сидела на мессе, и, пока священник выкрикивал что-то на латыни, гадала, переживают ли все вокруг непостижимое или, как я, терпят и ждут не дождутся, когда можно будет сходить в туалет. Оказавшись теперь в храме, я чувствовала себя так, будто лежу обнаженная перед Богом, умоляя его поразить меня за то, что я, как выразился Гектор, «практикую оккультизм». Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Несомненно, если бы Господь и покарал кого-то в этом здании, то Беку, которая превратила духовность в доходный бизнес, а не меня.

Бека начала бить по своим чашам, и громкие вибрации заполнили пространство. У нее это плохо получалось: как-то отрывисто, вразнобой.

— Представьте себе всех токсичных людей, которые вас окружают… и начните освобождаться

от них, — сказала Бека. — На вдохе представьте себе такого человека… а на выдохе… освободитесь от него.

Она вдохнула и преувеличенно сильно выдохнула.

Я подумала о Норе и о том, как она перевернула всю мою жизнь. Я вспомнила ее маленькое личико в форме сердечка. Когда Бека ударила по очередной чаше, я представила себе, как Нора тонет в зыбучих песках. Ее медленно затягивает, как ту лошадь из «Бесконечной истории». И перед тем как ей исчезнуть, мы с ней встречаемся глазами. Неужели я впервые пережила религиозный экстаз?

Несмотря на бездарность Беки, звон от ударов по чашам в конце концов расслабил меня. Мое тело как будто вросло в пол. Я еще и выпила перед сеансом, поэтому в какой-то момент, должно быть, задремала и даже услышала собственный храп. Я давно не спала нормально — в фазе быстрого сна меня преследовали кошмары о Генри, — так что, пожалуй, это был первый полноценный сон за несколько недель. Неизвестно, сколько прошло времени, но, когда я наконец открыла глаза, надо мной стояли Бека и ее помощница. Обе улыбались. Другие женщины уже

собирали вещи и прощались.

— С добрым утром, — сказала Бека.

— Простите. — Я быстро села, протерла глаза и тут же спохватилась, не размазалась ли тушь.

— Ничего, такое случается чаще, чем вы думаете.

Я огляделась — почти все уже разошлись.

— Пойду соберу чаши, — сказала помощница.

— Я помогу, — ответила Бека.

— Простите, — сказала я. — Вы не уделите мне минутку?

Сердце бешено колотилось. Теперь я точно проснулась. Бека окинула меня удивленным взглядом. Хоть бы она меня не узнала!

— Конечно, — кивнула она.

Мы прошли к скамье в углу и сели. Бека на всякий случай отодвинулась от меня подальше, видимо, все-таки опасаясь, что я представляю угрозу.

— Я хотела спросить вас о действенности ваших заклинаний, эм-м… точнее, проклятий, если у вас есть какие-то данные на этот счет…

Бека подняла бровь:

— Вы журналистка? Запрос на интервью нужно направлять моему пиар-менеджеру…

— Нет-нет! Я ваша поклонница, — заверила

я ее, надеясь, что лесть сработает лучше, чем правда. — Я восхищаюсь тем, что вы делаете для людей.

Бека оценивающе меня оглядела:

— Ну, спасибо. Нет, у меня нет никаких данных. Отзывы — да, конечно. Но я бы сказала, что, когда речь идет о заклинаниях, все дело в вашем собственном настрое. Какое-то конкретное у вас не получается?

— Вообще-то, меня интересуют проклятия, — сказала я.

— О-о! И какое же именно?

— С помощью которого можно отомстить.

Бека рассмеялась:

— И что же вы сделали? Сломали кому-нибудь ногу?

Я промолчала.

На лице Беки появилось встревоженное выражение:

— Господи… Погодите, вы серьезно?

— Нет. То есть, я никому не ломала ногу, ничего такого. Я лишь хочу знать: они работают, проклятия? Ну, без обид, но… это все полная лажа или нет? — Я нервно притопывала ногой.

— Я не хочу продолжать этот разговор. — Бека резко встала.

— Я не хотела вас обидеть. И не сомневаюсь в вашей квалификации. — Я схватила ее за руку. — Просто… подождите. Подождите, пожалуйста!

Бека посмотрела на мою руку с ужасом:

— Отпустите меня!

— Я не журналистка! Я никому ничего не расскажу! Мне нужно знать… для собственного спокойствия, понимаете? — тараторила я. — Вы действительно знаете, что делаете всеми этими штуками? Они работают?

Бека попыталась стряхнуть мою руку:

— Прекратите! Вы меня пугаете!

— Тогда ответьте мне! — Я начала терять терпение и, может быть, сказала это слишком громко. — Пожалуйста!

Бека беспокойно оглядела церковь в поисках поддержки. Никого не было, все отправились по домам, а помощница, вероятно, понесла чаши к машине. Я отпустила руку Беки. Я не хотела ее пугать. Мне нужно было, чтобы она ответила.

— Проклятия в основном полная чушь, понятно? — сдалась Бека. — Я сняла то видео где-то в… две тысячи девятнадцатом году. Я сама не знала, что делала, когда только начинала. Уверена, у вас ничего бы не вышло, даже если бы вы очень постарались.

Она выразительно потерла руку — уж так больно я ей сделала.

Мне стало жаль, что наш разговор принял такой неприятный оборот. Но вместе с тем я испытала огромное облегчение, услышав, как она признается, что на самом деле не способна ни на какую магию. Как я вообще могла допустить мысль о том, что она обладает сверхъестественными способностями! Она всего лишь инфлюенсер — делает деньги, притворяясь тем, кем не является. Она не опасна — просто мошенница.

— О боже! — Бека уставилась на меня. — Так вы та самая чокнутая девица из «Физзл»!

— О чем вы? — прикинулась я шлангом.

— Так это вы отправляли мне все эти безумные сообщения! Ваша начальница сказала, что вас отстранили. Боже мой, вы что, пытались проклясть меня? — Она возмущенно приложила руку к груди.

Ну конечно! Эта самовлюбленная дура решила, что она достаточно важная персона, чтобы стать объектом моего проклятия. Да она больная на голову!

— Да не проклинала я вас. — Я прижала руки к груди, защищаясь. — А с сообщениями вышло недоразумение: мой аккаунт взломали.

Я выругалась про себя: ну почему эта отмазка не пришла мне в голову раньше, во время разговора с Кэндис!

— Здесь все в порядке? — послышался голос помощницы.

Она вернулась за последней чашей, подошла и посмотрела на нас, как на двух собак, готовых вцепиться другу в глотку.

— Все нормально, — сказала я. — Все хорошо.

Я приготовилась к тому, что Бека начнет возражать.

— Больше не пишите мне. — Она злобно сверкнула на меня глазами. — Пошли, — сказала она помощнице, собрала свои вещи и быстро направилась к выходу.

Напоследок Бека оглянулась на меня, словно боясь, что я брошусь за ней и вырву у нее сумочку.

Да, вряд ли мы с ней подружимся.

Глава двадцать четвертая

Я ждала, что Кэндис напишет мне и отчитает за встречу с Ведьмой Велнесс, и раздумывала, не опередить ли мне Беку и не представить ли свою версию событий. Например, я могла бы сказать, что столкнулась с ней случайно или что пришла с намерением уладить недоразумение, возникшее между нами. Но Кэндис мне не написала. И я решила, что лучше промолчать. Главное, я получила ответ на свой вопрос и теперь чувствовала себя свободной от какой бы то ни было «мистической» ответственности. А остальное не имело значения.

От вынужденного безделья я начала заново перебирать в памяти моменты наших встреч с Генри с учетом нового контекста: пока он вечерами занимался со мной сексом, Нора постоянно была где-то рядом, ждала своего часа. Под действием алкоголя моя тоска по бывшему постепенно превращалась в презрение. Мне стало интересно: принимал ли он душ после секса со мной, прежде чем лечь в постель к ней? Сохранил ли он мое имя в телефоне как имя одной из кол-

лег, чтобы она ничего не заподозрила? Занимала ли я столько же места в его мыслях, сколько он занимал в моих? Знала ли Нора обо мне до его смерти? Неужели она убила его, узнав обо мне? Отчаянно нуждаясь в собеседнике, я написала Джейми:

Не хочешь зайти?

На айфоне появилось и тут же исчезло многоточие. Я ждала, надеялась, что она все-таки клюнет на эту наживку, но ответа так и не последовало. Я пролистала список контактов в поисках замены Джейми, но поняла, что за последние годы много с кем разругалась. Можно было, конечно, зарегистрироваться и поискать друзей в «Бамбле», но я решила, что лучше уж тогда сразу покончить с собой.

Я зашла в свой аккаунт goblingirlxo в «Инстаграме».

Нора репостнула сторис блондинки-подкастерши по имени Кейлор. Та поделилась ее статьей и приписала: «Заходи на подкаст!» Нора поставила несколько смайликов с глазами-сердечками и ответила: «С радостью!» Я кликнула на профиль подкастерши и с тревогой обнаружила, что у нее более двух миллионов подписчиков. Ее

подкаст назывался «Сексуальная малышка», а в био говорилось, что он про «феминизм, подруг и фальшивых стерв». С аккаунта goblingirlxo я оставила длинный комментарий под недавним постом Кейлор, где она рекламировала нутрафол, средство для роста волос:

> По-моему, твой подкаст не имеет никакого отношения к феминизму. Да и волосы у тебя жирные и жидкие. Я точно не стала бы доверять средству, которое ты рекламируешь, потому что… фу-у-у!

Я начала листать остальные посты Кейлор и, провалившись в кроличью нору, просмотрела ролики, где она брала интервью у знаменитостей или инфлюенсеров, мнящих себя знаменитостями. Она задавала им беззубые вопросики под пафосную музыку, притворяясь, что она — журналист-расследователь, а не просто двадцатитрехлетняя девица с дипломом маркетолога. В каждом выпуске была новая рекламная вставка, а вместе с увеличением популярности подкаста стараниями пластического хирурга увеличивались и губы Кейлор. Я поймала себя на том, что листаю пост за постом. Я знала, что существует тысяча таких же подкастов: заурядные белые

женщины, как правило, легко находят общий язык с другими заурядными белыми женщинами. Но я была в ярости оттого, что Нора станет частью этого сообщества.

Я вернулась в аккаунт Норы и написала ей в личку. До сих пор она не ответила ни на одно сообщение от goblingirlxo, но и не заблокировала меня. Я должна была использовать свой шанс, пока мне не перекрыли доступ.

Ну, что дальше? Снимешь о своем мертвом парне сериал для «Нетфликса»?

(Отправить)

Ты больная.

(Отправить)

Может, начнешь вести криминальный подкаст? Да нет, побоишься… потому что ты ведь и есть убийца.

(Отправить)

Ты даже не такая уж и красивая.

(Отправить)

Извини, хотела сказать, что ты вообще не красивая.

(Отправить)

Хорошо спишь по ночам?

(Отправить)

У тебя что, косоглазие? Без обид. Просто любопытно.

(Отправить)

Ну ничего, ничего, это бывает.

(Отправить)

Меня немного утешало, что семья Генри тоже считала Нору «эмоционально неустойчивой». Я проверила подписчиков Норы, ища среди них сестру Генри, и чуть не завизжала от восторга, когда обнаружила, что Амелия отписалась от Норы. Конечно же! Вся их дружественность испарилась после смерти Генри. Это для публики она героиня, а для семьи Генри — одиозная фигура. И если полиция нароет еще что-то, высокий пьедестал, на котором она восседает, рухнет и увлечет ее за собой.

Интересно, смогу ли я занять ее место в семье Генри. Возможно, нам удалось бы забыть о том недоразумении на хоккейной площадке. Я представила себе, как отмечаю с ними праздники и дни рождения, а рядом со мной за столом стоит пустой стул для Генри. Как на День благодарения отец Генри обнимает меня и говорит: «Генри был бы так счастлив, что ты здесь», а мать Генри на смертном одре отдает мне свое обручальное

кольцо. «Он хотел бы, чтобы оно досталось тебе», — скажет она, и слеза покатится по ее щеке.

Я вернулась к переписке с Норой:

Держу пари, семья Генри ненавидит тебя.

(Отправить)

Ты определенно им противна.

(Отправить)

Ты больная.

(Отправить)

Тебе нужна помощь.

(Отправить)

Без шуток, тебе нужна терапия.

(Отправить)

В стационаре – раз твои проблемы настолько серьезны.

(Отправить)

Возможно, если измотать Нору, она признается, что причастна к смерти Генри. Я представила, как распечатываю ее признание и швыряю его на стол детектива Дженнингс. «Я ее расколола», — с гордостью говорю я, после чего мы с детективом целуемся. Не успела я приступить к очередному этапу своей спецоперации, как появилось многоточие. Я уронила телефон на кровать и

уставилась на него, словно только что случайно ввела ядерный код и теперь неминуемо начнется мировая война. Появилось сообщение:

Лиллиан, остановись.

У меня перехватило дыхание. Откуда она узнала, что это я? Разве мой имейл или номер телефона привязаны к моему секретному аккаунту? Я перепроверила, не видны ли эти данные. Нет. Может, она знает кого-то из сотрудников «Инстаграма»? Кто-то слил ей эту информацию? Или у нее так мало врагов, что она сразу меня вычислила? Три точки появились снова, как будто она услышала мои вопросы:

Совершенно очевидно, что это ты.

Я рассчитывала следующий шаг. Можно было все отрицать. Сказать, что меня зовут Аманда, я добропорядочная верующая женщина со Среднего Запада и что ее поведение меня возмутило. Что Господь велел мне попытаться спасти ее из пучины греха. Или я могла бы сказать, что была знакома с Генри и мне больно видеть, как его имя втаптывают в грязь, заодно унижая другую женщину (то есть меня). Или… лучше признать,

что она меня вычислила, что она права? Не подставит ли это меня перед полицией, и не сдаст ли меня Нора, если я сознаюсь, что писала ей? Хотя теперь, когда она сама стала подозреваемой, ей наверняка не захочется лишний раз общаться с правоохранительными органами. На экране снова возникло многоточие. Нора написала:

Я хочу поговорить с тобой. Давай где-нибудь выпьем.

Не скрою, меня так и подмывало согласиться. Мне хотелось лучше узнать эту женщину, я чувствовала с ней некую связь. Возможно, в альтернативной вселенной — где наш общий парень не был бы мертв, а я не подозревала бы ее в убийстве — мы даже могли бы стать подругами. Конечно, она болезненно тщеславна и потенциально опасна, и при мелировании аммиак просочился к ней в мозг и сделал ее полной идиоткой. И все же мне не терпелось выведать о ней побольше.

Я ответила прежде, чем успела передумать:

Ладно. Но место выбираю я.

Глава двадцать пятая

Я предложила Норе встретиться в баре «Чирс», чтобы сразу же обезоружить ее. Для любого жителя Бостона выбрать этот бар было все равно что пойти поужинать в стрип-клуб: цены завышены, обслуживание — так себе, но, как ни странно, там подавали вполне съедобные куриные крылышки. Это было, пожалуй, последнее место, где мне хотелось бы выпить, но возможность вывести Нору из зоны комфорта и перевести преимущество на свою сторону перевесила мои сомнения.

Я поспешила в бар, чтобы до прихода Норы успеть выпить пинту «Гиннесса». Я написала ей, где сижу, и заняла для нее место, бросив куртку на соседний стул. Накануне вечером Нора прислала мне свой номер телефона, чтобы мы могли договориться о встрече. После этого я подписала ее на рассылку сообщений от сорока семи политиков из самых разных партий. Я представляла себе, как приверженцы Марджори Тейлор Грин и Нэнси Мейс засыпают Нору страстными призывами помочь им искоренить трансгендерных людей. Интересно, какова будет ее реакция. Ознакомив-

шись с ее профилем в «Инстаграме», я сделала вывод, что Нора из тех либералов, которые твердят, что «любовь есть любовь», какого бы пола ни были влюбленные, но при этом вызывают полицию, если у соседей слишком шумная вечеринка. На самом деле я не сильно отличалась от них, но у меня хватало ума в сети притворяться более радикальной.

Я нервничала перед встречей с Норой, что уж скрывать. На хоккейной площадке я чувствовала себя в относительной безопасности, потому что легко могла затеряться в толпе. Даже в ходе нашей стычки в раздевалке я стояла лицом к двери, каждую секунду готовая рвануть к выходу, словно пуганая приютская собака. Теперь же я добровольно подставлялась под удар. Я подавила желание в очередной раз посмотреть, который час, и изо всех сил старалась непринужденно потягивать пиво, надеясь, что ничем не выделяюсь среди других посетителей. Наверное, так же скованно чувствуют себя статисты на съемочной площадке, когда притворяются, что заняты своими делами и не замечают камеры.

Я успела выпить половину бокала, когда за пять минут до назначенного времени в баре появилась Нора в зеленой футболке, джинсах и

с распущенными волосами. Она была до боли хороша и, казалось, не прилагала к этому никаких усилий. Я выпрямилась на стуле и улыбнулась, как бы протягивая ей незримую оливковую ветвь, а на самом деле от души желая ей проснуться на следующее утро с вросшим волосом на лобке.

Нора села. Как только ее задница коснулась табуретки, перед нами возник бармен. Я старалась не обращать внимание на то, что ее обслуживали лучше всех, кто когда-либо заходил в «Чирс», ну, может, за исключением звезд телеэкрана.

— Что-нибудь принести? — улыбнулся бармен.

— Мне то же самое, — сказала она, указав на мое пиво.

Я раздумывала, с чего начать разговор. Завести светскую беседу о погоде? Или отпустить какую-нибудь шутку о хаосе, в котором постоянно пребывает наша страна? А может, сразу перейти к смерти нашего общего бойфренда и спросить, не она ли его убила?

— Предвкушаешь интервью с Кейлор? — сказала я в итоге.

Утром Нора вывесила ссылку на профиль Кейлор со стикером «Скоро», которая означала, что она станет гостьей подкаста Кейлор в ближайшем будущем.

— Ты можешь хотя бы притвориться, что не все знаешь о моей жизни? — Нора закатила глаза, заправляя волосы за уши.

Я вспыхнула. С чего это мне нельзя упоминать о внезапно свалившейся на нее известности? Именно я в значительной степени стала причиной того, что она оказалась в центре внимания. И нечего делать вид, что она добилась всего сама. Она взобралась наверх, наступив мне на лицо.

— Может, объяснишь, зачем ты терроризируешь меня в сети? — спросила она.

Я усмехнулась ее полной неспособности к самоанализу:

— Ты написала статью обо мне и опубликовала ее без моего согласия, — сказала я. — Ты натравила на меня свифтис, а это уже вообще зверство.

— Я не называла твоего имени, — возразила она.

— У меня на работе все равно обо всем узнали. Меня уволили, — солгала я, преувеличив и наказание, и его причину.

— Тебя уволили? За то, что ты была чьей-то любовницей? — Она искренне удивилась и вытаращила глаза.

— Я не любовница. — Я еле сдержалась, чтобы не вылить свой пенящийся «Гиннесс» ей на ру-

башку. — Но да, меня уволили.

Нора сделала еще один глоток. Осмыслив эту информацию, она глубоко вздохнула:

— Что ж, мне жаль, что так вышло, — сказала она, но явно не искренне.

Какой диагноз поставили бы Норе психиатры Гектора?

— И как долго ты собираешься продолжать это свое турне «оскорбленной женщины»? — спросила я.

— Я просто делюсь своими переживаниями.

Люди обожают нести подобную чушь. Прибыльно продают свою травму и называет это «делиться своими переживаниями». Наверное, такой ребрендинг помогает Норе спать по ночам и объяснять себе, почему семья Генри больше не хочет с ней общаться.

— На самом деле я хотела поговорить с тобой кое о чем другом, — сказала она опасливо.

Интересно, а полиция не озвучила ей свои подозрения и мои опасения на ее счет? Я сделала глоток пива и стала ждать: начнет ли она разоряться на меня или попытается оправдаться.

— Я подумала, что было бы классно взять у тебя интервью для статьи. — Нора вежливо кашлянула. — Анонимно, конечно.

Я поперхнулась пивом, и алкоголь обжег мне нос:

— Что?

— Послушай, я была очень зла, когда писала ту статью для «Тин Вог». После того что ты сказала мне в раздевалке, да… да, я хотела сделать тебе больно. Но статья нашла отклик у многих людей — у тех, кто изменял, и у тех, кому изменяли. Мне кажется, у нас есть возможность поговорить о чем-то действительно важном. — Она сделала паузу. — И на этот раз мы сосредоточимся на твоей точке зрения.

Я ни секунды не верила, что Нора всерьез заботится о том, чтобы написать нечто «важное». Конечно, есть творческие люди, которые создают свои произведения ради того, чтобы изменить наш мир, но это был не тот случай. Она не из их числа. Нора упакует смерть Генри и мои с ним отношения в яркую обертку и наклеит ярлык «Продается». Вот это наше поколение умеет: мы готовы говорить о раке, смерти, ЗППП, расставаниях, собаках с поведенческими проблемами — о чем угодно, лишь бы это привлекло к нам внимание. Мы выставляем напоказ свои самые глубокие травмы в «ТикТоке». Мы утверждаем, что делаем это, чтобы чувствовать себя «не таки-

ми одинокими» в этом мире, но на самом деле мы это делаем, чтобы чувствовать себя особенными. Я не винила в этом Нору. Если честно, я просто ненавидела ее за то, что она меня опередила. В другой версии этой истории я первая опубликовала бы статью в «Тин Вог». И в этой версии именно я получала бы восторженные отзывы совершенно незнакомых людей. Приходя домой, я отмечала бы, что число моих подписчиков опять выросло, и оно росло бы то тех пор, пока социальный капитал не убаюкал бы меня в своих объятиях. В нашем мире ты никто без солидной армии подписчиков.

— Я не верю, что ты напишешь обо мне правдиво, — сказала я. — Не доверяю тебе — и точка.

— Боишься, что я расскажу всем, как ты меня преследуешь? — спросила она.

Ну это уж было явное преувеличение. Я не преследовала Нору. Я только предлагала ей альтернативный взгляд, отличный от мнений подпевал, окопавшихся у нее в комментариях. Я пыталась, снимая слой за слоем, добраться до сути, показать, кто она на самом деле и на что способна. Но мне не хотелось объяснять ей это. Мне казалось, что все сказанное мною будет искажено и переиначено. Что, сидя напротив

меня, она уже мысленно пишет введение к своей следующей статье, как дешевая журналистка из «Нью-Йорк таймс»: «Любовница моего бывшего заказала „Гиннесс“ и потягивала его, не сводя с меня глаз. У меня было столько вопросов к ней. Первый был: „Зачем?“»

— Я тебя не преследую. — Я залпом допила остаток пива. — Просто я единственная, кто с тобой честен.

— Ты прислала мне больше шестидесяти сообщений с анонимного аккаунта, — настаивала Нора, — и несла там всякую чушь.

Неужели я отправила шестьдесят сообщений? Да, комментировать ее посты с закрытого профиля вошло у меня в привычку, да что там, это даже стало моим хобби, но я уж точно не могла отправить так много сообщений. И зачем она вообще их считала? Либо собирала на меня компромат, либо, несмотря на свалившуюся на нее микрославу, ей было очень скучно.

— Ты повела себя отвратительно, — сказала я, — и я хотела, чтобы ты это уяснила.

В своем эгоизме Нора не пощадила ни меня, ни Генри, ни его семью. Ей не приходило в голову, что и мне есть что предъявить Генри? Он и мне лгал. Если у кого и было право высказаться и по-

лучить волну общественной поддержки, так это у меня… а не у Норы. У Норы было все. Хорошая работа, постоянный круг друзей, любящая семья. А еще любимый лабрадор и от природы прямые волосы. Весь мир лежал у ее ног. А у меня не было ничего, и при этом от меня ожидали, что я буду молчать об их с Генри проступках. А ведь я сдерживала желание плохо отзываться о мертвом, я была послушной девочкой.

— Возможно, я повела себя неидеально, — наконец уступила Нора.

Я удивилась, что она взяла на себя хоть какую-то ответственность. Пока Нора пила, я внимательно изучала ее лицо, пытаясь понять, не издевается ли она надо мной, но она выглядела усталой. Интересно, это потому, что ее мучает чувство вины, или на нее так подействовало столкновение с обратной стороной популярности в сети? Возможно, у нее были и другие кибербуллеры, кроме меня. Возможно, ей было больно оттого, что семья Генри отвергла ее. Возможно, она и не была убийцей, а тупо заполняла пустоту, оставленную Генри в ее жизни, вниманием незнакомцев из Интернета. Передо мной как будто открылась раздвижная дверь, и мне показали реальность, в которой мы с Норой могли бы быть подругами. Я

представила себе, как мы смеемся вместе в баре, а потом идем в «Таргет» покупать свечи. Я пока не знала, как все сложится, но, возможно, мы с ней могли бы поладить. Я поманила бармена, чтобы он принес еще выпивку. На этот раз я заказала два шота и большой бокал вина для себя.

— Ты ведь умеешь пить? — спросила Нора.

— На что ты намекаешь? Хочешь сказать, что я алкоголичка?

Я что, в самом деле произвожу на людей такое впечатление?

— Я не это имела в виду, — пошла на попятную Нора.

Я отмахнулась, сказав, что оплакиваю своего парня, а теперь еще и работу. И если мне сегодня хочется выпить чуть больше обычного, то что ж, мне теперь терять нечего. Нора кивнула, словно понимала меня, хотя заметно вздрогнула, когда я упомянула «своего парня»:

— Он нам обеим изрядно жизнь подпортил, скажи?

Я с опаской посмотрела на нее:

— Не для протокола?

Она кивнула:

— Не для протокола.

— Ага. Он нам обеим поднасрал.

В принципе, я допускала возможность, что Нора была не злобная и жадная до славы ведьма, не убийца, а нормальный человек, обладающий эмпатией, — как я. Или, возможно, это ловушка, в которую она надеялась меня заманить, способ выудить из меня побольше информации, чтобы затем использовать ее как оружие для нанесения решающего удара.

— Какова твоя конечная цель? С этой статьей? — спросила я.

Нора ответила не сразу:

— Мы могли бы быть откровенны друг с другом. И если это поможет другим людям… что ж, отлично.

— А если я не захочу участвовать в твоем интервью… что тогда? Ты скажешь полиции, что я закидывала тебя сообщениями? Что я тебя преследовала?

— Нет. — Нора нахмурилась. — Это не угроза. Ничего такого… Просто… тебе, возможно, тоже есть что сказать.

Я спрашивала себя, могу ли доверять ей. Я была честна лишь с немногими людьми в своей жизни. Пожалуй, с мамой — но и то не в последнее время. Только сегодня утром я рассказала маме, что ежедневно работаю волонтером в приюте

для бездомных животных, а мой адвокат Гектор пригласил меня на свидание. Она обрадовалась, сказала, что мы будем прекрасной парой. Но это ведь не ложь, верно? Это всего лишь невинные фантазии. Просто чтобы она не волновалась за меня. Каждая моя «ложь» имела конкретную цель. Я постоянно угадывала потребности окружающих и подстраивала свою реальность под то, что им хотелось услышать. Я оказывала всем услугу. И Нора на самом деле не хотела слышать правду. Может, ей и понравилось бы сидеть со мной в баре, выпивать и смеяться над тем, что у Генри кривой член и мы обе это знаем, но она не хотела, чтобы я была с ней честна до конца. И знать, что я мечтаю реализовать сценарий фильма «Без лица» — украсть ее лицо и нежиться в лучах ее сиюминутной славы, — ей не нужно. Норе, да и, честно говоря, всем остальным, хотелось тщательно отредактированной версии правды. Их правда должна быть упакована в подарочную бумагу и перевязана ленточкой. Моя же напоминала протекающий картонный пакет, задержанный таможней как раз перед тем, как у него оторвалось дно.

— Кстати, почему ты назначила мне встречу именно здесь? — прервала мои мысли Нора.

Я вдруг поняла, что пялюсь на ступню Норы. Ничего такая нога. Нора могла бы заработать пару тысяч, обмакнув ее в арахисовое масло и продав контент на подходящих сайтах.

— Хотела позлить тебя, — сказала я, решив испытать ее дозой правды.

Нора улыбнулась:

— Я так и поняла.

Мы немного помолчали.

— Ты скучаешь по Генри? — спросила я.

Нора глубоко вздохнула:

— Мы очень долго были вместе. Я думала, мы поженимся. Я в каком-то смысле выросла вместе с ним. Стала взрослой вместе с ним. А теперь я поняла, каково это — быть взрослой без него. Это ужасно, но, если честно, появилось… чувство свободы, что ли. Словно открываешь себя заново.

Вот это да! Когда умирает любимый человек, не принято признаваться, что отчасти ты даже рада этому. Как такая благопристойная девица, как Нора, решилась на подобную откровенность? Зачем она сказала мне это? Может, она считает меня таким барахлом, что ей не важно мое мнение? Я ничего для нее не значу, так что она ничем не рискует.

— Вы часто ссорились? — Надо было успеть за-

дать еще несколько вопросов, пока она уязвима.

Нора снова глубоко вздохнула:

— В последнее время — да. Я много работала. Много ездила. Мне кажется, когда живешь с кем-то долго, он видит тебя в тысяче разных версий, и они иногда плохо сочетаются друг с другом, ты согласна?

Я кивнула, хотя никогда не была с кем-то так долго, чтобы пройти вместе несколько жизненных этапов. Отношения с Генри были самыми длительными в моей жизни — целых четыре месяца.

— Ты знала обо мне? — спросила я, жалея, что не установила телефон на запись на случай, если этот ответ понадобится, чтобы уличить ее. — До того, как он умер, я имею в виду.

Нора фыркнула:

— Нет. Узнала бы — послала бы его.

Я внимательно изучала ее лицо, пытаясь понять, не врет ли она. Нора казалась искренней, по крайней мере на первый взгляд. Она посмотрела мне в глаза:

— Знаешь, я тебя не понимаю. Ты явно меня ненавидишь, но при этом не хочешь оставить меня в покое. Зачем ты вообще согласилась прийти?

Я и сама удивлялась. Да и подходило ли слово «ненависть» для описания моих чувств к Норе? Я испытывала нечто большее, чем просто ненависть. Мне было досадно, что мир так по-разному вел себя с ней и со мной как до, так и после смерти Генри. Возможно, меня мучила зависть, но и это слово не совсем подходило. Я не хотела быть похожей на Нору, но хотела, чтобы люди относились ко мне так, как будто я на нее похожа.

Я сделала еще один большой глоток и стала ждать, когда во мне, подобно изжоге, вскипит решимость. И дождалась.

— Такие, как Генри, всегда выбирают таких, как ты. Сначала ты его девушка, потом жена, потом мать его детей, если захочешь. У меня такого никогда не было. Мне не дано. Я думала, что с Генри получится, но потом все пошло к черту. Мужчины готовы со мной на любые эксперименты в сексе, а вот к серьезным отношениям не готовы. Это для них все равно что прыгнуть выше головы. — Я сглотнула. — Так что да, такие, как ты, меня бесят. Хотя не уверена, что это можно назвать ненавистью.

У меня закружилась голова от собственного признания. Выпив, я лишалась тормозов и уже не контролировала свои действия и высказыва-

ния. Удастся ли взять назад то, что я сказала, или обратить все в шутку? Я что-то слишком разоткровенничалась.

Нора опустила глаза и отпила из своего бокала.

— Хочешь, пойдем ко мне? — наконец произнесла она.

Это была ужасная идея, но я сказала «да».

Глава двадцать шестая

Нора показывала мне свою квартиру так, будто я никогда не была здесь раньше. В каком-то смысле ее присутствие действительно вносило некоторую новизну. Она обратила мое внимание на вещи, которые Генри не пришло в голову мне показать, — например, подставку для обуви и медную вешалку за дверью. После смерти Генри Нора переставила мебель в гостиной и добавила на диван еще несколько декоративных подушек. В результате пространство превратилось из оригинальной холостяцкой берлоги в теплую и уютную девичью квартирку. На журнальном столике стояла свеча в форме обнаженной женщины. Возможно, Генри, пригласив меня зайти, спрятал все признаки того, что здесь, кроме него, живет и его девушка. Неужели он все просчитал? Нора предложила мне воды, и я согласилась, втайне надеясь, что позже она предложит и что-нибудь покрепче.

— Ты передвинула диван, — небрежно заметила я.

Нора замерла с двумя стаканами воды в ру-

ках. То, что я уже бывала у них в квартире, явно стало для нее новостью. Я в режиме реального времени наблюдала, как она переваривает эту информацию. Сейчас уронит стаканы? Уж очень не хотелось помогать ей убирать осколки стекла. Но она успешно донесла оба стакана и аккуратно поставила их на стол.

— Сколько раз ты здесь была? — спросила она.

— Пару раз, — ответила я.

Я была здесь только однажды, но мне хотелось дать Норе понять, насколько серьезно все было у нас с Генри. Им двигала не сиюминутная прихоть, о которой на следующий день горько сожалеют, а осознанный выбор, который он делал снова и снова. Допустим, инициатива исходила от меня, но он отвечал взаимностью. Если бы я с самого начала знала то, что знаю сейчас, как бы я поступила? Возможно, воздержалась бы от проклятия. Но если бы я знала о Норе, стала бы я мутить с Генри? Хотелось бы думать, что нет, но я не была уверена. Даже сейчас в глубине души я все еще считала, что она ему не пара. Теперь не было нужды с ней соревноваться — объекта нашей привязанности больше нет на свете, — но мне до сих пор хотелось показать ей, почему я подхожу ему больше, чем она.

Нора села и отпила воды, она еще не оправилась от потрясения.

— Как давно у тебя эти подушки? — спросила я, поднимая оранжево-розовую, цвета тающего заката.

— Не помню. Несколько лет… Они из «Хоум гудс»[20] вроде, — ответила Нора, поверив, что меня заботит ее интерьер.

— Он убирал их, когда я приходила. — У Норы отвалилась челюсть, как ручка у сломанных щипцов для орехов. — Они мне нравятся… — добавила я, бросая ей кость.

Я посмотрела на открытую дверь второй комнаты. Это был кабинет.

— Он сказал мне, что это комната его соседа по квартире. — Я указала на дверной проем.

— О боже, — выдохнула Нора.

Я встала и подошла к бару — налить себе выпить. Нора была удивлена тем, что я так свободно чувствую себя на ее территории. Она бессильно откинулась на диван, словно сдавшись.

— Тебе чего-нибудь налить? — спросила я.

---

[20] Примечания: 20

«Хоум гудс» — американская сеть магазинов товаров для дома. Позиционирует себя как магазин «off-price» (продажа вне сезонных распродаж) и ежедневно предлагает популярные бренды и уникальные товары для обустройства дома по ценам на 20–50 % ниже, чем в обычных магазинах.

— Того же, что и себе… — ответила она дрогнувшим голосом.

Я боялась, что она вот-вот заплачет. Лучше бы не надо. Я не умею утешать: обычно я безвольно кладу человеку руку на плечо и говорю: «Поплачь, поплачь…» — пока он не сжалится над нами обоими и не прекратит. Я протянула Норе стакан с олд-фешен[21] и села рядом.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Давай просто напьемся, — сказала она.

Наконец-то мы поняли друг друга.

* * *

После двух олд-фешен мы с Норой, уже пьяненькие, обменивались историями. Она пообещала не использовать ничего из сказанного мной в будущей статье, и почему-то я решила ей поверить. Нора пьянела быстрее, чем я, и алкоголь превращал ее грусть в дурашливость. Мы обсудили самые разные темы: от наших семей и выражения лица Генри в момент оргазма до того, как она тайно ненавидит свою работу ивент-менеджера. Я поняла, что мне, в общем, не противно прово-

[21] Примечания: 21

Олд-фешен (от *англ.* old fashioned — старомодный) — классический алкогольный коктейль, один из старейших в мире.

дить с ней время, и тут же разозлилась на себя за эту мысль: если мне нравится проводить с ней время, значит и Генри нравилось.

— Иногда я словно вижу его в квартире, — сказала Нора. — Я замечаю краем глаза какую-то тень, и мне кажется, что это он.

Может, нас преследует призрак Генри? Может, он сейчас здесь, наблюдает, как его девушка и любовница сидят рядом и делятся впечатлениями о его члене. Я мысленно попросила призрак Генри подать нам знак — постучать по стене, ударить по батарее, — но ничего такого не произошло. Наверное, он предпочел являться коллеге, которая получила повышение вместо него.

Нора повернулась ко мне всем телом и с любопытством меня оглядела.

— По-твоему, мы хоть чем-то похожи? — спросила она.

Ну, как сказать. Мы обе с Норой светлокожие. У нее белокурые волосы, у меня — рыжевато-каштановые. Она выглядит так, будто ее создали в фирме «Маттел»[22], а я — словно меня нарисовал

---

[22] Примечания: 22

«Маттел» — американская компания по производству игрушек, занимающая второе место в мире по объему выручки (уступая только «Лего»). Основана в 1945 году и наиболее известна такими культовыми брендами, как «Барби», «Хот вилс» и «Фишер-прайс».

на «Девиант-арт» депрессивный подросток. Мне не казалось, что мы хоть сколько-нибудь похожи, но сейчас, когда она расслабилась, выражение ее лица напомнило мне мое.

— Да не то чтобы, — сказала я.

— Я тоже так думаю. Мне просто… жутко любопытно, как это у вас… было.

— В каком смысле?

Нора поерзала на диване. Она отпила из бокала, набираясь смелости задать вопрос, который не давал ей покоя.

— Не знаю… — Она замолчала. — Ты сказала, что он считал, будто ты лучше меня в постели, — неуверенно проговорила она.

Я совсем забыла об этом. Я так сказала тогда, желая уязвить Нору, и, очевидно, это сработало. Мои слова пульсировали в ней, как нарыв, распространялись подобно инфекции, и одним из осложнений этой болезни стало разрушение ее уверенности в себе. Она завидовала мне. А почему бы, в конце концов, мне не превосходить ее хоть в чем-то? Возможно, я была недалека от правды. Нора жила с одним и тем же мужчиной с колледжа, они наверняка использовали одни и те же три-четыре позы, придерживались «программы» и никогда не меняли «план урока». Я

же всю свою взрослую жизнь провела одна. Я постоянно приспосабливалась к разным телам и характерам, изучала каждого нового партнера, узнавала, что его заводит. Конечно, я была в постели лучше Норы.

— Ну, это с тобой у него были настоящие отношения, — сказала я, решив подсластить ей пилюлю.

В каком-то смысле так и было. Ее отношения с Генри были легитимны в глазах других — его друзей и семьи. А мои с ним отношения существовали лишь в стенах моей квартиры, под покровом темноты. Возможно, оргазмы у Генри со мной были ярче, но зато она имела право появляться с ним на людях. Я посмотрела на Нору. Она широко раскрыла глаза и нервно теребила свой браслет. Может, эти провокационные вопросы были ее способом заигрывать со мной? Может, у нее романтические чувства ко мне? Поэтому она и зазвала меня сюда? Что ж, возможно, я смогу доказать Норе, что все ее худшие опасения о том, что я лучше в постели, были не беспочвенны. И тогда она поймет, почему меня любил Генри. Прежде чем я успела изобрести причины, по которым не следовало этого делать, я наклонилась и поцеловала ее. Даже более страстно, чем

рассчитывала.

Нора тут же отпрянула:

— Что ты делаешь? — потрясенно спросила она.

— А на что, по-твоему, это похоже?

Я давно поняла: когда совершаешь что-то сомнительное, надо вести себя так, будто твой поступок не просто нормален, но и очевиден. Тогда люди обычно принимают то, что ты делаешь.

— Ты спрашивала, лучше ли я в постели. Может, хочешь сама проверить?

Нора нахмурилась. Я поняла, что ей, конечно, хотелось бы проверить из чисто антропологического любопытства, но, видимо, она все-таки была слишком гетеросексуальной.

— Ты натуралка? — спросила я.

— Вообще-то, да, — сказала Нора, видимо не веря до конца, что традиционная сексуальная ориентация делает ее менее привлекательной (еще как делает).

— Ладно, как знаешь. — Я откинулась назад, потеряв к ней интерес.

У меня не было сил предпринимать что-то еще. Может быть, я и смогла бы уговорить Нору попробовать, если бы действительно захотела, но это потребовало бы значительных усилий. Мало того

что женщин вообще труднее соблазнить, чем мужчин, так еще пришлось бы доказывать Норе, что я лучшая, то есть сосать и лизать, пока она не забудет, как ее зовут. Обычно я справляюсь, но от алкоголя и разговоров у меня отяжелели руки и ноги и заболела голова. К тому же, когда я снова оказалась в этой комнате, у меня почему-то пропало всякое желание заниматься сексом. Возможно, это призрак Генри поработал.

— Мне кажется, у тебя проблемы, Лиллиан, — наконец сказала Нора.

Я фыркнула. Мне захотелось перечислить все ее проблемы, но я решила, что уже раскрыла эту тему в своих сообщениях. Я приписала ей все возможные расстройства личности и разобрала ее по косточкам, не оставив без внимания ни одной детали. Сейчас я смотрела на нее и в очередной раз задавалась вопросом, могла ли она убить Генри. Мое сердце забилось чаще.

— Ты когда-нибудь делала ему больно? — спросила я.

Нора приподняла бровь:

— Кому? Генри? Я тебя умоляю!

— У тебя был мотив, — настаивала я.

— Как и у тебя, — усмехнулась Нора.

— Где ты была в ночь его смерти?

Уголки моего рта дернулись в подобии улыбки — уж больно дико всегда звучит этот вопрос.

— Выпивала с коллегами, а потом пошла домой… о чем и рассказала в полиции, и данные геолокации моего телефона это подтвердили, — сказала Нора. — Ты же на самом деле не веришь, что это я его убила, верно? Иначе ты бы не пришла сюда.

Я вспомнила свое первое свидание с Генри — одинокому вечеру дома я предпочла встречу с незнакомым мужчиной. Смогу ли я объяснить Норе, что иногда сама мысль о том, что в моей жизни что-то произойдет — пусть даже плохое, — для меня привлекательнее, чем ожидание очередного дня, в который не произойдет ничего?

— Не знаю, — уклончиво сказала я.

Нора зевнула:

— Ладно, не важно. Лиллиан, мне нужно спать.

Я встала, решив, что это намек на то, что мне пора уходить.

— Можешь остаться переночевать, — сказала она и добавила: — если ты пьяная.

Это что, ловушка? Я проснусь посреди ночи с подушкой на лице? Или Нора включит газ и сбежит? Пригласит меня на пижамную вечеринку, с которой нельзя уйти? Или она передумала и все-

таки хочет заняться со мной сексом? И нельзя ли мне сварить себе эспрессо, прежде чем показать себя отличной любовницей? Нора встала, прошла в спальню, переоделась в пижаму, не закрывая дверь. Она забралась в постель, а я осталась сидеть на диване, гадая, что же делать. Спать здесь? Пойти в спальню? А если пойти, то лечь с ней валетом или рядом? Стоит ли снова попытаться ее поцеловать? Я открыла приложение и проверила цены на «Убер». Поездка до дома обошлась бы мне в тридцать шесть долларов. Может, стоит остаться? Если она убьет меня, это, по крайней мере, подтвердит, что она убила Генри. Я буду мертва, но общественное мнение изменится, и меня похоронят героиней.

Я встала и пошла в спальню. Нора даже не смыла макияж, прежде чем лечь в постель. Глаза ее были закрыты, она почти спала. Я прошла в ванную и умылась. Меня утешала мысль, что завтра Нора проснется с прыщиком, а я — с чистой кожей, и я стану хоть чуточку, но лучше нее. Я воспользовалась зубной щеткой Генри. Нора ее еще не выбросила — сентиментальность, которая заставила меня усомниться, что у нее хватило бы духу убить его. На двери ванной висело полотенце с монограммой «Г», о котором она

упоминала в своей статье для «Тин Вог». Значит, она не солгала, сказав, что хранит его. Я понюхала полотенце. От него пахло плесенью и лосьоном после бритья.

Когда я вернулась в спальню, Нора уже размеренно и глубоко дышала. Я подошла к кровати и постояла над ней, ожидая, что она проснется, но она не просыпалась. Я взяла одну из подушек и вдруг подумала, а не положить ли ее Норе на лицо. Всего на несколько секунд, просто в шутку. Конечно, я не стала бы убивать ее, но ее реакция, вероятно, показала бы, убийца ли она сама. Я представила, как она в панике вскакивает, набрасывается на меня, швыряет меня на пол и душит. Нет, я слишком устала и слишком много выпила, чтобы экспериментировать. Я положила подушку обратно на кровать и легла рядом с Норой.

Спустя мгновение Нора открыла глаза и посмотрела на меня:

— Я имела в виду, что ты можешь спать на диване.

Откуда мне было это знать? Она не уточняла, где именно я могу спать. Я вскочила, чтобы встать с кровати, но в последний момент она схватила меня за руку:

— Не важно, все в порядке, Лиллиан, — успоко-

ила меня она. — Можешь остаться.

Я снова легла и устроилась поудобнее.

Нора повернулась ко мне:

— На самом деле ты ведь не боишься меня, правда?

— Не знаю, — устало выдохнула я. — Вроде нет.

Нора вздохнула:

— Мне захотелось его убить, только когда он уже был мертв, — пьяно пробормотала она.

Почему-то я ей поверила. Спустя некоторое время Нора снова задышала ровно. Я обняла ее одной рукой сзади, представив себя Генри, прижалась к ее ягодицам, закрыла глаза и быстро уснула.

Впервые за несколько недель я хорошо спала.

Глава двадцать седьмая

В семь утра зазвонил телефон Норы и разбудил нас обеих. Солнце еще только всходило, вся комната тонула в мягком сизо-сером свете. Нора резко села в постели, увидев имя звонящего, схватила телефон с тумбочки и быстро высвободила свои ноги, переплетенные с моими.

— Кто это? — прошипела я, но она шикнула на меня.

Она говорила тихо, почти шепотом, постоянно кивала и повторяла «хорошо» с очень серьезным выражением лица.

— Ого! В том же баре вчера вечером? — переспросила она.

Мне хотелось сказать Норе, чтобы она включила громкую связь и я тоже могла слышать разговор. Это даже невежливо — скрывать от меня новости, когда я сижу в полуметре от нее. Интересно, как отреагировал бы Гектор, увидев меня в одной постели с Норой в их с Генри квартире. В конце концов, он сам посоветовал мне проводить больше времени с людьми, а уж с кем именно — не ему решать.

— И что вы будете делать? — спросила Нора.

Они определенно говорили об убийстве Генри! Значит, появилась новая информация, и следователь позвонил Норе. По-моему, было бестактно с их стороны не позвонить и мне, хотя бы из вежливости. Видимо, в списке для обзвона мой номер шестнадцатый. Или же полиция намеренно оставила меня в неведении, потому что сведения каким-то образом затрагивали меня? Я вглядывалась в лицо Норы в поисках ответов, видела, как у нее загорелись глаза от услышанного, но телепатией я не владела. После еще нескольких сдержанных «хорошо» она положила трубку и наконец посмотрела на меня.

— Вчера вечером какой-то бомж напал на парня возле того же бара, где убили Генри, — мрачно сказала Нора.

— Вот черт. А зачем? — Я тоже села в постели.

— В смысле?

— Ну, почему бомж напал на того другого парня?

Нора удивленно моргала, видимо, не понимая, что у бомжа тоже могут быть мотивы вести себя так или иначе. Возможно, его спровоцировали. Окажись я на улице в такой мороз, я бы колола в вены все что ни попадя и затевала драку с

каждым, кто носит резиновые сапоги от «Хантер бутс». Не то чтобы я защищала бездомных, просто я знала, что на их месте злилась бы еще сильнее.

— Я не знаю подробностей. Но полиция считает, что это может быть тот же человек, который ударил ножом Генри. Они взяли его, — сказала она.

— За убийство Генри?

— Нет. За инцидент прошлой ночью: нападение с применением оружия при отягчающих обстоятельствах.

— Черт. У него что, был нож?

— Они говорят, он бросил в того парня камнем.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Как это нелепо — сажать человека в тюрьму за то, что он бросил камень.

— Семья Генри собирается подать на него в суд? — спросила я, все-таки удержавшись от смеха.

— Ну, без орудия преступления нельзя полностью подтвердить его причастность к делу Генри, так что нет, не собирается. По крайней мере, пока. Но полиция считает, что он наиболее вероятный подозреваемый, — сказала Нора. — Управляющий баром и несколько завсегдатаев сказали, что в ночь смерти Генри тот бомж тоже там крутился и скандалил.

Я пыталась осмыслить информацию. Итак, убийство Генри раскрыто. Или ни фига не раскрыто, но полиция все равно закроет дело. Мне больше не придется с ними разговаривать. Мне больше не нужно видеться с Гектором. Все это позади.

— И что ты чувствуешь? — спросила Нора.

— Странно. Я думала, что будет более ясный мотив, — сказала я.

— Да, я тоже. Честно говоря, мне иногда казалось, что это сделала ты.

Я рассмеялась:

— И все-таки ты разрешила мне переночевать?

Нора пожала плечами:

— Наверное, у меня тоже плохо развит инстинкт самосохранения.

Кто знает, возможно, у нас с Норой больше общего, чем я готова была признать раньше. По крайней мере, нас объединяло болезненное любопытство друг к другу, даже если общение ранило наши чувства или грозило нам опасностью. Ни одна из нас не знала, что делать дальше. Связь между нами таяла на глазах. Нора продолжит жить своей жизнью. Еще несколько месяцев она будет качаться на волнах интернет-славы, а потом, когда пройдет время — месяцев восемь

или год, — начнет встречаться с очередной версией Генри. Года полтора они будут ходить на свидания, а потом заживут вместе. У них родятся светловолосые дети, и она выйдет замуж в каком-нибудь старом бостонском заведении, например в Музее Изабеллы Стюарт Гарднер или в Соборе Святого Креста. Все будут восхищаться ее мужеством, ведь она пережила такую ужасную утрату, а семья Генри простит ей, что она ославила их сына, отомстив ему за то, что он совал свой член в кого-то еще, кроме нее.

У Норы все скоро наладится.

Возможно, и я выберусь из этой истории благополучно. Меня не будут судить за убийство — это хорошая новость. В конце концов я верну себе расположение Кэндис, и Джейми тоже меня простит. Я проглочу свою гордость и зарегистрируюсь в «Бамбле», но искать буду друзей, а не любовников. И стану девушкой, которую подружки зовут по понедельникам смотреть «Холостяка». А потом встречу парня, который будет заниматься каким-нибудь «бизнесом». У него будет собственная квартира. Я стану его единственной девушкой. Мы будем унижать друг друга в спальне, но не на людях. Через три года мы поженимся. Незадолго до свадьбы дальние

родственники моего покойного отца свяжутся со мной, чтобы сообщить, что я унаследовала крупную сумму. На эти деньги мы с будущим мужем купим дом. Детей у нас не будет, мы продолжим заниматься сексом для удовольствия, а не для продолжения рода. В сорок с небольшим мы займемся сексом втроем с женщиной помоложе, и после этого мой муж скажет мне: «Ты мне нравишься гораздо больше, чем она, детка». Да, у меня тоже все наладится.

Нора выбралась из постели и начала одеваться. У меня появилось тревожное чувство. Это напомнило мне последнюю неделю в универе, перед самым выпуском: то состояние неопределенности, когда знаешь, что твоя жизнь меняется, но не знаешь, к лучшему или к худшему. Когда я выйду из этой квартиры, меня больше никогда не позовут обратно — на этот раз точно. Мне придется зайти на «Зиллоу»[23], найти объявление о продаже и, глядя на фотографии, предаться воспоминаниям о времени, проведенном здесь. Эта глава моей жизни заканчивалась, хотела я того или нет.

---

[23] Примечания: 23

«Зиллоу» — американский онлайн-портал о недвижимости и сопутствующих услугах; один из самых популярных в США сайтов для поиска и аренды жилья, а также исследования рынка недвижимости.

— Не хочешь позавтракать перед уходом? — спросила Нора.

Я понимала, что ей не терпится выставить меня, но сейчас она исполняет ритуал, так называемое «послепроектное обслуживание». Некоторые мужчины, с которыми я спала, так делали. Накормит меня по-быстрому — скорее всего, это будет кофе с рогаликом, — потом постоит в дверях, пока я не спущусь на один лестничный пролет. Интересно, не жалеет ли она, что впустила в дом чужого человека. Не боится ли, что я встану здесь лагерем и никогда не уйду. А может, я так и сделаю.

— Конечно, — сказала я, — я бы поела.

* * *

Мы сидели за кухонным столом, ковырялись в мюсли и прихлебывали кофе. Когда я доела, Нора без слов взяла мою миску и принялась мыть ее в раковине. Я пила кофе как можно медленнее, он стал теплый, а потом и вовсе холодный.

— Генри хорошо к тебе относился? — спросила я.

Нора повернулась ко мне и вытерла руки кухонным полотенцем.

— Вообще-то, он мне изменял, — напомнила

она.

— Ну, я не про то.

Нора задумалась:

— В основном, да. Мы ссорились, и он иногда делал глупости. Но в общем он хорошо ко мне относился, — ответила она.

Я взглянула на дверь в спальню. В памяти мелькнуло, как Генри вносил меня туда на руках. Кофе у меня в желудке сердито забурлил, накатила волна тошноты.

— Он однажды… вроде как изнасиловал меня, — сказала я, сама удивляясь собственным словам. Но когда они вырвались у меня, я осознала, что это правда.

Нора замерла, все еще стоя лицом к раковине.

Сердце забилось чаще. Промелькнуло воспоминание о том, как мою голову вдавили в матрас. Но ведь мы с Генри были парой, постоянно расширяли сексуальные границы — мы оба были за бурю и натиск, верно? Может быть, я излишне драматизирую то, что произошло? Зря я сказала Норе. Мне вовсе не хотелось выглядеть жертвой или, хуже того, лгуньей. Да, я много лгала, но мысль, что мне не поверят в этом конкретном случае, была невыносима. Я ждала, что Нора раскроет рот от изумления и воскликнет: «Генри

никогда бы так не поступил!» — что она станет оправдывать своего покойного бойфренда, скажет, что это недоразумение или что это мне по пьянке показалось.

Вместо этого она повернулась, подошла и села рядом со мной за столом.

— Он и со мной однажды в колледже это проделал, — бесстрастно произнесла она. — Он был пьян, и это случилось всего один раз, но… да. Неприятно вспоминать.

Я выдохнула, во мне как будто отозвалась ее история, я почувствовала этот отзвук всем телом. Я не стала спрашивать Нору о подробностях, и она тоже ни о чем меня не спросила. Нам не нужно было сравнивать наши впечатления. Мы не извинялись за бестактность и не произносили всю ту фальшивую чушь, которую люди обычно выдают, когда говоришь им, что тебя изнасиловали или почти изнасиловали. Мы не призывали друг друга «взять себя в руки» или постфактум разоблачить насильника, не спрашивали друг друга: «Обращалась ли ты потом к специалисту?» Нам не нужно было называть это травмой или ПТСР, предлагать хорошую книгу о том, как жить с этим дальше. Нам обеим просто нужно было произнести это вслух, чтобы кто-то другой

услышал.

Я допила кофе. Нора взяла мою чашку и ополоснула ее. Закончив с посудой, она вымыла руки и не спеша вытерла их. Побрызгала в раковину чистящим средством и слегка прошлась губкой. Когда она закончила, мы не спеша вышли в гостиную. Она протянула мне пальто. Я присела на край дивана, чтобы обуться и сообразить, что бы еще сказать.

— Ты напишешь об этом? — спросила я.

— Скорее всего, нет, — ответила она.

Я не могла отделаться от чувства, что в каком-то смысле это оскорбительно по отношению ко мне.

— Может, мы могли бы увидеться снова, — предложила я, подойдя к самому краю и понадеявшись, что Нора последует за мной.

Я снова на мгновение увидела нас подругами: как мы ходим вместе на дневные сеансы в кино, ужинаем — заказываем несколько разных блюд, чтобы потом поделить порции на двоих. Я представила, как мы сидим летом на террасе, потягивая Апероль-шприц, как мелькаем друг у друга на заднем плане в сторис. Я видела, как мы вместе существуем в этом мире, и вовсе не Генри связывает нас.

Нора колебалась.

— У меня сейчас на работе сумасшедший дом. Не продохнуть. Но да… может, как-нибудь выпьем кофе или типа того, — сказала она уклончиво.

«Выпьем кофе»? Более пресного сценария и не придумаешь. Кофе пьют на деловых встречах и на свиданиях, которые не хочется затягивать дольше сорока минут. Кофе — это чтобы «пересечься». Кофе — это для друга твоего двоюродного брата, который приехал в город на несколько дней, а не для той, с кем ты делила парня и постель. «Выпьем кофе» — это все равно что: «Пошла ты!»

— Может, назначим день? — спросила я, вздрогнув от ноты отчаяния в собственном голосе.

— Э-э… давай действовать по обстоятельствам.

Я сжала кулак, чтобы не закричать, и впилась ногтями себе в ладонь. Нора переминалась с ноги на ногу. Было очевидно, что она ждет не дождется, когда я уйду. Вот так же смотрел на меня Генри. Его взгляд говорил: «Пожалуйста, просто уйди по-хорошему». Самообладание спадало с меня, словно одежда, которая стала не по размеру. Мне хотелось схватить Нору за плечи и сказать ей, что я больше не хочу быть одна. Мне хотелось сказать ей, что завершение расследования меня пугает. Что если уж я не могу быть с Генри, то мне нужна

она. Мне нужен кто-то. Мне хотелось показать ей научные исследования о физическом контакте и о том, как он важен для нас, людей. Мне хотелось сказать ей, что, возможно, я отправила слишком много сообщений, но мы могли бы простить это друг другу — пройти через раздвижную дверь и выйти с другой стороны друзьями. Мы могли бы сделать больше, чем «выпить кофе». Но ничего этого я не сказала. Я достала из сумки телефон и сфотографировала комнату, даже не пытаясь скрыть это от Норы. Она осталась стоять в центре кадра с пустым выражением лица. Я знала, что мы никогда не выпьем вместе кофе. И что я никогда больше сюда не вернусь.

— До свидания, — наконец сказала я.

— До свидания, Лиллиан, — ответила она.

Я уже шагнула за дверь, когда Нора вдруг положила руку мне на плечо.

— Подожди. — Я обернулась, у меня перехватило дыхание. Значит, она не хочет, чтобы я уходила? И может быть, мы все-таки выпьем кофе. Может быть, это было не пустое обещание. — Это ты недавно напи́сала у меня на пороге? — спросила Нора.

Во мне закипела смесь стыда и разочарования. Я сглотнула.

— Конечно нет, — ответила я, покраснев до ушей, потом спустилась по лестнице и вышла на воздух.

Глава двадцать восьмая

Едва я вышла от Норы, позвонил Гектор, сказал, что у него есть новости и он хочет сообщить их мне лично, поэтому просит меня зайти к нему в офис сегодня же. Я не стала говорить ему, что знаю о закрытии дела. Гектор не одобрил бы моего времяпрепровождения с Норой. К тому же это мог быть мой последний шанс увидеться с ним.

Гектор вовсе не выглядел таким довольным, как я ожидала, учитывая положительный исход нашего дела. Я почти надеялась, что мы отпразднуем это. Я представляла, как Гектор покупает мне торт с надписью «Ты свободна» и картинкой, на которой Марта Стюарт[24] выходит из тюрьмы. Но никакого торта не было, и никаких признаков праздника тоже. Гектор предложил мне сесть и налил воды — жест, которого он не повторял с нашей первой встречи. Когда я села, он, тяжело

---

[24] Примечания: 24

Марта Стюарт (р. 1941) — знаменитая американская бизнесвумен, телеведущая и писательница. В 2004 году она была приговорена к пяти месяцам тюремного заключения за дачу ложных показаний и препятствование правосудию по делу о спекуляции акциями. После освобождения в марте 2005 года запустила новое телешоу, а в 2006 году ее компания снова стала прибыльной.

вздохнув, сообщил мне то, что я уже знала от Норы. Он сказал, что не до конца уверен, что именно этот человек убил Генри, но полиция и семья Генри сочли совпадения достаточными, чтобы закрыть дело. У меня возникло ощущение, что Гектор разочарован, как будто он все-таки хотел, чтобы оно дошло до суда. Я гадала, связано ли это с тем, что он хотел чаще видеться со мной, или же такой результат поколебал веру моего адвоката в судебную систему в целом. Я решила, что, вероятно, имело место и то и другое.

— Нам нужно сделать что-то еще? — спросила я.

Гектор ответил, что нам осталось только обсудить финансовые дела. Он расписал все расходы, которые должна понести Джейми. Получился трехстраничный документ с перечислением всех оплачиваемых отрезков времени и краткими пояснениями к каждому пункту перечня. Оплачивались также транспортные расходы, связанные с визитами Гектора в полицейский участок. Общая стоимость услуг составила четыре тысячи восемьсот семьдесят три доллара и сорок четыре цента. Покажутся ли эти деньги Джейми большой суммой? Для меня это, несомненно, была большая сумма, но я не имела ни

малейшего понятия, сколько Джейми зарабатывает. Я напомнила Гектору, что гонорар ему следует списать с карты Джейми, он нахмурился, но заверил меня, что так и поступит.

Гектор сказал, что семья Генри скоро сделает официальное заявление. Я изо всех сил старалась изобразить сочувствие этой идее, хотя мне казалось поспешным во всеуслышание заявлять что-либо о преступлении, когда его связь с убийством Генри еще даже не доказана. Может, они устали добиваться настоящей справедливости и просто хотят жить дальше? Сестра Генри по-прежнему постила только про убийство брата, но я заметила, что ей это начинает надоедать. Ее активность в социальных сетях постепенно снижалась. Держу пари, она скучала по возможности запостить фотографии прочитанных книг и отфильтрованные селфи.

— Лиллиан, теперь, когда все закончилось, можно спросить вас кое о чем?

Неужели Гектор наконец-то пригласит меня на свидание? Я не сомневалась, что он счастлив в браке, но все равно согласилась бы. Конечно, Гектор подрастерял для меня привлекательность с тех пор, как мы начали работать вместе, но я могла бы пересмотреть свое мнение. Может, мы

даже поженимся, и я помогу ему переделать этот убогий офис. Моя мама была бы в восторге, если бы я вышла замуж за адвоката. Она бы сказала, что в кои-то веки спокойна за меня, что обо мне позаботятся; что мы как будто вернулись в пятидесятые, когда женщина могла не работать, потому что ее обеспечивал муж. Я ждала, когда Гектор сделает свой ход.

— Это были вы? Это вы убили Генри?

Я вытаращила глаза. Он что, серьезно?

— Вы имеете в виду, тем, что наслала на него проклятие? — спросила я.

— Нет… э-э… на самом деле? — Гектор сделал паузу. — По-настоящему убили.

Я поняла, что он задает этот вопрос не из любопытства. Он хочет подтверждения тому, во что уже верит: Гектор думает, что это я убила Генри.

— Элиза сказала мне, что вы взяли у нее таблетку амбиена той ночью… Она не уверена, что вы не выходили из дома. Она сказала, что входная дверь была не заперта, когда она проснулась на следующее утро, а дверь обычно забываете запереть вы, когда возвращаетесь выпивши, — добавил Гектор.

Вот же сука! А почему Гектор вообще разговаривал с Элизой? С какой стати он взял на себя

дальнейшее расследование этого преступления? Полиция не связалась с Элизой повторно, удовлетворившись одной беседой, так зачем Гектору понадобилось расспрашивать ее? Меня предали. Он сделал это за моей спиной. Я пробежалась глазами по документу, ища в нем графу с пометкой «предательство», но увидела только «опросы свидетелей».

— Я хотел убедиться, что у меня есть вся информация, поэтому поговорил с ней несколько дней назад, — объяснил Гектор.

— Гектор, я не убивала Генри, — твердо сказала я.

И при чем тут амбиен, интересно? Да, я могла под амбиеном переодеться и не запомнить этого или отправить пару сообщений в соцсетях и забыть об этом. Но я не могла проехать через весь город и убить своего парня под воздействием таблетки. Возможно, я хотела, чтобы Генри умер той ночью, возможно, пожелала ему смерти изо всех сил, но я не совершала убийства. Даже жаль, что полиция не занялась мной более серьезно. Если бы они выполнили свою работу добросовестно, Гектору не пришлось бы играть в Нэнси Дрю. Нет, после такого я точно не смогу пойти с ним на свидание. Я посмотрела на фотографии

семьи Гектора, стоявшие на его столе. Держу пари, придя домой, он каждый день рассказывал обо мне своей жене. Говорил ей, что защищает неадекватную двадцатидевятилетнюю белую девицу, но подозревает, что она-то и убила. И они смеялись надо мной, а его жена радовалась, что их дети не такие ущербные, как я. Гектор нарушал адвокатскую тайну, уплетая за ужином тунца и перемывая мне косточки. Я не знала, за что ненавижу Гектора больше: за то, что он считал меня виновной, или за ту жизнь, которую он вел, когда не общался со мной.

— Я просто должен был спросить, — сказал Гектор, словно речь шла о моем знаке зодиака, а не о совершении тяжкого преступления.

Он смущенно откашлялся и добавил, что вышлет копию счета как по почте, так и по имейлу и что я могу написать или позвонить ему, если возникнут вопросы по оплате. Он заверил, что не ожидает никаких осложнений, но, если что-то случится, у полицейских остался его номер. Гектор посоветовал мне держаться подальше от неприятностей и выразил надежду, что я скоро смогу вернуться к работе. После короткого прощального слова он вручил мне свою визитную карточку и сказал, что будет признателен, если

я поставлю его фирме пять звезд в базе отзывов «Елп».

Наше официальное общение было завершено, Гектор встал и протянул мне руку. Я руку проигнорировала и притянула его к себе, хотя в тот момент ненавидела его. Придется ему обнять меня. После того, как он только что обвинил меня в убийстве. Гектор напрягся и застыл, как восковая фигура, но не остановил меня и не отстранился. Я прижалась к нему своими маленькими сиськами и прошептала ему на ухо, что мне было приятно с ним работать. Через секунду он кашлянул и отступил назад. Я тянула с уходом сколько могла, и в конце концов Гектор наклонился над клавиатурой компьютера и сказал, что у него скоро встреча со следующим клиентом.

Я вышла от Гектора и поняла, что не знаю, куда себя деть. День простирался передо мной, словно океан, который мне предстояло пересечь без лодки. Был еще только полдень, и я не представляла себе, что буду делать, пока не придет время спать. Неужели это и есть депрессия? Твоя жизнь перестает подталкивать тебя вперед. Ты лишь ждешь, когда что-то наступит — сон или смерть, — в общем, то, что случится первым.

Я хотела было написать Джейми, но переду-

мала. Мы только что сняли с ее карты почти пять тысяч долларов. Наверное, лучше дать ей переварить это, прежде чем пытаться наладить отношения. Я перешла в профиль Норы: она вывесила фото полотенца Генри на двери ванной с подписью:

> Полиция сообщила, что закрывает дело. Я предоставляю родным Генри рассказать подробности, когда они сочтут нужным. Скажу только, что его трагическая смерть, по всей видимости, была случайным актом насилия. Теперь, когда дело закрыто, я задаюсь вопросом, как же мне наконец обрести душевное спокойствие. Я просто живу с этим, день за днем, и ваша любовь и поддержка помогают мне. Возможно, я еще не готова выбросить полотенце, но с каждым днем благодаря вам я становлюсь ближе к этому.

Мне захотелось написать комментарий от goblingirlxo и объяснить Норе, что она неверно толкует метафору «выбросить полотенце»: она означает вовсе не «двигаться дальше», а «сдаться». Вряд ли Нора в ближайшем будущем откажется от образа скорбящей возлюбленной.

Было совершенно очевидно, что она и дальше собирается качаться на волнах этого несчастья. Пока Генри был жив, ее личный бренд строился на их сплоченности как пары. Теперь, когда его не стало, она сделает акцент на его отсутствии. Она пойдет на подкаст Кейлор, будет там плакать, пока блондинка-ведущая не даст ей салфетку, которой Нора аккуратно промокнет под глазами, не испортив макияж. Наверняка что-нибудь скажет и обо мне. Какой бы белый флаг мы с ней ни подняли сегодня утром, он скоро пожелтеет.

Я отправила ей ссылку на ее же пост и написала:

> От полотенца воняет. Ты бы постирала его.

Я зашла в свою почту в надежде найти задание от Кэндис и отвлечь себя хоть на пару часов. Среди входящих было одно новое сообщение с темой: «Относительно вашей работы в нашей фирме». Письмо было от Кэндис, в копии значился отдел кадров. Я открыла его:

Дорогая Лиллиан!

Мне стало известно, что на прошлой неделе Вы вступили в контакт с Бекой (Ведьмой Велнесс) и, по ее словам, вели себя с ней «неподобающим

образом». Хотя я старалась проявлять понимание, Ваше поведение в течение последнего месяца вызывает серьезную озабоченность. Данный инцидент является прямым нарушением кодекса поведения сотрудников «Физзл» (прилагается к настоящему письму для ознакомления), который Вы подписали при приеме на работу. В кодексе четко указано, что сотрудники не должны ставить под угрозу репутацию компании поведением, которое можно расценить как непрофессиональное. Исходя из вышесказанного, руководство «Физзл» квалифицирует Ваше поведение как непрофессиональное и считает, что нам лучше немедленно расстаться с Вами. Сандра (в копии) из отдела кадров ознакомит Вас с дальнейшими шагами по увольнению, а также даст инструкции по сдаче корпоративного оборудования. Ваш ноутбук был заблокирован удаленно, а рабочая почта будет деактивирована после того, как Вы прочтете данное сообщение. Для дальнейшей связи отправлена копия на Ваш личный адрес.

С наилучшими пожеланиями,

Кэндис

У меня затряслись руки. Бека меня сдала. Я должна была это предвидеть. Кэндис даже не дала мне шанса объясниться. Я была просто в ярости!

Надо было написать ей первой — опередить Беку, пока та не успела состряпать свою чрезмерно драматичную версию произошедшего. В конце концов, я не сделала ничего предосудительного. Я всего-то посетила мероприятие, устроенное клиенткой, а потом поинтересовалась ее методами. Можно было бы похвалить меня за проявленную инициативу. Я начала набрасывать ответное письмо Кэндис с изложением своей позиции, как вдруг заметила, что сзади к моему телефону прилипла визитная карточка. Это была визитка одного из психиатров, рекомендованных Гектором. Я повертела ее в руках. А вдруг это знак свыше, спасательный круг в море неудач? Может, этот психиатр напишет мне справку, что я совершенно вменяема и могу вернуться к работе. Или поставит мне диагноз СДВГ или аутизм, и тогда я смогу подать в суд на Кэндис за незаконное увольнение. Если Нора вооружилась врачебным жаргоном и заявляет, что «делится своей правдой», то почему бы и мне не поступить так же? К тому же будет нелишним поговорить со специалистом обо всем, что мне пришлось пережить.

Я набрала номер.

Глава двадцать девятая

Психиатр сказала, что сможет принять меня уже на следующий день. Меня насторожило, что к ней так легко попасть, но я все-таки записалась на прием. Она принимала недалеко от Фанел-холла, в старом кирпичном здании на мощенной булыжником улице. Перед сеансом я заглянула в соседний бар и увидела там грустных пожилых мужчин, которые смотрели на дно своих бокалов, словно искали в них машину времени. Я заказала мартини в надежде, что он поможет мне расслабиться, и выпила его меньше чем за пять минут.

Психиатра звали доктор Джина Коэн, и, судя по фото на ее сайте, ей было лет пятьдесят с небольшим. Она была одета во все черное и выглядела как женщина, которую бы взяли на роль психиатра в низкобюджетный телесериал. Часовой сеанс стоил двести долларов, кабинет находился на третьем этаже здания без лифта. Она делила этаж со стоматологом и мастером по наращиванию ресниц. А может, мастер по ресницам примет меня без записи после сеанса?

Стены в приемной доктора Коэн были цвета

морской волны, а на книжной полке стояли пособия по психотерапии — на случай, если вам захочется подлечиться еще до начала сеанса. На двери кабинета горела красная лампочка с надписью «Занято», означавшая, что по ту сторону кто-то уже выворачивает душу наизнанку. Я сжала пальцами лист одного из растений, чтобы проверить, не искусственное ли оно, и он распался у меня между пальцев, оставив на коже липкую слизь. Интересно, не выносит ли доктор Коэн каждый день это растение ненадолго на улицу, чтобы поддерживать в нем жизнь? Я не могла решить, было бы это проявлением обычного сострадания или душевной болезни.

До начала сеанса оставалось три минуты; я решила, что если доктор Коэн опоздает хоть на минуту, я уйду. Я начала переживать, что пойти к врачу было плохой идеей. Конечно, если сеанс будет похож на сеанс Тони Сопрано, то есть доктор, понимая, что я не идеальна, все равно проникнется ко мне симпатией… Но что, если этого не случится? Что, если я ей не понравлюсь? Что, если она решит, что со мной что-то не так, что во мне есть что-то изначально гнилое? Чтобы отвлечься от этих болезненных мыслей, я принялась разглядывать полку с книгами. Ну

и названия: «Разрывая циклы», «Жизнь после утраты». Я представила себе, как какая-нибудь несчастная женщина читает эти книги, сидя в постели рядом с равнодушным мужем, и пытается найти ответ, с какого момента все в ее жизни пошло не так и как все исправить. А правда в том, что иногда точка невозврата бывает уже пройдена. Не все можно исправить. Не написать ли мне собственную книгу? Я бы назвала ее «Просто сдайтесь». Может, податься в психологи, если меня не восстановят на работе в маркетинговой компании?

Я бросила взгляд на настенные часы: сеанс уже начался, и я приготовилась к бегству. Мы с этим доктором никогда не встречались, у меня не было по отношению к ней никаких обязательств, так что если я уйду, то не буду испытывать никаких угрызений совести. У нее не было моих банковских реквизитов. Я не понесу никакой ответственности, если не являюсь на прием. Я встала, чтобы уйти, и в этот момент красный свет погас. Дверь распахнулась.

— Здравствуйте, — поприветствовала доктор Коэн.

Доктор Коэн в жизни выглядела как минимум на десять лет старше, чем в сети. Наверное, давно

не обновляла фотографию на сайте. Стоит ли вообще доверять человеку, который притворяется не тем, кто он есть? У доктора Коэн были пышные каштановые волосы, уложенные так, словно она сошла со страниц каталога «Джей Си Пенни»[25] из девяностых: с крупными локонами на плечах. Она была одета во все черное и носила очки с толстыми линзами. Я не поняла, настоящие ли это очки, с диоптриями, или просто для вида.

— Лиллиан, верно? Очень рада познакомиться, — сказала она, жестом приглашая меня войти.

Такие голоса, как у доктора Коэн, вызывают приятную расслабленность и мурашки. Как будто лежишь себе в позе трупа, а рядом с тобой — симпатичный инструктор по йоге. Я последовала за ней внутрь. А может, и ничего, обойдется. В комнате стояли большая зеленая кушетка, красное кресло и маленький зеленый диванчик для двоих. Я была уверена, что выбранное место расскажет доктору что-то важное обо мне как о личности. Выбрать кушетку было бы эгоистично: будто я собралась растянуться на ней и вздремнуть. Красное кресло, вероятно, предназначалось

---

[25] Примечания: 25

«Джей Си Пенни» — одна из старейших и крупнейших сетей универмагов в США.

для врача, так как оно было рассчитано на одного человека и являлось самым ярким пятном в комнате. Диванчик для двоих показался мне наименее вызывающим вариантом, так что я выбрала его, поставив сумочку рядом с собой. На журнальном столике я увидела коробку с салфетками, готовыми к использованию. Сколько людей, наверное, плакало в этой комнате. А уж сколько тайн слышали эти стены! Здесь ощущалась особая энергия — ведь люди переступают этот порог, намереваясь излить душу. Доктор Коэн включила небольшую колонку, из которой полился белый шум, и нажала на кнопку — вероятно, снаружи зажглась табличка «Занято». Затем она села на кушетку, и мой выбор мгновенно утратил всякий смысл. Я провалила первый тест.

— Итак, расскажите мне немного о себе, Лиллиан, — тепло сказала доктор Коэн, открывая свой блокнот.

Я сказала доктору Коэн, что мне посоветовал пойти к ней мой адвокат Гектор, а еще меня занимает сам процесс терапии. Хотелось дать ей понять, что у меня сугубо академический подход ко всему этому, потому что я еще не решила, стоит ли перед ней раскрываться. И если да, то как быстро? Что называется, нужна прелюдия или

сразу раздвигать ноги? У нас был всего час, и я намеревалась извлечь из него максимум пользы. К тому же я ни на миг не забывала о том, что каждая минута обходится мне ровно в три доллара тридцать три цента.

— Не могли бы вы рассказать, по какому делу Гектор вас представлял? — спросила доктор Коэн.

Я стала объяснять, что произошло с Генри, то и дело останавливаясь, будто срывала пластырь с волосатой ноги. Я сказала ей, что дело закрыто, но в общих чертах описала, что произошло. Доктор Коэн делала пометки в блокноте, пока я говорила, и время от времени приподнимала брови, что мне показалось несколько непрофессиональным. Я думала, что она задаст больше вопросов, но каждый раз, когда я замедлялась, она лишь выжидательно смотрела на меня, явно надеясь услышать больше. В конце концов оболочка треснула, и наружу выползло мое истинное «я».

Я рассказала ей о проклятии, о Норе, о том, как я поцеловала Джейми. О своей матери и о матери Генри. О том, как Элиза съехала с квартиры и как стервозно она повела себя, растрепав про свои поганые беруши. Как я слала сообщения Норе с аккаунта goblingirlxo. Я рассказала ей о

самовольном расследовании Гектора и о том, какая, по моему мнению, у него жена. О бицепсах детектива Дженнингс. О Кэндис и ее дурацких кроксах. О мошенническом бизнесе Беки. О том, как меня уволили. Я поймала себя на том, что говорю, не переводя дух, даю выплеснуться наружу многому, что от всех скрывала. Я рассказала ей, как злилась на Генри и как мне было тяжко, когда он порвал со мной. И о том, что рассматриваю Джейми как запасной вариант, если никто другой меня не полюбит. И о том, что я не возражала бы стать содержанкой, но хотела бы спать только с сексуальными мужчинами, а они, как правило, небогаты. Я призналась, что иногда, когда люди плачут, мне хочется смеяться. Что мне стало легче, когда полиция прекратила копаться в деле Генри, и что мне жаль того бомжа — но не настолько, чтобы что-то предпринять. Что обычно я оставляю на чай не больше десяти процентов и часто пишу в службу доставки, что заказ так и не приехал, чтобы мне вернули деньги. Я сказала, что голосовала на последних выборах только ради наклейки «Я проголосовала» и что на самом деле мне на все это наплевать. Я сказала, что не хочу остаться одна. Что, вероятно, в прошлой жизни я была принцессой Дианой, и не важно,

что я родилась за год до ее смерти. Что если бы я захотела закрутить роман с Гектором, у меня, наверное, получилось бы. Что следующий мой бойфренд, наконец, будет привязан ко мне ровно настолько, насколько нужно, и что он никогда не причинит мне боли. Я рассказала ей о той истории в универе, когда меня по ошибке приняли за сталкершу. Я призналась, что не понимаю, в чем суть фильма «Барби», ведь все равно в конечном счете это реклама. Я сказала ей, что считаю себя хорошим человеком, но иногда мне кажется, что другие люди слишком глупы, чтобы это разглядеть. Я подумывала рассказать ей и о том, о чем мы говорили с Норой на днях утром, но решила не делать этого; все-таки что-то нужно было пока придержать.

Я тараторила без перерыва сорок пять минут, а доктор Коэн внимательно слушала. Теперь-то я поняла, почему людям нравится терапия. Так приятно, когда кто-то сидит и слушает тебя и можно не притворяться, что тебя тоже заботит происходящее в его жизни.

— Ну как? Я ведь одна из самых интересных ваших клиенток? — спросила я.

Я испытала своего рода эйфорию оттого, что была так честна. Наверняка это будет ее лучший

сеанс за день, да нет — за месяц, а может, и за год. Я представила себе, как доктор Коэн станет рассказывать своим коллегам-мозгоправам об очаровательной и таинственной молодой женщине, с которой она начала работать. Она скажет им, что мир был ко мне несправедлив, но я оказалась стойкой и все же сумела найти свой путь. Она предложит мне написать мемуары или книгу по саморазвитию. Я была бы куда лучшей писательницей, чем Нора. Возможно, мы с доктором Коэн будем работать вместе годами и в конце концов станем близкими подругами. Впрочем, мне даже не придется особо утруждаться саморазвитием; она скажет, что мой уровень просто изначально выше, чем у большинства людей. Она заметит, что именно это и усложняет жизнь таким, как я, что мне нужно найти более достойных друзей и партнеров, таких, которые соответствовали бы моему эмоциональному интеллекту.

Доктор Коэн переменила позу.

— Вы хотите знать, нахожу ли я вас интересной? — переспросила она.

Наверное, это у них, у психотерапевтов, такая тактика — возвращать вопрос клиенту, чтобы он услышал его еще раз.

— Разве не всех волнует, что о них думает их

психотерапевт?

— Да, конечно. Большинству людей свойственно стремление к одобрению. И в отношениях между врачом и пациентом это тоже проявляется. Но мне кажется, вы и так считаете себя интереснее других моих клиентов, Лиллиан, — сказала она. — Более того, я подозреваю, вы считаете себя одним из самых интересных людей в мире, если не самым интересным.

Я действительно так считала, но не понимала, что в этом плохого, — а ее тон намекал, что это плохо. Разве не все о себе такого мнения? И в моем случае это, вообще-то, правда.

— Позвольте спросить, чего вы надеетесь достичь с помощью терапии?

— Я лишь хочу поговорить с кем-то обо всем треше, который с недавних пор творится в моей жизни. И получить справку, чтобы урегулировать ту историю на работе.

— А чувствуете ли вы личную ответственность за тот «треш», который происходит в вашей жизни? — Доктор Коэн постучала карандашом по блокноту.

Атмосфера в комнате изменилась: из теплой и дружественной она стала безразличной, стерильной. Голос доктора Коэн внезапно утратил

свой бархатистый тембр. На что она намекает? И к чему все эти вопросы?

— Я сожалею о том проклятии. Но все остальное произошло само собой, — сказала я.

Доктор Коэн глубоко вздохнула. Она наклонилась ко мне, и вид у нее был очень мрачный.

— Занятное сочетание нарциссизма и менталитета жертвы. Вы совершили ряд ужасных поступков по отношению к самым близким людям: целовались с Джейми, не испытывая к ней чувств, хотели разрушить брак Гектора, посылали жестокие сообщения Норе, преследовали клиентку. Это все были нездоровые поступки, но вы проделали некую умственную гимнастику, чтобы оправдать свои действия, и преуспели в этом. Кажется, единственное, за что вы берете на себя ответственность, — это проклятие, которое, как вам в какой-то момент показалось, могло сыграть роль в безвременной кончине Генри. Хотя, честно говоря, не видно, что вы так уж сильно опечалены его утратой, — сказала она.

У меня закружилась голова. Нарциссизм? Менталитет жертвы? Преследования? О чем, черт возьми, толкует эта женщина? Хорошо, что я не пришла к ней до того, как дело Генри закрыли. Она совершенно не понимает, кто я такая! И

конечно же, я опечалена смертью Генри! Да, у меня сложные чувства к нему, но, когда он умер, я была абсолютно опустошена. То, что я не могу выдавить из себя слезы по команде, еще не значит, что мне все равно.

— Примечательно, что вы испытываете угрызения совести из-за этого проклятия. Мне любопытно, почему вы чувствуете ответственность именно за этот аспект, — продолжала она, внимательно глядя на меня. — Если мы будем с вами работать, я хочу быть уверена, что вы способны нести ответственность за свою роль в происходящем, Лиллиан. И не только потому, что вы считаете, будто обладаете сверхъестественной силой. Без чувства ответственности будет очень трудно добиться прогресса. Но я хотела бы помочь вам прийти к этому.

Неужели Гектор поговорил с доктором Коэн до моего прихода? Может, это он все подстроил и навешал ей лапши на уши, чтобы меня подставить? Или она с ним спит и проецирует на меня свое чувство вины? Возможно, Кэндис или Нора тоже приложили к этому руку. Несколько внешних сил словно вступили в сговор, чтобы настроить эту женщину против меня. Может быть, Бека в отместку наложила на меня проклятие.

— Почему вы меня ненавидите? — спросила я. — Вы ведь даже не знаете меня.

— Я вас не ненавижу, Лиллиан. Напротив, мне было бы очень любопытно понаблюдать за вашим прогрессом, если вы согласитесь на терапию. У меня нет цели отпугнуть вас, я просто хочу убедиться, что мы одинаково понимаем, в чем будет заключаться эта работа и какой я психотерапевт, — сказала она.

Она провела со мной меньше часа, а уже старается камня на камне не оставить от моей уверенности в себе. За что она меня наказывает? Что я ей сделала?

— Это потому, что я выбрала диванчик для двоих?

— Что? — Доктор Коэн оглядела комнату.

— Место, которое я выбрала… Это что, типа, тест? — спросила я, все больше раздражаясь.

— Уверяю вас, мебель в этой комнате подобрана исключительно из соображений удобства. Это не тест и не лакмусовая бумажка.

Я не верила ей. Держу пари, что диванчик для двоих считается тут самым эгоистичным выбором. Надо было поскорее убираться из этого кабинета. Я взглянула на ее блокнот, в котором были записаны все мои тайны. Мне захотелось

вырвать его у нее из рук и поджечь от маленькой свечи на столе. Может, я сожгу заодно и все здание. И она будет внутри. Словно услышав мои агрессивные мысли, доктор Коэн откашлялась.

— Я вижу, вы очень расстроены. Прошу прощения за то, что вызвала у вас такие чувства. Может быть, я высказалась чересчур откровенно для первой встречи, но у меня не было цели напугать вас. Я считаю, что мы могли бы достичь хороших результатов, Лиллиан, — сказала она. — Я искренне так считаю.

— Что вы будете делать с этим блокнотом?

— Это мои личные записи, вот и все.

— Не думаю, что из этого что-то получится, — сказала я. — Вы хотя бы учились этому? Или у вас вместо диплома только какая-то хрень с онлайн-курсов? — спросила я, даже не собираясь дожидаться ответа. — А может, вы несчастны в личной жизни и поэтому придираетесь к красивым молодым женщинам, чтобы чувствовать себя лучше? У вас комплекс власти, да? — выплюнула я.

— Я понимаю, что ранила вас…

— Со мной все в порядке, вообще-то. Я лишь беспокоюсь о других ваших клиентах, которые, возможно, доверяют вашему мнению. Хотя раз

вы смогли принять меня так быстро, дела идут неважно, а?

Доктор Коэн не стала со мной спорить, а позволила продолжать. Я сказала ей, что туфли у нее уродливые, а на подбородке длинный волос. Что цвет стен в приемной отвратителен и что все терапевтические книги на планете не помогут ей стать достойным специалистом. Еще я посоветовала ей перестать пить кофе, потому что у нее желтеют зубы. Потом добавила, что ни один уважающий себя взрослый человек не станет следовать советам женщины с такой прической, как у нее, и что пора колоть ботокс, хотя нет, пожалуй, уже поздно — не поможет.

— Кажется, наш сеанс подошел к концу. Если вы захотите продолжить работу, на одной из следующих встреч мы обсудим, почему вы только что на меня набросились, — спокойно сказала доктор Коэн.

Мне захотелось врезать ей по самодовольной роже. Я ненавидела ее. И Гектора — за то, что он дал мне ее контакты. Я чувствовала себя травмированной и непонятой. Хоть ищи теперь нового психотерапевта, чтобы оправиться от этого.

— На вас нужно пожаловаться в Совет психотерапевтов! — заявила я, не зная точно, существует

ли такая организация.

— Как скажете, — устало ответила она.

Я выскочила из кабинета, не заплатив.

В приемной сидел мужчина средних лет и коротал время до приема, отрывая катышки от брюк. Он был изумлен моим стремительным пролетом через это священное пространство. Должно быть, я выглядела как дикое животное, потому что он инстинктивно скрестил руки на груди, словно защищая внутренние органы.

— Она полное дерьмо, — сказала я. — Поберегли бы деньги!

Я громко хлопнула дверью.

Глава тридцатая

Я ехала домой на метро в состоянии диссоциативной фуги, как сказал бы психотерапевт. Я приложила свою «Чарли кард»[26] и на автопилоте добралась до дома. Позволь я себе очнуться и полностью осознать происходящее, я либо сама бросилась бы под поезд, либо кого-нибудь столкнула бы туда. Контактный рельс еще используют? Я представила, как тело доктора Коэн раскачивается над ним.

Дома я нашла доктора Коэн на «Беттер хелп», «Сайколоджи тудэй» и «Зокдок» и оставила разгромные отзывы на всех платформах. В приложении «Елп» я поделилась впечатлениями о ее практике. Разумеется, я не использовала свое настоящее имя, но она, конечно, поймет, что это была я.

PickleGirl20
27 февраля 2025 года
Я обратилась к доктору Коэн после без-

---

[26] Примечания: 26

«Чарли кард» — многоразовая бесконтактная карта для оплаты проезда в метро, автобусах и трамваях.

временной кончины моего бойфренда. Перед сеансом я находилась в крайне уязвимом состоянии и надеялась получить помощь профессионала, чтобы обрести хоть каплю покоя после пережитого. Однако доктор Коэн проявила невероятную жестокость, она так оскорбляла меня, что я начала чувствовать физическую угрозу с ее стороны. Не знаю, почему она выбрала именно меня своей мишенью – возможно, у нее просто был плохой день, а возможно, она так поступает со всеми пациентами. Так или иначе, она одна из самых злых женщин, с какими я сталкивалась в жизни. Теперь мне приходится справляться с глубоким горем от потери любимого человека и попутно с ПТСР, которое я заполучила по итогам этого ужасного сеанса. Пожалуйста, избегайте этой женщины. Это злобный и страшный человек. ДЕРЖИТЕСЬ ОТ НЕЕ ПОДАЛЬШЕ!

Я кликнула «Отправить», и сразу же зазвонил телефон. Я даже вздрогнула — вот это синхронность! Неужели доктор Коэн уже обнаружила мой отзыв? Она что, подаст на меня в суд за клевету?

А Гектор будет ее защищать?

Это была всего лишь Джейми. У меня отлегло:

— Привет, как дела?

— Мы можем встретиться? — спросила Джейми, в ее голосе звучала тревога.

Я рассмотрела все возможные сценарии, при которых мое согласие обернулось бы новой ловушкой. Джейми наверняка захочет поговорить о том поцелуе и о списании с ее кредитной карты кругленькой суммы за услуги адвоката, она уже должна была его заметить. Трудный будет разговор, он потребует от меня терпения. Я не была уверена, что после сеанса у доктора Коэн у меня остались душевные силы даже на малейшую снисходительность к подруге. Лучше было бы еще избегать Джейми, пока она не смирится с произошедшим. С другой стороны, чем занять остаток дня? Разве что напиться до беспамятства. Оно бы и хорошо, но скучновато пить в одиночку. Мне всегда все лучше удавалось при наличии благодарной аудитории. Если Джейми взбредет в голову упрекнуть меня в том, что я подавала ей ложные надежды, я могу проявить великодушие и выдать туманную фразу вроде: «Мне жаль, что ты так это восприняла». Или, может, она сама хочет извиниться передо мной за свои

романтические иллюзии, надо признать совершенно неприличные для взрослой женщины. Единственный способ выяснить ее намерения — поговорить с ней.

Я выбрала бар ровно в одной минуте и двадцати секундах от моего дома и ждала, что Джейми предложит встретиться где-нибудь посередине между нами, чтобы создать видимость, будто у нее есть характер, но она не предложила. Она сказала, что будет ждать меня в баре через час. У меня оставалось достаточно времени, чтобы привести себя в порядок и выглядеть получше — так проще манипулировать Джейми.

Я нарочно опоздала на пять минут, надеясь, что Джейми успеет купить мне выпивку в знак нашего примирения. Войдя, я увидела ее сидящей в кабинке, и никаких напитков перед ней не было. Я вздохнула и направилась к стойке, потому что точно не собиралась вести этот разговор на трезвую голову. Я заказала себе бокал вина и стопку водки. Джейми пусть побеспокоится о себе сама.

— Привет, — сухо поздоровалась Джейми, словно мы были бывшими супругами, пришедшими оформить развод.

— Ничего не выпьешь? — спросила я.

— Э-э, пожалуй, нет, — ответила она.

Ее отказ от алкоголя ощущался как невербальное осуждение. Я быстро опрокинула стопку: мне не нравилось, как эти две емкости выглядят рядом на столе. Алкоголь обжег горло, вызвав небольшой выброс адреналина. Мне нужно было покончить с самым неприятным — с тем поцелуем.

— Ты из-за той ночи? Мне жаль, если я тебя задела. Я решила, что будет здорово поцеловаться и немного отвлечься, но у тебя ко мне более глубокие чувства, и, я знаю, тебе с ними непросто, — сказала я.

Джейми поменяла позу. Я расценила это как разрешение продолжить:

— Честно говоря, я вижу, как ты на меня смотришь. С моей стороны было неправильно вдруг подать тебе надежду на взаимность, нам все-таки лучше остаться просто друзьями. Увы, я не испытываю к тебе ничего, кроме дружеских чувств… Мне очень жаль, — сказала я.

Потрясающе! Я не планировала быть такой доброй и красноречивой. Интересно, что сказала бы доктор Коэн, если бы увидела меня сейчас. Я беру на себя ответственность за свои поступки, я эмоционально зрелый, тактичный человек. Ни черта она не поняла во мне. Джейми глубоко

вздохнула и встала:

— Вообще-то, я лучше выпью. — Она направилась к барной стойке.

Я отшила Джейми мягко, как только могла, но ей все равно нужно было запить свое горе, это можно понять. Ей нелегко было услышать, что я ее отвергла. Через несколько минут она вернулась с ромом и колой.

— Итак, с поцелуем разобрались, — сказала она. — Сначала мне было больно, но с каждым днем я все больше убеждаюсь, что нам не стоит заводить романтические отношения. Наверное, это была плохая идея. — Джейми сделала паузу. — Я уже давно влюблена в тебя, и, видимо, плохо это скрывала, так что да, этот поцелуй меня немного запутал. И да, я хотела поговорить об этом. Мне не нравилось, когда ты притворялась, будто ничего не произошло. Но я согласна, что это не должно повторяться.

Ясно: из чувства самосохранения она делает вид, что установить границы — это ее, а не моя идея. Что ж, пусть. Я могу подыграть, если ей это надо.

— Ты очень привлекательна, и это было здорово, но я согласна, что встречаться — ужасная идея. Мы очень разные, — сказала она.

В этой фразе — «мы очень разные» — мне послышался намек на то, что она в каком-то смысле лучше меня. С чего это Джейми решила перехватить инициативу?

— Вообще-то, я не об этом хотела поговорить с тобой, — продолжала она. — Только что с моей карты списали за услуги адвоката.

Так вот зачем все это представление: Джейми злилась из-за денег! Неужели попытается увильнуть от оплаты? У меня не было душевных сил разбираться с этим сегодня. Я и думать не хотела о том, чтобы в обозримом будущем вернуть ей деньги. К тому же теперь, когда мой единственный источник дохода исчез, я была сильно ограничена в средствах. Она сама предложила мне помощь — не могла же она отыграть назад.

— Вышло даже дешевле, чем я ожидала, — сказала я, надеясь убедить ее, что с нее взяли вполне обычную сумму.

— Дело не только в этом… — Джейми сглотнула. — Я заметила на своей карте еще несколько списаний.

Гектор завысил стоимость своих услуг? Он что, мошенник? Я представила, как он и его тайная возлюбленная, доктор Коэн, сидят в ее кабинете и хохочут, бронируя билеты на круиз по Карибам

с включенным алкогольным пакетом. Слава богу, это не мои деньги, но я все равно разозлилась на Гектора за Джейми.

— Хочешь, я позвоню Гектору?

— Нет… Моя кредитная карта привязана к твоему аккаунту в «Убере»? — спросила Джейми, глядя мне прямо в глаза.

Я совсем забыла об этом.

Несколько месяцев назад я воспользовалась кредитной картой Джейми, чтобы вызвать ей такси от своего дома, когда у нее разрядился телефон. Похоже, я так и не удалила ее данные и до сих пор пользовалась ее картой. Неужели это так сильно ее разозлило? Это же всего… пара сотен баксов за полгода? Я попыталась вспомнить, не было ли среди поездок особо дорогостоящих, но ничего вопиющего в голову не пришло.

— Я не знала, что карта до сих пор привязана. Прости, — сказала я, решив сегодня не скупиться на извинения.

— Понимаешь, с меня списали деньги за одну довольно странную поездку… — Джейми сделала большой глоток рома.

— Ладно. Могу вернуть тебе, сколько бы там ни было.

Вот же скупердяйка!

— В ту ночь, когда погиб Генри, — продолжила она, — с меня списали сорок три доллара семьдесят центов.

У меня внутри все перевернулось. Я ведь отправила Гектору выписку по своей кредитке, чтобы доказать свою невиновность, но мне и в голову не пришло, что к аккаунту в «Убере» привязана карта Джейми, а не моя.

— Ты не могла бы проверить историю поездок в приложении? Посмотреть, ездила ли ты куда-нибудь в ту ночь? — спросила Джейми. Она нервно постукивала пальцами по стакану.

— Конечно, — ответила я.

Я достала телефон из кармана, радуясь, что сижу напротив Джейми, а не рядом с ней, и сделала вид, что роюсь в телефоне, изо всех сил стараясь, чтобы руки не дрожали. Я бесцельно тыкала в экран, открывая и закрывая случайные приложения. Мне не хотелось проверять историю поездок прямо при ней. Я боялась, что лицо меня выдаст, если я увижу то, к чему не готова.

— О… Я прокатилась как раз на эту сумму накануне вечером. Наверное, просто задержались со списанием. — Я постаралась, чтобы это прозвучало уверенно.

Джейми с облегчением выдохнула:

— А… Отлично… Это все объясняет. Можно посмотреть?

Я застыла:

— Что?

— Можно я… взгляну? — попросила Джейми, и на ее лице снова появилось тревожное выражение.

Я рассмеялась, чтобы разрядить обстановку:

— Ты что, ревнивый бойфренд?

— Хочу убедиться, вот и все. — Она протянула руку к моему телефону.

Я засунула телефон в сумочку:

— Ты больная? Я не позволю тебе рыться в моем телефоне, как токсичная бывшая.

— Мне станет спокойнее, — взмолилась она. — Пожалуйста!

— Я отвяжу твою карту, успокойся, — сказала я.

Джейми посидела немного, видимо, решая, стоит ли надавить на меня сильнее. Я чувствовала, как ладони потеют, а давление растет.

— Полиция все равно закрыла дело, — сказала я. — Ты что, не читала? Все кончено.

Джейми нахмурилась:

— Что? Нет. И кто это был?

— Какой-то бомж. Разбушевался и устроил там

полный беспредел, — объяснила я, преувеличивая масштабы разгула метателя камней.

— Это ужасно, — сказала Джейми.

На ее лице, однако, читалось сомнение.

Мы сидели и молча пили. Джейми быстро прикончила свой ром с колой. Я подумала, не заказать ли нам еще, и тогда Джейми ненадолго задержится. Мне совсем не хотелось идти домой и доставать бомбу, тикающую в моем телефоне. Я ждала, что Джейми заведет непринужденную беседу, но она этого не сделала.

— Мне пора, — сказала она.

Мне хотелось остановить ее, не дать уйти. Приказать ей сесть обратно или лучше перебраться ко мне поближе. Мне хотелось приковать ее к себе наручниками и держать в неволе, пока она снова не станет ко мне добра. Сказать, что она не имеет права соскакивать при появлении малейших трудностей. Я боялась, что она мне не верит. Неужели она собирается держаться от меня подальше, потому что считает меня жестокой? В глубине души я знала, что во мне нет ни капли жестокости, но стремление Джейми сбежать вызвало во мне желание посадить ее в банку и держать в подвале, постоянно направляя на нее свет, чтобы она больше никогда не спала.

И трясти эту банку, а когда Джейми будет уже при смерти, в последний момент спасти ее, чтобы она снова полюбила меня.

Джейми взяла свои вещи…

— Постой, — сказала я, удивив и себя, и ее. — Ты точно не хочешь еще потусоваться?

И тут я впервые увидела на ее лице то же выражение, что было у всех детей из моего класса в зоопарке в тот день, когда я чуть не столкнула Мелани Фрэнк в вольер с гориллой. Мне не дали ни единого шанса оправдаться. От прежних чувств Джейми не осталось и следа. Теперь она воспринимала меня иначе.

— Пока, Лиллиан. — И она ушла.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Господи, так можно и сердечный приступ заработать! Моя прижатая к груди рука чувствовала это «тумп-тумп-тумп» — будто кто-то упорный старался вырваться из меня наружу. Я попыталась замедлить дыхание, но мое тело пожирало каждый глоток воздуха и сжигало его, подобно горючему. Как только Джейми скрылась из виду, я открыла «Убер».

Тумп-тумп-тумп.

Я кликнула «Историю поездок».

Тумп-тумп-тумп.

Я прокрутила до дня убийства Генри.

Тумп-тумп-тумп.

Тумп-тумп-тумп.

Тумп-тумп-тумп.

Вот оно.

Тумп-тумп-тумп.

В 2:03 в ночь убийства Генри я заказала «Убер» из своей квартиры в Сомервилле и доехала до бара, у которого убили Генри.

Волна изумления пробежала по моему телу, словно электрический разряд. Каждая клетка моего организма пульсировала. Что это значит? Что я там делала? Я говорила с Генри? Мы ссорились? Занимались сексом? Он причинил мне боль? Или это я причинила боль ему?

С трудом удерживая телефон трясущимися руками, я удалила приложение.

Глава тридцать первая

Я пила два дня подряд после того, как увидела историю поездок на «Убере». Выпила все, что было дома: вино, водку, мятный шнапс и коробку вина «Франциа». Когда алкоголь закончился, я сходила в магазин на углу и закупилась еще. Одно похмелье перетекало в другое, притупляясь лишь новыми порциями выпивки и жирной едой навынос. Я велела доставщикам оставлять заказ у двери, как еду заключенному. Когда они уходили, я выбегала, словно неуклюжая крыса, хватала свою добычу и утаскивала к себе. Я понимала, что мое пьянство выросло в проблему, что это уже запой и что так недолго и концы отдать, но остановиться не могла. Пьяной можно было существовать в подвешенном состоянии между реальностью и сном. Протрезвев, я должна была бы задуматься о том, что может означать эта проклятая поездка в такси.

Я изучила информацию об амбиене и его влиянии на память. На «Реддите» мне рассказали, что провалы в памяти при приеме амбиена — распространенное явление, особенно если сочетать

таблетки с алкоголем. Одна женщина, например, написала, что изменила мужу под действием этого препарата, что это разрушило ее брак, а следовательно, ее жизнь. Там было бесконечное количество рассказов о неверности, ссорах, преследовании, сексе и множестве других очень плохих поступков. Кто-то даже забывал забрать своих детей из школы. Однако никто не упоминал, что под воздействием амбиена совершил убийство.

Я загуглила «убийство под амбиеном» в приватном браузере на ноутбуке и увидела, что довольно много людей действительно совершали убийства под действием этого препарата, а если их ловили, в качестве оправдания ссылались на непреднамеренное опьянение. Один мужчина подъехал на машине к дому своего начальника и хладнокровно застрелил его. Запись с камер наблюдения показала, что по пути он аккуратно останавливался на каждом светофоре.

В глубине души я знала, что я никакая не убийца. Может, я и наступала на пауков вместо того, чтобы выносить их на улицу и отпускать на волю, но я не смогла бы причинить вред никому крупнее жука. И Генри мне нравился; возможно, я даже любила его. Я бы ни при каких обстоя-

тельствах не стала лишать его жизни. Каково-то мне придется в тюрьме… Я представила себе, как толпа лесбиянок дерется за право заполучить меня в качестве любовницы. Пришлось бы жить с одной из них, чтобы она меня защищала от остальных, или даже полюбить ее. Кстати, там же режим, я бы привела себя в форму и выглядела бы лучше, чем раньше. Может, я снова обратилась бы к религии — просто чтобы было во что верить, пока меня вынуждают ходить в сортир на глазах у сокамерниц. Я бы приобрела несколько поклонников на воле. Мне бы приходили сотни писем от людей, привлеченных либо верой в мою невиновность, либо верой в мою вину — прямо как в случае с Джипси Роуз Бланшар[27]. Я бы оставила в прошлом людей из прежней жизни: Гектора, Джейми, Нору и в том числе мать. Пришлось бы существовать в новой субкультуре, среди тех, кого не смущают такие преступления, как то, в котором меня обвинят. Будет трудно, но в конце концов меня полюбят и примут в этом сообществе. Когда я выйду, обо мне снимут престижный телесериал. Мою роль

[27] Примечания: 27

Джипси Роуз Бланшар (р. 1991) — американка, получившая широкую известность в 2015 году как организатор убийства своей матери, страдавшей делегированным синдромом Мюнхгаузена.

исполнит прекрасная актриса, которая возьмет меня с собой на церемонию вручения премии «Эмми» и произнесет речь о том, как долго меня не понимали. Потребуется время, но я получу свое публичное искупление. Нора позвонит мне из своего дома в пригороде (двое ее сопливых детей будут орать на заднем плане) и скажет, что рада, что у меня все хорошо. И тогда я пойму, что, даже проведя изрядный кусок жизни в тюрьме, все равно живу лучше, чем она.

Или наоборот, в тюрьме будет ужасно: травля, еда на вкус, как пенопласт с добавкой глутамата натрия. Мне придется сдружиться с белыми сокамерницами из соображений безопасности, водить компанию с неонацистами и сторонниками превосходства белой расы. Мать от меня отречется, а Гектор даст интервью для программы «60 минут» — расскажет, что всегда подозревал, что преступление совершила именно я. Элиза напишет в «Твиттере», как несколько лет спала в пяти метрах от убийцы, и ее будут хвалить за храбрость. В чем же состояла ее так называемая храбрость? Она просто дрыхла с затычками в ушах. Мне откажут в условно-досрочном освобождении, и лучшие свои годы я бесславно просижу в камере.

Честность всегда наказуема. Я не могла рисковать. Никому нельзя рассказывать о поездке в такси. В любом случае я не убийца. Нет смысла рушить свою жизнь из-за одной глупой выходки. Вообще не важно, что на самом деле произошло той ночью. Интересно, задаст ли Джейми снова вопрос об этом платеже. Мы с ней в любом случае отдаляемся друг от друга. Значит, наша дружба себя исчерпала. Пришла пора начать новую главу и полностью переизобрести себя. Сменить квартиру и найти новых друзей. Я подумывала уехать из Бостона и прикидывала, в каких еще городах мой рейтинг мог бы остаться выше семерки. Может, в Чикаго? В Детройте — точно, но я еще не так низко пала.

Пока что мне хотелось выбраться из этой квартиры хотя бы на время. После проклятия здесь царила токсичная энергетика. Я написала маме и попросила ее приготовить мне спальное место. Через тридцать секунд она ответила:

КОНЕЧНО. ВСЕГДА ТЕБЕ РАДА.

Хотя моя мать жила в Арлингтоне, штат Массачусетс, а ближайший приличный пляж находился как минимум в пятнадцати километрах от нее, дом непонятно почему был пропитан пляжной

атмосферой. На стенах висели таблички:

Даже когда ты без рубашки и туфель — проблемы с тобой.

Жизнь — это пляж, блин!

Пока Салли продает ракушки, я пытаюсь расслабиться!

С коктейлем Май Тай все становится лучше.

Я живу по островному времени.

В этом доме всегда пять часов!

Más margaritas, por favor![28]

Я смотрела на свою самую нелюбимую картину с китом, а мать сидела напротив и обеспокоенно смотрела на меня. Весь дом пропах моим детством — смесью ванили и, вероятно, плесени. Мать была откровенно встревожена. За неделю запоя я набрала килограмма три, к тому же совсем не спала. Увидеть себя осуждающими глазами матери было настоящим потрясением. Я поняла, что выгляжу так, будто только что вышла из самолета после двадцатитрехчасового перелета с адской турбулентностью; возможно, одна из дверей даже отвалилась в воздухе.

— Ты следишь за своим здоровьем, дорогая? — спросила она, и в глазах ее светилось

---

[28] Примечания: 28

Еще маргариту, пожалуйста! *(исп.)*

беспокойство.

— Конечно, — солгала я.

Я не сказала ей, что моя кровь, по-моему, все еще на девяносто процентов состоит из водки «Смирнофф», а кишечник буквально висит на волоске. Что сколько бы раз я ни умывалась, поры снова забиваются жиром уже через секунду. Что я постоянно нахожусь где-то между сном и явью.

— И на работе все в порядке? — Она поджала губы.

Когда-нибудь мне придется сказать маме, что я потеряла работу, но сегодня был неподходящий день для признания.

— Да. На работе все нормально. Работа как работа, — сказала я небрежно.

— А что ты ешь? — Она бросила взгляд на мой живот, как это обычно делают все матери-бумеры.

Я безуспешно попыталась вдохнуть поглубже и втянуть его. Именно такие вопросы в четырнадцать лет спровоцировали у меня расстройство пищевого поведения. К счастью, когда я повзрослела, мне стало лень мусолить эту тему.

— Я сбалансированно питаюсь, — ответила я фразой, которую услышала в одном подкасте.

— Ну что ж, может, примешь душ и разложишь

свои вещи? — предложила мама. — А я приготовлю нам поесть.

— Ладно, — сказала я.

Какое облегчение, когда тебе подсказывают, что нужно делать.

Я отнесла сумку с вещами в свою комнату, которую мама, согласно моим указаниям, не трогала с тех пор, как я переехала. Однажды она поставила туда беговую дорожку, пытаясь превратить комнату в тренажерный зал, и я расплакалась. Мне тогда было двадцать три. Теперь она знала, что лучше ничего здесь не менять без моего согласия. Стены были выкрашены в темно-розовый цвет — такое решение я приняла в старшей школе, и с тех пор приходилось его придерживаться. Повсюду висели фотографии в рамках с моего выпускного и других важных событий. На многих снимках были старые школьные друзья, которые тогда еще не бросили меня, как самого неудачного щенка в помете.

После душа я чувствовала себя и выглядела немного лучше. Волосы были чистые, а кожа ненадолго утратила жирный блеск — спасибо дешевому гелю для умывания «Сент-Ив», который мама держала в ванной. Когда я вышла, она смотрела «Йеллоустоун». Нас ждал цезарь с курицей.

Она смерила меня взглядом:

— Ну вот, уже ничего.

Мама жестом предложила мне сесть рядом и продолжила смотреть свой сериал, попутно поясняя, кто там с кем спит, кто хороший ковбой, кто плохой, кто — так, ни рыба ни мясо. Я быстро втянулась в драмы этих суровых и красивых людей, хотя никогда раньше не видела этот сериал.

Оказалось, что убийства на этом ранчо — довольно частое явление. Вот, значит, как мама к этому относится. Когда серия закончилась, я решила сделать себе выпить.

— И мне тоже налей, — сказала мама, радуясь предлогу выпить в будний день.

Началась следующая серия. Я потягивала виски и потихоньку согревалась. Минут через двадцать мое тело расслабилось под действием алкоголя.

Я спрашивала себя, существует ли сценарий, в котором я могла бы быть полностью честной с матерью. Поймет ли она, если рассказать ей о проклятии? А о моей ночной вылазке? Простит ли она меня, если я действительно совершила что-то похуже этих двух дурацких поступков? Хотелось верить, что мама в любом случае будет на моей стороне. Но даже если она отреагирует нормально, то все равно станет воспринимать

меня несколько иначе. Может, будет напрягаться каждый раз, как я беру нож, когда мы вместе готовим, или предложит пропить курс лекарств. Даже если она будет по-прежнему любить меня, все равно на некоторое время почва уйдет у нас из-под ног и привычный ландшафт наших отношений изменится.

— Я была странным ребенком? — спросила я маму.

Ее явно раздражало, что я мешаю ей смотреть сериал, но она поставила его на паузу:

— А что?

— Да так, просто, — сказала я, задетая тем, что она сразу не ответила: «Нет».

Помолчав, она произнесла:

— Ты плясала только под свою собственную дудку.

— Как это?

— Ну, не знаю. Иногда с тобой случались неприятности. Ты делала такие вещи, которые люди не понимали.

Она уставилась в стену, словно там был портал в прошлое:

— Думаю, ты это унаследовала от отца. — Она поерзала на диване, видно было, что ей очень хочется сменить тему.

— Как ты можешь говорить, что это у меня от отца? Ты ведь даже не знала его по-настоящему.

Мама сделала большой глоток:

— Ну, немного все-таки знала. Ты с ним тоже однажды встречалась.

— Что? — Она никогда раньше не говорила мне об этом. — Когда я с ним встречалась?

— О, ты была совсем маленькая. Он как-то раз оказался в наших краях и решил посмотреть на тебя. Но… не сложилось, — засмеялась она.

— Почему? Что случилось? — Мне отчаянно хотелось узнать больше.

— Он был халявщик. Небось хотел проверить, есть ли у нас деньги. — Она обвела рукой комнату, указывая на нашу обстановку. — И понял, что денег нет.

— И ушел? — спросила я.

Она кивнула:

— Он пробыл здесь минут двадцать.

Я попыталась это осмыслить: мой отец за двадцать минут понял, что я не стою того, чтобы со мной общаться.

— Я когда-нибудь… причиняла кому-нибудь вред в детстве? — Я положила на колени подушку и обхватила ее руками.

— Ну, той девочке, Мелани, — вздохнула ма-

ма. — Тот инцидент в зоопарке…

— Но она же не пострадала, — возразила я. — Я не причинила ей реального вреда.

— Но ты же ее толкнула. Учительница хотела, чтобы я отвела тебя к психиатру. Всех потряс этот случай.

Я вспомнила, что в детстве мама не единожды собиралась отвести меня к психологу: один раз после случая в зоопарке, другой — когда мне было лет восемь. Играя во дворе, я уговорила трехлетнего соседского мальчика зайти в лес и спрятаться — напугать родителей. Малыш слишком хорошо выполнил мои инструкции и пропал до наступления ночи. Когда его наконец нашли, он тут же сдал меня, пролепетав мое имя на своем детском языке. После этого мама предложила мне сходить к психологу. Я согласилась, но, узнав стоимость консультации, мама решила, что со мной, пожалуй, все в порядке.

Я вспомнила день инцидента в зоопарке. Когда мы вернулись домой, мама велела мне идти к себе и подумать о своем поведении. В детстве я приходила в восторг, когда она притворялась матерью, которая воспитывает меня, а я — ребенком, который ее слушается. Мы словно изображали нормальную семью, только папы никогда не

было дома — должно быть, за молоком вышел. В те времена я обычно не страдала от последствий своих поступков. А у мамы не было сил доводить наказание до конца. В пять лет я камнем нацарапала свое имя на маминой машине, и меня поставили в угол, но уже через несколько минут выпустили, чтобы мы могли вместе посмотреть «Друзей». В доме были только мы вдвоем: она не могла себе позволить враждовать со мной.

— Но ведь физически я никому не причинила вреда? — допытывалась я.

— Нет. — Мама уставилась на экран, с нетерпением ожидая, когда можно будет вернуться к сериалу. — Почему ты вообще меня обо всем этом расспрашиваешь?

Я сглотнула. Я уже говорила маме, что дело Генри закрыто, но сейчас мне представился шанс рассказать ей о том, что я совершила — или могла совершить. Это был мой шанс посмотреть в глаза женщине, даровавшей мне жизнь, и задать ей вопрос, который не выходил у меня из головы с тех пор, как Джейми рассказала мне о платеже за «Убер»: способна ли я на такое?

— Так вот, насчет Генри… Выяснилось, что я все же выходила из дома той ночью… — начала я. У меня дрожали руки. — …В тот вечер я приняла

амбиен, чтобы заснуть, поэтому я и не запомнила, что выходила…

Мама резко повернулась ко мне:

— С каких это пор ты принимаешь амбиен? Ты же не употребляешь наркотики.

— Я просто не могла заснуть, — сказала я. — И я не употребляю наркотики. Но технически меня не было дома, когда он умер, я…

Мама снова перевела взгляд на экран телевизора, словно ожидая, что один из ее ковбоев спрыгнет с экрана и спасет ее:

— Ладно. Значит, ты вышла из дома… Ничего страшного.

— Дело в том, что я была в том районе, где его убили. — Мое сердце забилось чаще. Мама отпила из своего стакана. — Боюсь, что… Вдруг я сделала что-то такое… — начала я.

— Хватит, Лиллиан! — вдруг выпалила мама.

Я застыла. Моя мать не повышала на меня голос. Она и в детстве делала это крайне редко, а чтобы она осмелилась накричать на меня теперь, когда я стала взрослой, об этом не могло быть и речи. Явный сбой в системе.

— Знаешь, я думала, ты приехала домой, чтобы побыть со мной. Уделить немного времени своей матери. Ты почти не звонишь мне, и вот теперь,

когда ты здесь, ты только и знаешь, что говорить об этой истории с Генри. Все кончено. Его больше нет. Тебе нужно смириться с этим и жить дальше, — отрезала она. — И ради всего святого, прекрати говорить об этом!

Я молчала, ошеломленная ее реакцией.

— Надо взять шалфей или что-то в этом роде… Кажется, у меня есть, могу тебе дать. А моя подруга Дженни только что получила сертификат по Рэйки. Она могла бы помочь тебе справиться с этим. Хотя я бы избавила ее от подробностей… — добавила она.

Позиция моей матери была ясна: она не хотела знать, что могло случиться той ночью. Разве она виновата? Я тоже не хотела этого знать. Но бремя того, что могло случиться, лежало на мне, и мне предстояло нести его в одиночестве. Нельзя было рассказать об этом ни адвокату, ни психиатру, ни Джейми, ни даже собственной матери. Придется лгать ради других и оставаться той версией себя, с которой всем комфортнее, чего бы мне это ни стоило.

Придется продолжать играть свою роль.

Глава тридцать вторая

Я сидела в вагоне с небольшим свертком шалфея в руках, возвращалась от матери домой. Поездка из Арлингтона в Мишн-Хилл обычно занимала чуть больше часа. Я почувствовала, как тяжелеют веки: я не спала всю ночь, ворочалась с боку на бок. Во мне бурлил адреналин, как у спортсмена перед олимпийским стартом. А не забраться ли в кровать к маме и не уснуть ли у нее в ногах, как собака? В детстве, лет до двенадцати, я так и делала, пока она не сказала, что я слишком взрослая для подобного поведения. В итоге я осталась в своей кровати. И вообще, я даже не знаю теперь, какие у меня отношения с собственной матерью.

Поезд ни шатко ни валко двигался вперед, я беспомощно мотала головой, то проваливаясь в сон, то просыпаясь. Хоть бы не встретить никого из знакомых. Наверное, я выглядела как наркоманка из Саут-Бостона, которая едет в метадоновую клинику за своей ежедневной дозой. «Сентрал», — с сильным акцентом объявил машинист через громкоговоритель.

В конце концов я больше не смогла бороться, меня одолел сон.

Я покачиваюсь на заднем сиденье «Убера». Тело кажется легким и неустойчивым, будто я под водой. Смотрю в окно, и мне хочется, чтобы звучала песня «A Thousand Miles» Ванессы Карлтон. Я спрашиваю водителя, можно ли подключить мой телефон, чтобы послушать ее, но он делает вид, что не слышит.

Не могу разобрать, на каком языке эта песня. Может, на русском?

— Можно я воткну свой айфон? — снова спрашиваю я.

— Ладно, — отвечает хриплый голос.

Тут я осознаю, что все равно оставила телефон дома. Ладно, проехали.

На зеркале заднего вида у него болтаются четки. Я ловлю взгляд водителя. Интересно, считает ли он меня дьяволицей. И не дьяволица ли я в самом деле? Что я здесь делаю? В чем состоит мой план?

Заднее стекло опущено. Водитель пытается не дать мне уснуть. Я понимаю, что он может меня изнасиловать, но гоню этот страх прочь, боясь материализации собственных мыслей. Меня

может стошнить.

— Только не смейте блевать! — предупреждает водитель.

Я стою около двери бара в тонких пижамных штанах, рубашке с длинными рукавами и домашних шлепанцах. Не самый лучший наряд для выхода. Мимо проходит бездомная женщина и кивает мне, словно говоря: «Добро пожаловать к нам на район, товарищ!»

Я прислоняюсь к стене и на минуту засыпаю.

Просыпаюсь и вспоминаю, что у меня тут дело.

Хорошо, что документы взяла. Вышибала долго разглядывает фото в удостоверении. Может, он хочет меня трахнуть?

— У меня есть парень, — говорю я. — Он как раз внутри.

Ни на кого ни глядя, иду в туалет.

В туалете я вижу в зеркале незнакомую женщину, она уставилась на меня. Женщина кажется мне уродкой, пока я не понимаю, что у нее мое лицо. Может, здесь плохое освещение. Я поднимаю и опускаю брови, чтобы убедиться, что еще жива. Кажется, жива.

У меня с собой большая сумка. Я не смотрю, что внутри, но знаю, что там есть все необходимое.

Сажусь на унитаз и отключаюсь на несколько минут.

Слишком резко встаю, и струйка мочи стекает по моей ноге.

— Ты там долго еще? — спрашивает стервозный женский голос.

— Занято! — отвечаю я.

Почему, когда пользуешься туалетом, всегда чувствуешь себя так неловко?

— Ты чертова сталкерша! — кричит он.

Кажется, мы деремся. Генри перестает орать на меня, когда мимо проходит группа мужчин. Я делаю жалостное лицо, типа: «Мой парень меня бьет», но они не останавливаются. Похоже, рыцари нынче перевелись.

Генри идет домой, а я следую за ним. Мне нужно с ним поговорить. Я не могу отпустить его, пока мы не поговорим.

Генри тоже пьян. Пошатываясь, он пытается оторваться от меня. Возможно, я действительно веду себя как сталкер. Со спины он выглядит

маленьким и беспомощным. Я бегу за ним.

— Я лишь хочу поговорить, — твержу я заплетающимся языком.

Этот голос вовсе не похож на мой.

— Ты сумасшедшая, — говорит Генри.

Теперь он повернулся ко мне лицом. Наконец-то мы разговариваем. Но он не хочет слушать. Мне нужно заставить его слушать.

Я вспоминаю, зачем взяла сумку, и достаю из нее важную вещь, которую захватила с собой. Мне не хочется ее использовать. Я просто хочу напугать его, проучить. Хочу, чтобы он почувствовал то, что чувствовала я. Чтобы он понял, как на самом деле страшно, когда не контролируешь собственное тело.

Я вовсе не хочу причинять ему вред. Но он опять не слушает. Может, ему все равно, что я хочу сказать? Может, ему всегда было все равно? Может, я для него всегда была только телом, в котором и нет никакой души?

Плоть на самом деле довольно мягкая, пока не упрешься в кость.

В плоти много крови. Гораздо больше, чем показывают в кино.

Я успокаиваю Генри, говорю, что с ним все будет хорошо.

Телефон я не взяла, так что не могу никому позвонить. К его телефону даже не притрагиваюсь.

— Тссс. — Я держу в ладонях его лицо, пока он засыпает. Во сне он выглядит безобидным. Но я-то знаю, на что он способен.

А все-таки приятно, когда последнее слово остается за тобой.

Адреналин согревает.

Я быстро хожу.

Никто не нападет на тебя, если ты сама чудовище.

Глава тридцать третья

У меня поднялось давление. Вернувшись домой, я последовала совету матери и окурила квартиру шалфеем. Я читала в Интернете, что темная энергия может исходить из самых разных источников. Некоторые приносят ее с работы, как дети — вшей из детского сада. А если в помещении произошло травмирующее событие, плохая энергия задерживается там, просачивается в стены и проникает в щели между половицами. Иногда люди носят в себе тьму, как наркокурьеры. Я предполагала, что это как раз мой случай — я стала носителем, магнитом, притягивающим неудачи. Эта тьма преследовала меня, просачивалась в мой мозг и убеждала меня, что я могу быть тем, кем не являюсь. Мне нужно было от нее избавиться.

Я подожгла шалфей и обошла всю квартиру, каждый ее сантиметр. За мной тянулся шлейф серого дыма. В Интернете писали, что, сжигая траву, полезно представлять себе плохую энергию багажом, который можно собрать и отослать прочь. Я вообразила наш с Генри поцелуй… и

положила его в косметичку. Я представила, как просыпаюсь рядом с Норой, и упаковала это в дорожную сумку. Я вспомнила слова Генри о том, что нам нужно расстаться, и сунула их в рюкзак на колесиках. Вот Гектор спрашивает, не я ли убила Генри, — и я засовываю этот вопрос в боковой карман чемодана, куда обычно кладу нижнее белье. Поцелуй с Джейми уместился в бутылочку из-под шампуня. Сеанс терапии отправим бандеролью. Инцидент с Мелани Фрэнк в зоопарке уже лежит в обувной коробке.

Потом я подумала о том, что Генри сделал со мной.

Я вспомнила, как мое лицо вдавливали в матрас. Как я гадала, из чего сделаны его простыни. Как смотрела на картину с тремя рыбами на стене — ее, вероятно, выбрала Нора. Третья рыба, похоже, задыхалась. Вдох-выдох. В тот момент я исследовала все уголки и щели своего мозга, кроме того, который отвечал за мое собственное тело.

Это воспоминание я уложила в гроб.

Я опустила этот гроб в глубокую яму.

Я наблюдала, как дым шалфея кружится, танцуя в воздухе, словно от радости, что наконец-то нашел себе выход. Пусть мои мысли свободно

танцуют вместе с ним.

Может быть, я это сделала.

Может быть, я убила Генри.

Может быть, меня нельзя считать плохим человеком из-за одного дурного поступка. Может быть, Генри это заслужил. Может быть, я защищала других, избавляя мир от мужчины, который не слышал слово «нет». Может, я и Нору спасла от его измен. Я спасла нас обеих. Я уберегла женщин от мужчины, который притворяется смирным, читает книги в барах, рассуждает об изменении климата и строит из себя заботливого и внимательного; от мужчины, который дает тебе ровно столько, чтобы всегда было мало. От мужчины, который видит в одних женщинах людей, а в других — лишь тела, которые можно заполнить. От мужчины, с которым чувствуешь, что тебя могут ограбить, даже если тебе нечего терять. Может быть, я раскусила Генри, разглядела его настоящую сущность. И мне пришлось уничтожить его, как инвазивный вид. Если на то пошло, я совершила смелый и благородный поступок.

Квартира наполнилась дымом, и вскоре я уже с трудом различала собственную руку. Закружилась голова, и я наконец открыла окно. Спустя некоторое время дым рассеялся. В квартире по-

вис резкий и тяжелый запах, похожий на запах влажного мха и земли. Тогда я зажгла пало санто, на этот раз думая о приятном и желая наполнить этими мыслями пространство. Я думала о новой работе, где меня будут ценить. О том, как начну все с чистого листа. О том, как постараюсь произвести правильное первое впечатление на новых коллег. О том, как меня будут приглашать выпить после работы, звать на свадьбы. О том, как заведу друзей, с которыми буду видеться чаще, чем раз в месяц. И Джейми забудет про платеж за «Убер». Буду поддерживать приятельские отношения с Норой и комментировать ее посты в «Инстаграме»: «Вот это да! Улет!» Я думала о том, как встречу мужчину, которому действительно понравлюсь. О том, как у нас с ним будет отличный секс, а потом наши отношения превратятся во что-то скучное и доброе, и мы в основном будем просто вместе смотреть телевизор. Или лежать в постели и разговаривать, и мне не придется удалять волоски из задницы, чтобы меня любили. Я думала о том, как буду с кем-то сама собой, не волнуясь, что недостаточна хороша.

Я представляла себе жизнь, в которой я никогда не встречала Генри.

Освежающий аромат начал перебивать запах

шалфея. Когда я вошла в спальню, на меня внезапно нахлынуло острое чувство дежавю. Мне показалось, что я уже смотрела на свою комнату именно из этой точки, точно так же.

По телу, от макушки до копчика, пробежал холодок.

И тут я вспомнила, куда положила его.

Я медленно подошла к своей кровати. Постельное белье не менялось больше месяца. Я знала, что нужно стирать его хотя бы раз в две недели, но делала это только тогда, когда на простынях появлялись заметные пятна. Скоро надо будет постирать. Моя кровать была придвинута к стене. Я смотрела на матрас, словно из-под него вот-вот вылезет призрак Генри.

Я осторожно отодвинула кровать от окна.

Глухой стук.

Что-то упало на пол.

Я забралась на матрас и заглянула за кровать.

На полу лежал окровавленный нож.

Мать твою!

Я боялась прикоснуться к нему. То, что совершено этим ножом, ко мне не имеет отношения, это исключительный случай, вынужденная мера. А если я дотронусь до него, мы сольемся воедино, сотрется грань между мной и убийцей. Во рту

пересохло. Я попыталась набрать хоть немного слюны.

Двумя пальцами я все-таки подняла нож.

Побежала в ванную, бросила нож в раковину и включила воду, как будто можно было расплавить металл, если сделать воду погорячее. Я наблюдала, как засохшая кровь из ржаво-коричневой становится ярко-красной, а потом утекает в слив. Сердце так колотилось, что казалось, оно бьется о грудную кость.

Я взглянула на унитаз.

И вспомнила. Это воспоминание накрыло меня волной.

Точно!

Вот куда я ее положила.

Я открыла крышку бачка и обнаружила внутри футболку в оранжево-красных пятнах. Глубоко вздохнув, я вернула крышку на место.

Вот почему барахлил унитаз.

В дверь постучали.

Сердце сердито бухнуло и запульсировало уже где-то в горле.

Я повернулась к зеркалу. Вид еще тот. Веки припухли, кожа в пятнах. Глядя себе в глаза, я пыталась найти там себя.

Я — все еще я, правда?

Еще один стук.

Возможно, это мой арендодатель. Я что, забыла заплатить за квартиру? Раньше-то Элиза занималась всей этой тягомотиной.

Я посмотрела в глазок входной двери. За ней стояла Джейми. Какое облегчение! Я знала, что она образумится, что в конце концов она соскучится по мне. Я смело распахнула дверь.

— Привет, — сказала я, как Гарри, когда он встретил Салли после стольких лет разлуки.

— Привет, — устало отозвалась она. — Можно войти?

Я медлила с ответом, и Джейми восприняла это как разрешение.

Войдя, она принялась кружить по гостиной, как летучая мышь, случайно залетевшая в дом. Я быстро подошла к двери в ванную, которая примыкала к моей спальне, и закрыла ее.

— Что случилось? — Я сложила руки на груди.

— Можно я все-таки посмотрю ту поездку на «Убере»?

Так вот зачем она пришла. Не для того, чтобы спасти нашу дружбу. Ей нужны были доказательства.

— Я удалила приложение, — сказала я.

Джейми застыла:

— Почему?

— Не знаю… Я им не пользовалась.

Джейми сглотнула:

— Мне так тревожно… Я знаю, что полиция думает на того бомжа, но… не знаю. Я не могу спать. У меня панические атаки… — сказала она срывающимся голосом. Она надеялась, что я тут же протяну ей телефон и развею все ее страхи. — Пожалуйста, можно я просто посмотрю? — Она почти умоляла.

— Я не смогла бы показать тебе приложение, даже если бы захотела, — ответила я. — Извини.

Джейми кусала ногти, пока один из заусенцев не начал кровоточить.

— Ты это сделала, Лил? — спросила она. — Ты убила его?

Вот оно. Теперь все вышло наружу. Интересно, какое у меня сейчас лицо. Я попыталась придать ему невинное выражение.

— Да ладно! — рассмеялась я.

— Лиллиан, я серьезно, — сказала Джейми, и такой твердости в ее голосе я никогда раньше не слышала.

Стоит ли быть с ней честной? Стоит ли объяснять ей, что я и вправду могла убить Генри? Может, это был несчастный случай, а может, и

нет. А может, это лучшее, что я совершила в жизни. Способна ли Джейми принять это, понять, что этот поступок не делает меня плохим человеком? Если бы она поняла, возможно, мы бы с ней жили долго и счастливо. Возможно, я увидела бы ее в новом свете. Возможно, мы полюбили бы друг друга. Возможно, я дала бы ей то, чего она всегда хотела, а она дала бы мне то, в чем я всегда нуждалась: чтобы кто-то увидел меня такой, какая я есть, и все равно не разлюбил. А может быть, она разочаровала бы меня, как и все остальные.

— Разумеется, я не убивала его, — сказала я, глядя ей прямо в глаза.

Я сделала шаг и отрезала Джейми путь к двери. По ее лицу было видно: она знает, что убила я, и боится меня. Я вспомнила о ноже в раковине.

— Что-нибудь выпьешь? — спросила я.

Я не могла рисковать.

Благодарности

Поблагодарить всех, кого я должна поблагодарить, кажется мне почти невозможным. Для тревожного человека это худший кошмар. Но я постараюсь.

Во-первых, я очень благодарна моему невероятному агенту Николе Барр. Ваши вдумчивые заметки, энтузиазм и непоколебимая вера в успех этого предприятия сделали роман таким, какой он есть. Спасибо, что вы всегда защищали Лиллиан (даже когда она делала все для того, чтобы никому не захотелось быть на ее стороне).

Мне невероятно повезло: у меня было несколько блестящих редакторов, которые помогли этой истории обрести окончательный вид. Огромная благодарность моему редактору в «Putnam» Тарини Сипахималани: ваш острый взгляд придал роману необходимую резкость, а ваша поддержка помогла мне сохранить столь необходимый рассудок. Спасибо моим редакторам в «Fleet» Рианнон Смит и Кейтлин Ландуит. Я безмерно благодарна за ваш творческий вклад в этот роман.

Спасибо всем, кто помог этой книге стать книгой: Элис Далримпл, Бреннин Каммингс, Николь Битон, Эшли Такер, Линдси Таллох, Анне Карсон, Майе Балдауф, Альмудене Ринкон, Линдси Сагнетт, Эшли Макклей, Алексису Уэлби и Айвену Хелду. Спасибо моему корректору Мэри Бет Констант за то, что помогла мне выглядеть намного умнее, чем я есть на самом деле. Спасибо Сэнни Чиу за потрясающий дизайн обложки. Спасибо моим зарубежным издателям — ваша вера в эту историю так много для меня значит. Столько людей, остающихся за кулисами, помогают книгам выходить в свет. В эпоху тридцатисекундных роликов и снижения концентрации внимания я бесконечно благодарна вам за вашу работу.

Огромное спасибо Анне Фликингер, Орли Гринберг и Фэйт Браун из «UTA», а также Кэти Ньюман из «3Arts» за то, что отстаивали интересы этой книги.

Я в долгу перед теми, кто прочитал эту книгу первыми и заверил меня, что это действительно роман, а не просто бред сумасшедшей (или, возможно, и то и другое). Спасибо Эмили Шей, Кейси Рэкхем и Фарре Пенн за то, что стали моими первыми читателями.

Спасибо моей писательской группе за эмоци-

ональную поддержку на этом пути. Все не так страшно, когда есть наш общий чат. Я также благодарна тем, кто позволял мне отменять планы ради работы над этим романом. Их слишком много, чтобы перечислять поименно — не потому, что у меня куча друзей, а потому что я отменяла встречи с очень многими людьми. Отдельная благодарность тем, кому я нон-стоп писала об этой книге: Санжане, Илане, Таре, Аланне, Эш и Аманде.

Спасибо моему психотерапевту Джинджер. Можно ли называть ваше имя? Надеюсь, что да. Спасибо, что следили, чтобы я ни капли не была похожа на Лиллиан. Буду рада, если мой роман вас позабавит.

Я не была бы тем писателем и тем человеком, которым являюсь, без «Хиллсайд Мэнор» — женщин, которые прошли со мной через самые бурные периоды взросления и, как ни странно, все еще меня любят. Я вас всех обожаю.

Огромная благодарность моей семье за поддержку и за то, что вы открываете эту книгу, хотя я умоляла вас ее не читать. Я благодарна маме, которая поверила, что я писатель, раньше меня самой. Спасибо моей сестре за то, что она моя лучшая подруга и всегда меня выслушает, и

моему брату за его поддержку и любовь. Спасибо моему отцу и Лу за то, что они всегда готовы были принять меня в Мэне.

Большое спасибо тем моим родным, которые поддерживали меня из самого далекого далека, особенно моей бабушке, которая еще в детстве привила мне глубокую любовь к чтению.

Я не смогла бы написать этот роман без моего мужа Крисанто. Спасибо тебе за ужины, приготовленные для меня поздними вечерами, за чтение черновиков, за то, что дал мне чувство безопасности, позволившее написать нечто столь безумное. И что рядом с тобой я никогда не ощущала себя Лиллиан. Я так тебя люблю!

И наконец — читателям, библиотекарям, рецензентам и продавцам книг. Спасибо, что взяли эту книгу в руки и нашли ей место у себя дома, в магазине или библиотеке. Неужели вы правда на нее потратились? При нынешних-то ценах? С ума сойти. Для меня очень важно то, что вы уделили немного времени созданному мной миру. Я ужасно рада, что вы отправились в это приключение вместе со мной.